Сборник проповедей с сайта Армянской Апостольской Церкви

Проповедь Архимандрита Гарегина Овсепяна, произнесенная в 1907 г. (перевод совершен с некоторыми сокращениями)

Наша духовная Родина

Вспомни дни древние, помысли о летах прежних родов; спроси отца твоего, и он
возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе.
Второзаконие 32 :7

Всякое творение, подлежащее развитию, имеет родину: растения, животные имеют свои родные среды обитания, где они растут свободнее, чем в каком-либо другом месте. Не все экваториальные растения могут расти в северном поясе и наоборот. Этому закону, установленному провидением, подчиняется также человек. Но есть одна существенная разница между человеком и другими созданиями: жизнь человека есть сумма животного и духовного.

Для народов, живущих цивилизованной жизнью, кроме Родины в обычном понимании есть еще и другая, духовная Родина. Подобно материальной, духовная жизнь также имеет свою родину.

Одно и то же понятие не может взрастать на всякой земле. Даже нравственные и религиозные всеобщие воззрения в разных народах имеют разные выражения. В том числе христианство получило различные объяснения и оттенки среди народов, несмотря на то, что повсюду имеет один корень.

Богословские и обрядовые различия между церквями, разделение Вселенской церкви на национальные церкви, являются следствием Божьего домостроительства и естественных, исторических условий, а не своеволием той или иной личности.

Духовная жизнь каждого народа имеет свои характерные стороны и особенности, которые могут развиваться только на своей родной земле.

Итак, что есть духовная Родина армянского народа?

Ответить на этот вопрос мы можем, пересмотрев прошлое нашего народа, ведь история, это зеркало, в котором отображается правильный образ жизни народов.

Осознанная цивилизованность армянского народа начинается с утверждения христианства и несет его печать на всем своем развитии. Первый памятник армянской письменности, это перевод Священного Писания, на котором взросло не одно поколение армян. Если даже мы и имели языческую цивилизацию в пятом веке, то она слилась с христианской. История духовной жизни армян отождествляется с историей развития нашей церкви. Писцы и учителя армянского народа были и служителями Церкви. Наука и искусство в армянском народе зародились в церкви. Мы получаем знания об армянской архитектуре благодаря монастырям и храмам, возведенным предками. На стенах этих же монастырей можем найти армянские скульптуры, орнаменты, хачкары, остатки фресок. Миниатюра появилась и сохранилась в множестве рукописей стараниями армянских монахов. Благодаря священным сосудам и одеяниям, хранимым в церквях и монастырях, мы получаем представление о рукоделии армянского народа, ювелирном искусстве и резьбе по дереву. Церковное пение сохранило и передало из поколения в поколение народные мотивы. Образовательными центрами наших предков были монастыри со своими монахами. Здесь получили образование не только духовенство, но и князья с простым народом. Монастыри хранили древние рукописные сборники, благодаря изучению которых стало возможным узнать о нашем историческом прошлом.

Стало быть, духовная Родина Армянского народа – АРМЯНСКАЯ АПОСТОЛЬСКАЯ СВЯТАЯ ЦЕРКОВЬ.

Только на этой Родине мы можем расти и развиваться духовно. Мы не можем отказаться от нашего прошлого, если конечно пелена безграмотности не окутала наши души.

Развитие — это единение цепей: новое звено должно соединиться со старым и так бесконечно. Кто всегда начинает заново, тот навсегда и останется в начале.

Преходящее и земное должно преклониться и стать подпорой для нравственных и вечных понятий. Целью цивилизации должно быть создание в природе нового мира, наполненного истиной, добром и красотой. Понятая таким образом, и соединенная с центром человеческой души – религией, цивилизация, является Божьим благословением.

Перевод с армянского: иерей Нерсес Хананян, настоятель церкви Св. Иоанна Предтечи г. Якутска

Пророк Илия. Ревнитель истинной веры

Святой Илия - один из величайших пророков Ветхого Завета, родился в Фесвии Галаадской в колене Левиином. Его рождение было ознаменовано видением. Когда мать Илии рождала его, Савах (отец пророка) увидел благообразных людей, разговаривавших с младенцем, пеленавших его огнем и кормивших, влагая в уста пламень огненный.

С малых лет он посвятил себя Богу, поселился в пустыне и проводил жизнь в строгом посте и молитве. Вскоре пророк стал ревнителем истинной веры и благочестия.

По молитве Боголюбивого Илии небо заключилось, наступила засуха и голод по всей земле. Силою своей молитвы великий пророк сотворил и другое чудо - воскресил умершего сына вдовы из Сарепты Сидонской. Согласно преданию, имя усопшего было Иона, и именно он, впоследствии, сподобился пророческого дара и был послан в Ниневию проповедовать покаяние.

За свою ревность о Боге пророк Илия был взят на Небо живым в огненной колеснице, свидетельством чего стал пророк Елисей.

Он также был удостоен встречи со Христом. Во время Преображения Господня на Фаворе Его видели три святых апостола: «По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними… И вот, явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие» (Мф. 17, 3; Мк. 9, 4; Лк. 9, 30). Есть

разные объяснения, почему именно этих двух святых избирает для беседы Христос. Во-первых, Илия, как и Моисей, имел опыт непосредственного Богообщения: Моисей получил от Бога закон, а также общался с Всевышним настолько близко, насколько возможно для человека (Исх., 33). Илия же стоял лицом к лицу перед Богом по Его призыву (3Цар., 19). Святой Иоанн Златоуст об этом говорит следующее: «один умерший и другой, еще не испытавший смерти, предстали пред Христом для того, чтобы показать, что Он имеет власть над жизнью и смертью, владычествует над небом и землей».

Дабы не создать в лице Святого Илии образ религиозного фанатика, необходимо отметить, что ревность пророка не была слепой, она была наполнена истинной любовью. Он оплакивал духовную погибель множества человеческих душ, печалился о жестоком гонении на праведных, но больше всего скорбел о бесчестии по отношению к Богу со стороны нечестивых людей.

Сегодня, вспоминая Святого Илию, с горечью хочется отметить, что мало кто из нас следует примеру этого великого защитника и заступника истинной веры, мало среди нас благочестивых, готовых обличить тех, кто совершает беззаконие. Причина тому не только наш греховный образ жизни, но и страх остаться непонятым, вызвать на себя гнев окружающих, стать предметом их презрения и ненависти.

Пророки зачастую страдали за свою ревность. Их бросали в темницы, толпы насмехались над ними и забивали камнями. Но пророки, которых можно назвать первыми апологетами (от греч. апология απολογία - защита, заступничество), продолжали бестрепетно нести свою миссию.

Христианский мир знает не один десяток святых, которые не побоялись и жизнь свою отдать во имя защиты учения Христова. Св. Иерей Гевонд, Св. Вардан Мамиконян и его войны отказавшись от временных благ, предпочли пасть на поле брани, защитив свою святую веру. Ради того, чтобы Господь не был поруган пролилась кровь тысяч людей. Жертвы Геноцида армян 1915 года, а ныне святые мученики отдали свои жизни, но не отреклись от христианства. Также поступили в наши дни копты и эфиопы, принявшие мученическую смерть от рук радикально настроенных исламистов, о которых Священное Писание говорит: «…наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу» (Иоанн 16:2). Поистине, все эти мученики стали подражателями ревностного верования пророка Илии.

Сегодня, даже там, где Церкви, приходу или пастырю не грозит физическая расправа, есть нужда в защите, и зачастую от самих же христиан. Много можно услышать обвинений в адрес Церкви, а еще больше осуждений священников. Бывает так, что мы со смирением принимаем такого рода нападки, но иногда надо и возразить, когда злословят на других людей. Господь создал Церковь и поставил

священников ради спасения людей, и поэтому прихожанам стоит выступать против возводимой на них лжи.

Пусть же молитвы Святого Илии обратят нас к покаянию, наполнят наши сердца храбростью, дабы и мы подобно ему возревновали о славе Божьей и о спасении людей любовью Христовой.

Иерей Нерсес Хананян
Настоятель Церкви Св. Иоанна Предтечи г. Якутска

Проповедь Св. Татеваци на Страстную Пятницу из книги «Зимний Том»

Не плачь Матерь Моя, ибо боль Твоя, больше боли Моей... Когда Господа предали на мучения, то Богородица не знала еще об этом… Но кто должен был сказать Ей об этом? - Ты Архангел Гавриил скажи Ей об этом… - Как мне сказать Ей, ибо может умереть от этой вести, ибо я Ей благую весть передал, но не весть о смерти… - О! Дух Святой Ты скажи Ей об этом, ибо Ты есть утешение для плачущих. - Сегодня не есть день утешениия и радости, а если дам радость, то не воспримет душа Ее. - Женщины, которые всегда были рядом с Ней, скажите Ей о том, что Сына предают на смерть. Но они сели рядом с Нею и не смогли ничего сказать. - О! Иоанн, ты пойди и расскажи Ей… И он пошел к Ней и сказал: - Мария, где Сын Твой, где радость Твоя, где Учитель наш? И когда спрашивал Иоанн, то евреи повели Господа на распятие и проходили перед домом Марии. Многие кричали, что мол идите посмотрите на лжепророка… Услышав эти крики, Мария вышла из дома и увидев Сына потеряла сознание и упала, как мертвая. - Женщины помогите Матери нашего Господа!!! Они подняли Ее, и когда Она пришла в себя, то вновь увидев Сына. начала горько плакать, рвать волосы и одежду… - Сын Мой возлюбленный, как Я потеряла Тебя? Жизнь Моя и Сердце Мое, Мое утешение, куда Мне пойти? И Она пошла всдед Сына Своего, по дороге Она опять потеряла сознание… Дойдя до Голгофы Она горько рыдала… - Святая Богородица, зачем так горько плачешь? - На то имею причину, ибо вижу Сына Своего в страданиях, но не могу помочь и не могу утешить. Вижу, что Он умирает, но не могу с Ним умереть. Вижу, что жаждет, но не могу дать воды. Горе Мне, что Мне делать? Сын Мой воды хочет, а Ему желчь дали, боюсь за водою пойти, может уже мертвым найду Его… - О! Гавриил, где благая весть Моя, где радость Моя, где приветствие Мое… Горе Мне, Я - Мариам, (что значит светящееся звезда), померкла… Ты сказал Мне:

Благодатная Ты… А Я сегодня полна горечи… Сказал, что Господь с Тобою, но сегодня взяли от Меня Господа Моего… Сказал, что благословенна ты среди жен, но сегодня Я позор и поношение среди жен. - Ты Елизавета дорогая, сказала, что благословен плод чрева Твоего, а Этот Плод проклинают и предали на смерть. - Убейте и Меня, ибо умереть для Меня будет хорошо, чем остаться жить после всего этого. Сын Мой всех Ты милуешь, а Меня почему не милуешь, чтобы умереть Мне вместе с Тобою? Разбойника милуешь, обещая ему быть с Тобою в Раю, а Меня оставляешь одну… А Господь смотрел на Мать Свою и утешал Ее: - Не плачь Матерь Моя, ибо боль Твоя, больше боли Моей...

Проповедь Св. Татеваци на Страстную Пятницу из книги «Зимний Том»

Проповедь иерея Нерсеса Хананяна в Воскресенье о неверном управителе

08 марта 2014 г.

Церковь Воскресения Христова г. Москва

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа.

Аминь.

В Евангелии от Луки есть замечательная притча, которая считается одной из самых сложных и трудно толкуемых в Новом Завете. Часто, очередной раз, прочитывая ее, мы стараемся не вдумываться в глубокий смысл рассказываемой истории, боясь ее неправильного восприятия. Некоторые толкователи, встречая трудности в понимании данной притчи, выражают мнение, что текст ее был искажен. Но если мы все трудности, с которыми встречаемся при чтении Евангелия, будем объяснять искажением текста при переписке, то дойдем до отрицания подлинности Евангелия. Поэтому, не обвиняя переписчиков в искажении Евангелия, с Божьей помощью, попытаемся вместе найти ее толкование.

Изречение Господне - и Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным (Лк. 16:9) - превратно толковалось многими людьми еще в первые века распространения христианства. Основываясь на нем, говорили, что достаточно уделить бедным малую часть из украденного для того, чтобы войти в Царствие Божие. Таким

образом, понимая это изречение Иисуса Христа, Юлиан Отступник даже издевался над всем учением Господа.

Мы же воспользуемся сегодня советом святых отцов церкви о том, что не следует все части притчи изъяснять до тонкости, но, воспользовавшись предметом насколько прилично, прочие части оставим без внимания, как прибавленные для целости притчи. Ибо, если мы возьмемся до подробности объяснять все: кто домоправитель, кто приставил его к управлению, кто донес на него, кто должники, почему один должен маслом, а другой пшеницей, почему говорится, что они должны были по сто, и если все прочее вообще будем исследовать с излишним любопытством, то мы усложним себе путь к пониманию текста. Поэтому настоящей притчей надо воспользоваться, насколько это возможно.

Притча рассказывает нам о неверном управителе:

Сказал же и к ученикам Своим: один человек был богат и имел управителя, на которого донесено было ему, что расточает имение его; и, призвав его, сказал ему: что это я слышу о тебе? Дай отчет в управлении твоем, ибо ты не можешь более управлять. Тогда управитель сказал сам себе: что мне делать? господин мой отнимает у меня управление домом; копать не могу, просить стыжусь; знаю, что сделать, чтобы приняли меня в домы свои, когда отставлен буду от управления домом. И, призвав должников господина своего, каждого порознь, сказал первому: сколько ты должен господину моему? Он сказал: сто мер масла. И сказал ему: возьми твою расписку и садись скорее, напиши: пятьдесят. Потом другому сказал: а ты сколько должен? Он отвечал: сто мер пшеницы. И сказал ему: возьми твою расписку и напиши: восемьдесят. И похвалил господин управителя неверного, что догадливо поступил; ибо сыны века сего догадливее сынов света в своем роде. И Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители. (Лк 16:1-9).

К чему же призывает Христос в этой истории, кажущейся на первый взгляд, мягко говоря, странной. Ведь в противовес евангельским ценностям в пример приводится человек, который за свое поведение должен быть удостоен только осуждения.

Рассмотрим текст более подробно. Нерадивому управителю, расточившему хозяйский капитал, становится известно о предстоящем увольнении. Он списывает должникам хозяина значительную часть долга, чтобы обеспечить себе их благосклонное расположение после того, как будет уволен. Хозяин узнает об этом, но вместо того, чтобы наказать лжеца, почему-то хвалит его за сообразительность. Так что же в действиях управляющего оказалось достойным хозяйской похвалы? Ведь списывая долги, он тем самым лишь подтвердил свою репутацию расточителя чужого имения не по назначению. Получается, что хозяин

за одни и те же действия вначале собирается прогнать управителя, а потом хвалит его.

Ключ к пониманию этой притчи находится в вопросе - «А за что вообще хозяин может хвалить слугу?». Ответ очевиден - за исполнение воли хозяина, за верное управление его имуществом, за умение правильно расходовать то, что ему вверено. И если хозяин из притчи похвалил управителя за раздачу его имущества должникам, значит, именно этого он и ждал от него.

Предположим, что управляющему было поручено распределять имение хозяина между неимущими, дать кому-то в долг, оказать помощь, но вместо этого он стал тратить его на свои нужды. Такое поведение хозяин счел расточительством.

Все мы подобны домоправителю и каждому из нас без исключения поручено заботиться об имуществе Божием. Господь желает научить нас хорошо распоряжаться вверенным нам богатством. Мы учимся тому, что мы не хозяева имения, а лишь управители чужого, вверенного нам Господом для того, чтобы мы располагали имением так, как Ему угодно. Если мы поступаем в управлении богатством не по воле Бога, но вверенное нам расточаем на свои прихоти, то мы неверные управители. Поскольку воля Господа такова, чтобы вверенное нам мы употребляли на нужды своих ближних, а не на собственные удовольствия. По своему заблуждению мы ко всему, чем обладаем, относимся как к своей собственности. Все наши способности и таланты, красоту, силу, ум мы наивно считаем своим достоянием и думаем, что можем распоряжаться им по своему усмотрению. Но ведь все это не наше, мы лишь получили это имение от Господа.

Притча на живом примере говорит также и том, что неверный управитель, осознал, что отношение с людьми еще большая ценность, чем масло, пшеница, или другое имение его хозяина, людская благодарность важнее земных богатств. И мы все, находящиеся в неоплатном долгу перед Богом, обретем спасение, лишь, если поможем другим людям уменьшить их долг, снять, по мере сил, груз с их плеч.

Придет день, когда Господь спросит каждого из нас - как мы распорядились вверенным нам богатством? Потребует от нас отчет. Расточили ли мы все ради собственного удовольствия или, подобно опомнившемуся управителю из притчи, все-таки успели раздать тем, кто нуждался в нашей помощи?

Итак, обратимся к Господу нашему с молитвенным прошением даровать нам мудрость для правильного и праведного управления имением Хозяина неба и земли, дабы в судный день с чистым сердцем мы смогли сказать Ему - « …и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» (Матф.6:12).

Аминь.

Проповедь иерея Нерсеса Хананяна в Воскресенье о блудном сыне

Кафедральный храм Преображения Господня г. Москвы

01 февраля 2015г.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Третье Воскресенье Великого Поста напоминает нам хорошо известную притчу Господа Иисуса Христа о блудном сыне. Со Святого алтаря звучит евангельское чтение о том, как у одного богатого человека было два сына. Младший обратился к отцу с просьбой, которая, как мне кажется, потрясла родителя. Он пожелал получить свое наследство, но не после смерти отца, что естественно, и не удивило бы никого, а именно сейчас. То есть, по сути, младший сын сказал своему отцу: «Я не хочу ждать твоей смерти, чтобы получить наследство, я желаю получить его уже сейчас». И отец, вопреки установившемуся в народе обычаю, отдал младшему сыну часть наследства. Тот ушел в далекую страну, где быстро расточил полученное имущество «живя распутно» (Лука 15:13). Когда же, «он прожил всё, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться» (Лука 15:14) и в это время вспомнил о доме своего отца, о том, как счастливо и безбедно жил там, где даже наемники «избыточествуют хлебом» (Лука 15:17). Осознав свое прегрешение перед Небом и отцом (Ср. 15:17) он возвращается с покаянием, понимая, что полученное богатство расточил быстро и безрассудно. Направившись в отчий дом, он даже не рассчитывал, что отец примет его как сына, но надеялся получить хотя бы место наемника.

Однако отец принимает блудного сына с распростертыми объятиями и восстанавливает вернувшегося в прежнем достоинстве.

Этот рассказ имеет отношение к нашей собственной жизни и является примером покаяния, потому что у каждого из нас бывало, что получив от Господа что-то, мы расточали это, живя распутно (Лк. 15. 13).

Но, дабы эта притча не стала просто красивой историей с хорошим концом, наш Господь Иисус Христос добавляет в нее также образ старшего брата. Он есть тот самый наследник, который все время жил при отце и спокойно ожидал его смерти, чтобы унаследовать все, что от того останется. Образ его выделился тем, что узнав о возвращении брата, он не пожелал встретиться с ним, отказался считать его своим братом и упрек отца за несправедливое отношение к себе, когда тот принял с любовью своего младшего сына, расточившего часть имения.

Притча показывает нам семейные отношения. Очень часто и в нашей с Вами жизни случаются конфликты между родителями и детьми, между старшими и младшими братьями. Бывает и так, что споры о наследстве перерастают в судебные тяжбы, а порой приводят к преступлениям, потому что для человека получить наследство, обрести материальные блага важнее, чем любить своего отца, своего брата, сохранять человеческие отношения.

Среди нас есть такие верующие, которые, как старший сын из притчи, считают, что исполнили свой религиозный долг и потому могут рассчитывать в этой жизни на заслуженную награду, а если почему-либо ее не получают, то иногда ропщут на Бога. Они, уподобляясь фарисею из известной притчи, сравнивают себя с другими людьми: «Почему тот или иной человек живет блудно, но Господь ему помогает, а я живу праведно, выполняю заповеди, но у меня не все получается в жизни?». В притче о фарисее и мытаре, первый видел только свои добродетели, и грехи мытаря, считал себя более праведным. Так и старший сын из притчи, спокойно жил, ожидая награды за свою праведность. И вдруг появляется младший брат - блудный сын и отец его принимает в прежнем достоинстве, даже не выслушав слов о его раскаянии.

Не выдержав искушения материальными ценностями, старший сын начинает основывать свои отношения с отцом на некоем расчете. В то время как отношения отца и сына, Бога и человека - это отношения, имеющие в своей основе только истинную любовь. Все мы равно любимы Небесным Отцом и блудные сыновья, и корыстолюбивые, и верные и те, кто расточил Его дары.

Эта притча также о том, что милосердие Отца превосходит Его собственную справедливость. В утреннем Богослужении мы поем «Не суди по справедливости, но милосердием Твоим искупи». По земным установлениям человек, преступивший закон - наказывается. Но во взаимоотношениях между Богом и человеком Господь всегда прощает грехи людей. На этом основывается важность и реальность исповеди и покаяния.

Иногда нам кажется, что Господь не может простить нас и принять как Своих сыновей. Но Он с любовью принимает каждого из нас вне зависимости от того, когда и при каких обстоятельствах человек принес покаяние. Если это покаяние искреннее и сердечное, то Бог принимает каждого кающегося.

Церковь напоминает нам эту притчу Господа Иисуса Христа для того, чтобы мы еще раз подумали о нашей жизни, пересмотрели ее и провели этот период Великого поста с искренним сокрушением сердца и глубочайшим раскаянием.

Аминь.

Проповедь иерея Нерсеса Хананяна на второе воскресенье по Рождеству Христову

Кафедральный храм Преображения Господня ААЦ г. Москвы

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

«И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Святое Евангелие от Иоанна 3:14-15).

Возлюбленные братья и сестры во Христе! Для правильного понимания какого-либо отрывка или отдельно взятого предложения из Священного Писания всегда необходимо представить весь сюжет в его полноте. Надо просмотреть весь контекст, условия, при которых происходило данное событие, рассказывалась та или иная притча, исследовать участие тех или иных личностей, дабы мысленно создать полную картинку и получить достойное объяснение Писанию.

Вышеуказанные строки, ставшие темой для сегодняшней проповеди, взяты из Евангелия от Иоанна. Если рассмотрим данный отрывок полностью, то вспомним знаменитую беседу Христа с Никодимом. Часто эту беседу используют для основания и утверждения необходимости Таинства Крещения. Ведь именно об этом беседует Христос со своим тайным учеником. Сказав прежде о духовном рождении через крещение, Христос говорит и о спасении, которое для нас основывается на вере в распятого и воскресшего Христа.

Как и прежде Христос не говорит прямо - «Я буду распят», но использует некую аллегорию и напоминает об эпизоде, связанном с Моисеем. История такова. Когда израильтяне уже были освобождены от египетского пленения, после смерти Аарона, народ, устав от трудностей на пути к земле обетованной, стал жаловаться на Господа и Моисея, негодовать и роптать. Тогда Господь отправил ядовитых змей, дабы они истребили израильтян, но вскоре народ, одумавшись, пришел к Моисею, прося вознести молитву, дабы Господь удалил от них змей. Тогда Господь в ответ на молитву сказал Моисею: «Сделай себе змея медного и выставь его на знамя, и ужаленный, взглянув на него, останется жив» (Ср. Числа 21 гл.). Моисей поступил согласно указаниям Господним и вот, каждый израильтянин, взглянувший на медного змея, после укуса оставался жив.

Христос напоминает об этом эпизоде, и показывает, что древнее сродно с новым, и что Един Основоположник Ветхого и Нового Завета.

Множество отцов церкви видят в этом Ветхозаветном медном змее прообраз Мессии, и такое мнение имеет вполне достаточные основания. Св. Иоанн Златоуст, Св. Кирилл Александрийский и другие отцы проводят следующую параллель между двумя отрывками – Числа 21:4-9 и Иоанн 3:14-15

Взирающие на медного змея избегали телесной смерти, мы же, взирая на Христа, избегаем духовной смерти. Медный змей исцелял от укусов ядовитых змей, Христос же исцеляет от укусов греховных мыслей. Взглянув на змея, иудеи спасались от смерти временной, обратившись же к Христу, мы спасаемся от смерти вечной. Израильтяне смотрели на змея телесными очами, мы же должны смотреть на Христа очами нашей души. Перед иудеями вознесен был змей медный, перед нами же Тело Владыки и Спасителя нашего Иисуса Христа. Змеи, которые жалили израильтян, имели яд, а который спасал, не имел яда. Нас губит греховная жизнь, а спасает Христос, не имеющий греха. Спасительное действие медного змея распространялось только на израильский народ, а спасительное учение Христа простирается на все человечество вне времени. Змей, спасая народ от ядовитых укусов, давал жизнь временную; Христос, спасая нас от оков греха, дает жизнь вечную.

Ядовитые змеи ничто по сравнению со страстями и желаниями, раздирающими наши души. Грехи открывают перед нами картину, более ужасную, чем укушенный змеями израильский народ.

Представьте себе людей, которые падают от укусов змей, и потом, посмотрев на медного змея, вновь оживают. Теперь представьте нас, каждый день падающих от греха. Как часто мы после этого закрываем глаза, будто нет Христа, как часто мы жалуемся и негодуем, подобно израильтянам, прикрываем свое лицо, не понимая, что только Он может нас спасти. Господь всегда пред нами и мы не можем не увидеть его спасающего знамени.

Евангельское чтение призывает нас укрепиться в вере, обдумать и понять чудесные действия учения Христова, Его бесконечную мудрость и безграничную милость к нам. Спасение человека зависит от веры в Христа, ибо согласно словам Священного Писания верующий в него не погибнет, но будет иметь жизнь вечную.

Пусть же всемилостивый Господь сподобит нас всегда смотреть в сторону Христа и хранить в сердце Его Евангелие.

Благодать, любовь и мир Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа да пребудут со всеми нами. Аминь.

25.01.2015

Св. Григор Татеваци. Проповедь на Рождество Христово

Перевод из книги Св. Григорий Татеваци «Проповедь на Рождество Христво», «Книга проповедей, называемая Зимняя», Константинополь, 1740, стр. 28 (на древнеармянском языке).

«Господь сказал Мне: Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя» /Пс. 2,7/.

Согласно Священному Писанию, Христос имеет два рождения.

Первое — безначальное, предвечное рождение Сына Божьего от Отца, согласно псалму Давида, где Отец говорит Сыну: «Прежде денницы рождение Твое»/Пс. 110,3/. Второе рождение во времени, как сказано в псалме: «Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя»/Пс. 2,7/. Тут упоминаются два рождения. Говоря: «Ты Сын Мой» — (Он) возвещает предвечное Его рождение, а «ныне родил Тебя» — явление Его во времени.

То — рождение бесплотное, а это во плоти. То — от Отца без матери, а это — от матери без Отца. То — на небе, а это — на земле. То — рождение беспричинное, а это — имеющее причину, ибо Бог вочеловечился для нашего спасения. Бог смирился, чтобы человек возвысился. Сын Божий стал Сыном Человеческим, чтобы нас сделать сынами Божьими. Он родился во плоти, чтобы мы родились в духе. Ибо рождаясь свыше крещением в святой Купели, мы становимся сынами Божьими по благодати и наследниками Христа.

Итак, праздник Рождества и Богоявления Господа нашего Иисуса Христа есть основа и начало всех благ и достохвальных даров Божьих и всего домостроительства Сына Божьего, являясь началом всех остальных праздников и духовного радования.

I

Праздник Рождества и Богоявления Господа нашего Иисуса Христа является началом и основой всех праздников.

Подобно тому как в начале, по совету Отца с Сыном и Святым Духом, был создан человек по образу и подобию Божьему/Быт 1, 26/, так и сейчас Отец с Сыном и Святым Духом открыл тайну, сокрытую от веков и родов, посредством вочеловечения Слова Божьего. Ибо Отец возжелал послать Сына, и Святой Дух очистил Деву и воплотил Сына, который вочеловечился и родился от Девы для нового творения и

спасения рода человечского. Это и есть сокрытая тайна, которая ныне стала явной. Поскольку исполнились предсказания пророков Ветхого Завета о том, что Господь должен явиться во плоти и жить среди людей.

Сегодня снято проклятие, которому подвергся человеческий род после грехопадения Адама и Евы, как написано: «Тернии и волчцы произведет тебе она»/Быт 3, 17/ и «В болезни будешь рожать детей»/Быт 3, 16/. Итак осуждение снято и рождение в муках сменилось радостью, как возвестил ангел Приснодеве: «Радуйся Благодатная! Господь с Тобою»/Лук 1, 28/ и «Родишь Сына»/Лук 1, 131/. Потому праздник этот — начало и основа всех праздников.

К тому же согласно установленному порядку, праздник Рождества предшествует праздникам Распятия, Воскресения, и Вознесения и остальным праздникам. Ибо Господь наш Иисус Христос сначала родился во плоти от Девы, вступил сорокадневным в храм/Быт 3,20/, принял крещение по исполнении тридцати лет, в день своего рождения, затем был распят, погребен, воскрес и вознесся на небо.

Поэтому праздник Рождества есть основа, глава и начало всех праздников, отмечаемых святой Церковью в течение года.

II

Пятого января ночью начинаем торжество и совершаем предпразднество Рождества Христова.

Итак, мы празднуем сегодня не Благовещение, как говорят еретики (поскольку отмечали это девять месяцев назад, седьмого апреля), а только упоминаем его, отмечая предпразднество Рождества.

Ибо Адам, пророчествуя о пришествии Христа, назвал женщину матерью всех живущих/Суд 6, 36-40/, которая есть Всеблагословенная и Пресвятая Богородица. Пророки также прежде рождения Христа провидели рождение Святой Девы, подобно Гедеону, узревшему знамение шерсти и росы/Пс. 111, 4/. Отмечая это событие, восславляем пением пришествие Господа, Который, как предвещали пророки, возвестил тайну, что сокрыта была от вечности. Итак мы вновь вспоминаем Благовещение, поскольку благая весть, принесенная ангелом Деве, исполнилась сегодня, и то, что сокровенно было открыто Святой Приснодеве, после исполнения пророчества, мы воспеваем с неустанной радостью, повторяя приветствие ангела: «Радуйся, Благодатная!»

III

Праздник начинается ночью, ибо Христос родился в Вифлееме в полночь. Это символ того, что мы, пребывая в миру, были омрачены греховной темнотою. И Христос, как Свет, воссиял во мраке нашей жизни и озарил светом верующих, как говорит Псалмопевец: «Во тьме восходит свет правым»/Матфей 4,16/, и далее: «народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет/Ср./», о чем и просил Давид, говоря: «Дай, Господи, свет глазам моим/Пс. 111, 40/» и «Пошли свет Твой и истину Твою/Пс. 42, 3/». Он говорит о Христе, который просветил наши духовные очи, приведя нас от неверия к свету веры, от неведения к истинному знанию и от грехов к праведности. Многим Господь открыл также и плотские глаза. Потому он именуется Светом и Солнцем правды.

Ветхий Завет был ночью и тенью Нового завета, и пророки, как звезды, осветили человечество неярким светом закона, будучи провозвестниками Христа. Тогда как наш Господь, как свет воссиял нам во тьме, как написано: «И свет во тьме светит»/Иоанн 1,5/, ибо даровал он нам лучезарный как солнце, свет Нового Завета, поэтому мы празднуем Рождетсво Христа ночью, Который превратил тьму в свет и подобие в подлинное, став для нас Солнцем правды, согласно Малахии/Малахия 4,2/.

IV

Этот праздник церковь отмечает девять дней, потому, что во-первых, семь дней символизируют творение и земную жизнь, а восьмой день — символ будущей вечной жизни, где люди должны примкнуть к ангельским чинам и праздновать небесное торжество. А девятый день знаменует восславление друг друга Лицами Святой Троицы перед сотворением всего сущего. Помимо этого, число девять символизирует девять чинов ангельских, ибо они празднуют с нами, и мы служим вместе с ними.

Бог-Слово девять месяцев пребывал во чреве Девы, потому после Рождения Его, празднуем девять дней.

А то, что совершаем литургию утром и вечером, имеет два смысла. Во-первых, как мы уже говорили, Рождение Христа совершилось в полночь, а Крещение в полдень, соответственно этому, вечерняя литургия — это символ Рождества, а утренняя — Крещения. И поскольку Христос имеет два Рождения, одно от Отца, прежде всех век, сокровенно и непостижимо для ангелов и людей, которое и есть смысл вечерней литургии, а другое - от матери, во времени, явное для ангелов и людей, это смысл утренней литургии, ибо его рождением от Девы, наступило для нас утро, и Свет явился миру.

Этот праздничный день называется возжиганием лампады (Чըрагалуйц), завершением поста (Чըрагалуйцը) и светом лампады (Чըрагалуйс).*

---

* Чըрагалуйц — буквально «возжигание лампады». Чըрагалуйцը — «погасить лампаду». Чըрагалуйс — «свет лампады»

Итак, Чըрагалуйц, потому что возжигаем светильники и лампады и вечером совершаем литургию. Чըрагалуйц, поскольку при лампаде, вечером завершаем пост. А Чըрагалуйс имеет множество значений. Сама причина праздника — Господь, постижимый Свет, который явился миру, согласно слову Его: «Я свет пришедший в мир /Иоанн 1,9/». Свет также символизирует ту звезду, что сопутсвовала волхвам и остановилась над местом, где находился Младенец, поэтому мы заходим сегодня в церковь со множеством зажженных свечей. Свет лампады, который есть временный свет, символизирует Иоанна Крестителя, ибо «Он был светильник горящий, — говорит Господь, — а вы хотели малое время порадоваться при свете его» /Иоанн 5,35/. Свет светильника (Чըрагалуйс) понимается как неяркое свечение, символизирующее пророков, которые прежде Иоанна провидели Пришествие Христа. Чըрагалуйс понимается как ветхозаветное Евангелие, символизируя Старый Закон, как говорит Давид: «Слово твое — светильник ноге моей и свет стезе моей /Пс. 118, 105/».

Наконец, как говорит святой Григорий Богослов, сегодня предпразднество завтрашнего явления Великого Света. И как перед прибытием царя любящие его, радуясь этой вести, выходят навстречу ему с факелами, так и мы накануне Богоявления и Рождества Христова совершаем возжигание светильников.

V

Предпразднество совершаем сегодня, пятого января, потому что январь — новый месяц и Христос обновил нас, освободив от ветхости грехов, которые мы совершили пятью чувствами. Январь — месяц рождения. Земным рождением Христа и мы рождаемся для небесной духовной жизни. А празднование шестого января символизирует шестую эпоху, когда Бог-Создатель сошел на землю. В шестой день был сотворен человек, который шестью движениями впал в грех. Потому Бог-Слово рождается как Новый Адам и ищет потерянного Адама и находит, как говорит перед притчей о блудном сыне, что отважный Пастырь оставил в пустыне девяносто девять овец /Лук 15,4/, (т.е на небе, где не обитает зло), и вышел на поиски одной пропавшей овцы /Там же/, которая есть род человечский, как говорит Давид: «Я заблудился, как овца потерянная: взыщи раба Твоего» /Пс 119, 176/. Потому Пастырь

словесного стада сначала явился пастухам бессловесного стада овец. И поскольку в прошлом пророков избрал из пастухов, как Моисея, Давида и других, так и ныне Свое Пришествие открыл сначала пастухам, чтобы показать, что неизменен Бог, Который теперь плотью родился от Девы.

Пастухи были бесхитростны и независтливы, ибо они не жили среди людей, потому Он явился им, показывая этим, что Господа узрят те, кто чист сердцем от лукавства, зависти и других грехов. А бездомность и бесприютность пастухов говорит о том, что оставившие мирскую жизнь, мать, отца, жену, сына, дом и поле — увидят Господа. Пастухи были бдительны и трезвенны, ибо берегли свое стадо /Лук 2, 8/, охраняя его. Это означает, что утруждающие свое тело, следуют Господу, согласно Его слову: «Кто не берет креста своего и не следует за Мною, тот не достоин Меня» /Мат 10, 38/. Будучи простодушны и непросвещенны, они стали свидетелями и проповедниками Божьего чуда, это говорит о том, что имеющий желание быть мудрым во Христе, пусть будет безумным в мире /1 Кор. 3, 18/, ибо немудрое Божие премудрее человеков /1 Кор. 1, 25/, и немощное Божие сильнее человеков, как и апостолы, которые были немощны, непросвященны и незнатны /1 кор 4, 10/ и оказались выше всего мира силой, мудростью и славой.

Таким образом Господь, обнадежил и начальников народа и пастырей, священников и предводителей, что если они будут сердцем независтливы и добродетельны в поведении, а оберегая народ будут бдительны и мужественны, то удостояться лицезрения Сына Божьего.

А почему Христос родился в пещере? Во первых по причине переписи населения, ибо город был многолюден и не было им места в гостинице, и когда вечером дошли до пещеры, там родился Спаситель мира /Лук. 2, 7/. Второе: по смирению Своему рождается Он в убогом месте и возлежит в яслях для скота, чтобы мы обогащались Его нищенством. К тому же останки Евы были похоронены в этой пещере, как и останки Адама — на Голгофе. Чтобы Ева ожила, благодаря Богоматери, и освободилась от проклятия родовых мук, а Адам ожил посредством Креста и освободился из ада.

VI

Сегодня читаем начало книги Бытия, ибо здесь говорится, что сегодняшний новорожденный Младенец, есть Создатель неба и земли и всего, что их наполняет.
В этом отрывке повествуется о том, как человек был удостоен Божьего образа, поставлен царем над всей тварью и был поселен в раю /Быт 3/, и как нарушив заповедь был изгнан из рая и унаследовал проклятие и смерть /Иоанн 14,6/. И это читаем, чтобы показать как человек, получив

благословение от того же Создателя, был освобожден от первого проклятия через Деву Богородицу, которая стала Матерью Жизни. Ибо несомненно, наш Господь Иисус Христос есть Жизнь, как сказано: «Я есть Путь, Истина и Жизнь» /Иоанн 14,6/.

А то, что читаемых отрывков двенадцать имеет множество значений.

Было двнадцать колен Израелвых, о спасении которых говорил Господь: «Я послан к погибшим овцам дома Израелева» /Мат 15, 24/. И подобно тому, как солнце проходит в течение года двенадцать знаков зодиака, так и Солнце Правды, Христос, родившийся от Девы, посредством двенадцати апостолов завершил годовой круг домостроительства Своего.

Число двенадцать означает так же и то, что Господь пришел исполнить предсказания двенадцати пророков, предвещавших Его рождение.

Двенадцать членов нашего тела осквернились грехом, и Господь обожил их, освободив от греха, благодатью Его мы очистились.

К тому же в Елиме было двенадцать источников, из которых пил в пустыне жаждущий народ /Исх. 15, 27. Числа 33,9/. Так и здесь в церкви, в пустыне, свободной от зла, двенадцать сладкозвучных чтений утоляют нашу духовную жажду. Иисус Навин из двенадцати камней сделал жертвенник и там принес жертвы Богу /Ис. Нав., 4/. Так и Священное Писание есть духовная пища, дарованная нам, как учит нас Господь: «Не хлебом единым жив человек, но всяким словом исходящим из уст Божьих» /Иоанн 4,4/.

Двенадцать волов, держащих море-бассейн, было в храме Соломона /2 Цар.7, 25, 47/. Подобно этому двенадцать чтений являются святилищем и купелью в море мирском, которыми мы всегда очищаемся в церкви от грехов и входим в небесный Храм.

Двенадцать месяцев в году, и эти двенадцать чтений до конца нашей жизни назидают нас.

В этом их смысл и значение.

А последнее чтение — из книги Даниила, тот отрывок, где говорится, что царь Навуходоносор установил истукан вышиной в шестьдесят локтей и приготовил пылающий огонь для тех, кто не желал поклониться ему, здесь поется также и песнь трех отроков, которые не поклонились истукану и были брошены в огонь, однако спаслись из пламени и благославляли Господа /Дан 3/.

Это читается в конце, ибо Навуходоносор символизирует сатану, и

высота установленного им истукана в шестьдесят локтей — идолопоклоничество людей на протяжении шести тысяч лет, а ширина в шесть локтей, означет что шестью движениями человека сатана пожелал уничтожить шестидневное творение Создателя, посредством различных грехов. А камень, который без содействия рук, оторвавшись от горы разбил идола и наполнил всю вселенную /Дан 2 34-35/, символизирует Христа-Скалу, Который непорочным зачатием родился от Девы Марии — Горы, сокрушил и уничтожил идолопоклонство и наполнил вселенную евангельской проповедью. Потому тот отрывок из книги Даниила читается с горнего места, с алтаря.

Спасение трех отроков из огня росою /Дан. 3, 50/ символизирует Бога — Слово, сошедшего с небес, как роса и дождь в лоно Святой Девы, и погасившего пылающий огонь сатанинского зла. А то, что огонь убил халдеев /Дан. 3, 25/ означает то, что сатана, воспламенивший в человеке огонь желаний, сам семикратно наказан, горя неугасимым пламенем, как говорит Давид: «Семикратно возврати соседям нашим в недро их поношение, которым они, Тебя, Господи поносили» /Пс. 78, 12/, и как Господь повелевает: «Идите от Меня, проклятые в огонь вечный, уготовленный дьяволу и ангелам его /Мат. 25, 41/».

Как три отрока призывали все создания благословить Господа, так и мы, отроки Церкви, будучи не в силах воздать Господу за великие благодеяния Его и вместе с небом и землей, морем и сушей и всеми созданиями возносим благослоения и хвалу Богу, ибо велика милость Его, пославшего для спасения Своего Единородного Сына.

И да будет благословен и прославляем воплотившийся Бог, Который «стал плотью и обитал с нами» и спас род человечский от служения сатане.

Хвала и слава Единосущному и Равнославному Пресвятому Духу, Который обновил нас, освободив от ветхости грехов, и осветил рождением свыше, для усыновления небесному Отцу и наследования Царства Небесного в Господе нашем Иисусе Христе.
Хвала и честь Пресвятой Троице ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Св. Григорий Нисский о том, что значит имя и название "христианин"

Итак, предметом ваших изысканий будет вопрос: что значит название «христианин»?
Может быть, не бесполезно будет исследование о сем. Ибо, если бы мы в точности открыли, что значит это имя, то получили бы большое содействие к добродетельной жизни, стараясь посредством высокого образа жизни по истине и быть тем, чем именуемся.
Ибо, если кто пожелает назваться врачом ли ритором или геометром, тот не допустит, чтобы его невежеством обличалась лживость названия, если на деле не окажется тем, кем именуется; но желающий назваться тем либо таковым, по истине, постарается оправдать название знанием самого дела, чтобы наименование его не оказалось лжеименным. Таким же точно образом и мы, если, исследуя, найдем истинную цель названия: христианин не решимся не быть тем что возвещает о нас это имя, чтобы и к нам не мог быть применен известный у язычников рассказ об обезьяне.
Говорят, что в городе Александрии, один искусник выучил обезьяну с известною ловкостью принимать вид танцовщицы, надевал на нее личину танцовщицы и одежду приличную сему занятию. Посетители театра хвалили обезьяну, плясавшую под такт музыки, и во всем что ни делала и представляла, скрывавшую свою природу. Когда же зрители были заняты новостью зрелища, один находившейся там остроумец, посредством шутки, показал увлеченным зрелищем, что обезьяна есть не более, как обезьяна. Когда все восклицали и рукоплескали ловкости обезьяны, стройно плясавшей под такт пения и музыки, он, говорят, бросил на сцену те лакомства, которые привлекают жадность этих животных Обезьяна, как скоро увидела разбросанный впереди сцены миндаль, ни на что не обращая внимания, забыв и пляску и рукоплескания и нарядную одежду, подбежала к нему и горстями начала собирать то, что находила; а чтобы личина не мешала рту, старалась сбросить ее, разрывая своими когтями обманчиво принятый образ, так что, вместо похвал и удивления, внезапно возбудила между зрителями смех, когда из-за обрывков личины показалась ее безобразная и смешная наружность. Итак как обезьяне недостаточно было ложно принятого вида, чтобы сочли ее за человека, как скоро жадность к лакомствам изобличила ее природу: так и те, кои не истинно образовали свое естество верою, посредством лакомств предлагаемых от диавола, легко изобличаются в том что они ничто иное, отличное от того, за что выдают себя, ибо, вместо смокв и миндаля и тому подобного,

тщеславие, честолюбие, любостяжание, страсть к удовольствиям и другого такого же рода злые припасы диавольские, будучи вместо лакомств предложены жадности людей, легко изобличают подобные обезьянам души, которые посредством подражания принимают на себя лицемерный вид христианства, а в пору страстей свергают с себя личину целомудрия, кротости, или другой какой добродетели. Итак необходимо рассудить о значении названия: христианство. Может быть мы станем тем, чего требует это имя, дабы, имея вид христиан, по одному только исповедании и покрову имени не оказаться чем-либо иным, а не тем, чем кажемся, пред Видящим тайное (Мф. 6, 6.).

Итак, во-первых рассмотрим, какой смысл заключается в самом названии: христианство. Более мудрые, конечно, могут найти какой-либо более высокий и величественный смысл соответствую или высоте сего имени; а что доступно нашему разумению о сем имени, таково. Имя Христос, если заменить оное более ясным и понятным речением значите царь, так как священное Писание преимущественно употребляет это имя для обозначения царского достоинства. Но поелику, как говорит Писание, Божество неизреченно и непостижимо и превыше всякого уразумения мыслию, то движимые Святым Духом пророки и апостолы по необходимости руководят нас к уразумению нетленного Естества многими именами и понятиями. Каждое из боголепных понятий направляет нас к какой-либо мысли; так что власть над всем означается именем царства, а чистота и свободность от всякой страсти и всякого зла именуется именами добродетелей, из которых каждая разумеется в Совершенном и изрекается о Нем так что одно и тоже Божество есть и правда, и мудрость, и сила, и истина, благость и жизнь, и спасение, и нетление, и непрелагаемость и неизменяемость; а все, что ни разумеется высокого чрез обозначение таковыми именами, все это и есть Христос и изрекается о Нем.

Итак, если в имени Христос разумеется совокупность всего высокого (ибо в высочайшем из значений содержатся и прочая, так что каждое из них умопредставляется в понятии царства), то, выводя отсюда следствие, мы может быть уразумеем что значит христианство. Ибо если именем превосходящим все имена служащие для изъяснения нетленного естества, именуемся также и мы, соединившееся с Ним чрез веру в Него, то вполне необходимо, чтобы вследствие сего мы имели общность имен и относительно тех понятии, которые вместе с сим именем усматриваются в оном нетленном естестве. Ибо как по причастию ко Христу мы получили название: христиане, так вследствие сего самого необходимо, чтобы это имя влекло за собою общение нас со всеми высокими именами. И как в сети, потянувши за крайнюю петлю

посредством одной потянул бы и все соединенные одна с другою; так поелику с именем Христос соединяются и прочие имена изъясняющие оное неизреченное в многовидное блаженство, то необходимо, восприяв одно имя, вместе с одним привлечь и прочие.

Итак если кто принимаете на себя имя Христово, а того, что умопредставляется с сим именем, не являет в жизни, тот ложно носит сие имя; по представленному нами примеру, оно бездушная личина, с чертами человеческого образа, наложенная на обезьяну. Ибо как Христос не может быть Христом если Он не есть правда и чистота и истина и отчуждение от всякого зла; так не может быть и христианином (то есть истинным христианином) тот кто не обнаруживает в себе общения и с этими именами. Итак если бы нужно было кому либо истолковать смысл слова: христианство посредством определения, то мы скажем так: христианство есть подражание божескому естеству. И никто пусть не порицает этого определения, как чрезмерного и превышающего смирение нашего естества; ибо определение это не выходить за пределы естества. Если кто размыслит о первом состоянии человека, тот из учения Писаний найдет, что определение не вышло из меры нашего естества. Ибо первое устроение человека было по подражанию подобия Божия (так любомудрствует о человеке Моисей, когда говорит что: сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его. (Быт. 1, 27), а название «христианство» выражает возведение человека в древнее благополучие.

Если же древле человек был подобие Божие, то может быть мы сделали не бесцельное определение, сказав что христианство есть подражание божескому естеству. Значение названия таким образом велико. Теперь время рассмотреть, безопасно ли тому, кто носит это имя, жить несоответственно ему? То, о чем мы спрашиваем будет яснее посредством примера. Предположим, что кто-нибудь объявляет себя искусным в живописи, и что от начальника ему дается приказание начертать для далеко живущих образ царя. Если теперь он, начертав на доске какой либо неблаговидный и безобразный вид, это непристойное изображение назовет образом царя, то не приведет ли он в справедливое негодование начальство тем, что оное дурное изображение будет причиною оскорбительного мнения о красоте первообраза, между незнающими его. Ибо каким представляется вид на картине, таким по необходимости будет почитаем и первоначальный образ. Итак если определение говорит, что христианство подражание Богу, то не приявший еще слова таинства, какою увидит у нас жизнь проводимую, как он уверен по подражание Богу, таковым будет почитать и наше Божество. Так что, если он увидит примеры всего благого, то

уверует, что Божество нами чтимое, благо. Если же кто будет предан страстям и зверообразен, и в своих нравах сообразно различным страстям будет отображать виды различных зверей (ибо в извращениях нашего естества должно видеть именно отображения зверей), и за тем станет именовать себя христианином, тот, поелику его имя обещает и возвещает подражание Богу, своею жизнью подает неверным повод порицать Божество, в которое мы веруем. Посему и Писание возвещает таковым страшнейшую угрозу, говоря: горе тем, ради кого имя Мое хулится во языцех (Ис. 32, 5). И мне кажется, что к этой преимущественно мысли руководя нас, Господь сказал могущим слышать: будите якоже Отец ваш небесный совершен есть (Мф. 5, 48). Ибо, наименовав истинного Отца отцем верующих хочет чтобы и рожденные от Него имели подобие с созершаемым в Нем совершенством благ.

Скажешь мне: но как для человеческого смирения возможно простирать стремление к блаженству усматриваемому в Боге, когда в сем самом повелении как будто выказывается неудобоисполнимость его? Ибо как возможно земному уподобиться Тому, Кто на небесах, когда самое различие по естеству показывает недостижимость подражания? Ибо, как невозможно лицем достать до величия небес и содержащихся в них красот, так и земному человеку равно невозможно уподобиться небесному Богу. Но слово Писания о сем ясно: не приравнивать естество человеческое естеству Божескому повелевает оно, но Его благим действиям сколько возможно, подражать в жизни. Итак какого рода наши действия могут быть подобны действиям Божиим? Отчуждаться всякого зла, сколько возможно, делом словом и помышлением стараясь быть чистыми от осквернения им. В этом состоит истинное подражание божескому и свойственному небесному Богу, совершенству.

Ибо не думаю, чтобы Евангелие в словах, которыми повелевает быть нам совершенными как небесный Отец, говорило о стихии неба, как об отдельном каком-то жилище Божества, потому что Божество равно находится во всем и одинаково проницает все творение; нет ничего, чтобы пребывало в бытии вне Сущего, но божеское естество соприкасается каждому существу, все содержа в себе всеобемлющею силою, как и пророк поучает сему, говоря, что перенесусь ли мыслию на небо, наследую ли, нисходя мысленно, то, что под землею, простру ли разумную силу души к пределам существующего, — во всем увижу всевластвующую Твою десницу. Подлинное же изречете его таково: аще взыду на небо, Ты тамо еси: аще сниду во ад, тамо еси; аще возму крыле мои рано, и вселюся в последних моря, и тамо бо рука Твоя

наставит мя, и удержит мя десница Твоя (Пс. 137, 8—10). Итак из сих можно видеть, что не отделено для Бога, по преимуществу, небесное жилище. Но поелику горний удел признается чистым от зла (на это во многих местах загадочно указывает нам Писание), а в сей дольней, более вещественной жизни совершаются злые страсти, так как здесь, в земной жизни, извивается и ползает изобретатель зла, — змий, о котором приточно говорит Писание, что он на персех и чреве ходить и землею питается всегда (Быт. 3, 14.); а этот образ движения и вид пищи указывает нам на то, что земная именно и дольняя жизнь допускает в себя поползновения многообразного зла и делается пищею ползающего по ней зверя: то повелевающий подражать небесному Отцу повелевает быть чистыми от земных страстей, отдаление от которых совершается не посредством местного перехождения, но одним движением воли. Итак если отчужление от зла естественно совершается одним стремлением разумения, то евангельское слово не повелевает нам ничего затруднительного. Ибо с устремлением разумения не соединено даже и труда, но можно для нас без усилия, посредством желаний быть там где бы ни пожелали.

Так что, желающему, и на земле удобно вести небесный образ жизни, как скоро, по руководству Евангелия, будем мудрствовать небесное и слагать в тамошних сокровищницах богатство добродетели; ибо, не скрывайте, говорит, сокровище на земли, но скрывайте сокровище на небеси, идеже ни червь ни тля тлите и идеже татие не подкапывают ни крадутз (Мф. 6, 19—20). Сии слова показывают что в горней жизни не обитает никакой тлетворной для блаженства силы. Ибо многоразлично действующий своею разнообразною злобою на гибель сей жизни, то наподобие моли проникает в разум, делая непригодною ту часть души, в которую внедрится; то, если в скорости не будет изгнан из одной части, посредством поддающей и истребляющей силы, переползая к близ лежащим частям как знак своего движения, оставляет след повреждения везде, куда ни приближится. Если же внутреннее непоколебимо, строить ковы посредством внешних обстоятельств; он или посредством удовольствия проламывает стену к сокровищнице сердца или другою страстью опустошает хранилище души, гневом или печалию или иною, подобною страстью скрадывая разум. Итак, поелику в горних сокровищницах как говорит Господь, нет ни моли, ни тли, ни хищнической злобы, научающей тому, о чем мы упомянули; то туда должно переносить наше делание, где собранные сокровища, недоступные хищению и умалению не только навсегда остаются, но и наподобие семян производит многоразличное приращение. Ибо, конечно, необходимо, чтобы воздаяние было велико, соответственно естеству принявшего сокровище на хранение. И как мы, действуя

сообразно своему естеству, приносим мало, потому что такова наша природа; так, прилично, чтобы Тот, Кто во всем богат, за вверенное Ему малое воздал тем, что имеет по естеству. Итак ни кто да не унывает, внося в божественные сокровищницы по своим силам, как будто он получить по мере того, что он дал; но пусть пребывает в надежде исполнения обещания сказавшим, что Он малое заменит великим, воздав небесным за земное, вечным за временное; сии же блага такого рода, что их ни мыслию нельзя постичь, ни словом изъяснить: о них учить богодухновенное Писание: ниже око выиде. ниже ухо слыша, ниже и сердце человеку взыдоша, яже уготова Бог любящим Его (1 Кор. 2, 9.).

Творения святаго Григория Нисскаго. Часть седьмая. М.: Типография В. Готье, 1865. – С. 211-223. (Творения святых отцев в русском переводе, издаваемыя при Московской Духовной Академии, том 44)

Св. Григор Татеваци о смертных грехах. О гордости

Смертных грехов семь, которые суть: гордость, зависть, гнев, лень, любостяжание, чревоугодие и сладострастие.

А то, что некоторые вардапеты считают, что смертных грехов восемь, Св. Татеваци в этом не видит противоречий. Ибо скука и уныние проявляются в одном, то есть в лени. Уныние происходит из-за уменьшения добра, а скука из-за лишнего добра. Далее, те, что считают завистью, другие, считают за тщеславие. Ибо тщеславный человек ненавидит славу и успехи других, и поэтому и здесь Св. Татеваци не видит противоречий.
И эти вышеперечисленные грехи Св. Татеваци считает смертными, ибо они «делают человека должником смерти вечной». Поэтому и смертный грех он сравнивает со смертью. Ибо смерть, которая есть тление плоти, бывает из-за убывания теплоты. Сначала теплота начинает убывать в конечностях плоти, пока дойдет до сердца, которое есть начало жизни, а когда кончится и в сердце, то наступает смерть. Так наступает и смерть души, когда из-за смертного греха убывает любовь Божия. И как плоть жива душой, так и душа жива Богом. И как отделение души от тела есть смерть для плоти, так и отделение от Бога есть смерть для души.

О ГОРДОСТИ

Ибо как без любви все добродетели ничто, так и без гордости все пороки ничто.

Св. Татеваци

Первый грех есть гордость, которым сатана согрешил на небесах и пал. И причиной тому послужило то, что сатана, увидев себя бесплотным и бессмертным, восстал против Творца и не воздал Ему славы. Поэтому Господь создал человека из земли с естественными страстями, чтобы тот всегда пребывал в смирении. А сатана, увидев славу Адама, обманул его той же страстью, в которой пребывал он сам: «в день, в который вы вкусите их, будете как боги» (Быт.3:5). Итак, как видим, грех сей, сатану сбросил с небес, а Адама вывел из Рая. И зная это, многие люди выступают против своих вышестоящих, как ученики против учителей, сыновья против отцов, слуги против господ и т.д. И поэтому Господь не милует их, а Сам же воздает, в пример тому наказание Дафана, Авирона и Корея, которые выступили против Моисея (см. Числ. 16гл.). То, что они хотели, не получили из-за своей гордости, а Моисей из-за смирения был прославлен. И поэтому, кто из-за гордыни своей просит у Бога славы духовной или же мирской, тому Бог противится, а кто не ищет, тот и получает. В пример этим словам Св. Татеваци приводит следующее: «Когда человек хочет догнать свою тень, она убегает, а когда останавливается и идет в другую сторону, то тень идет вслед за ним».

Итак, грех сей по виду один, но он проявляется по-разному. Проявляется как своенравие – когда не признает ничье мнение и следует своей воле и своему мнению. Гордость – когда считает себя выше всех. Высокомерие – когда попирают других и желают, чтобы все были ниже и меньше. Тщеславие – когда от людей любят принимать славу, честь и хвалу. Здесь надо отметить, что ко всем грешникам Бог милостив, как по отношению к блуднице, к разбойнику и к мытарю, милует и прощает все грехи, но «гордым противится» (Иак. 4:6). И Св. Татеваци на это приводит ряд сравнительных примеров, тем самым показывая тяжесть этого греха.

Грех гордости Св. Татеваци относит к разумной части души, когда человек грешит произвольно и осознанно, поэтому Бог и не прощает. А другие грехи относятся к раздражительной и вожделенной части души, когда человек грешит непроизвольно и неосознанно, из-за слабости и ухищрений сатаны, поэтому и находит прощение. «Высокомерный из-за своей гордости не видит свои ошибки, поэтому себя считает истинным»

и выступает против тех, кто наставляет. «А другие грешники видят свои грехи, слушают наставления и принимают исцеление». Совесть у высокомерного не судит, из-за чего нет и покаяния, поэтому и не получает прощения. А совесть грешников осуждает их, поэтому, имея покаяние, получают и прощение грехов. Грех гордости тяжелее других, ибо «грешит против славы и сущности Божией, как сатана, а другие грехи против заповедей Божиих, или против ближнего, или же против своей плоти».

Далее, Св. Татеваци считает, что всякий грех творят любители грехов, а вот в гордость впадают святые и избранные, как ангелы на небесах. Так и все любители добродетелей могут хранить себя от всех грехов, но не от гордости. Любой грех вынимает только противоположную ей добродетель, как, например, блуд вытесняет целомудрие и др., гордость же вынимает из нас все то добро, что есть в нас, «так и всякий праведник, который творит добрые дела, но имеет порок гордыни, тот уже потерял и осквернил дело правдивости». Поэтому смиренный грешник добрее, чем гордый праведник, ибо грешник своим смирением, то есть покаянием, исповедью и добрыми делами спасает свою душу. «А гордый праведник себя всегда считает праведным и остается в этом зле, и не смиряется пред заповедями Божиими, пред канонами святых и наставлениями отцов. Потому и теряет дела своей правдивости».
Итак, надо остерегаться гордости «ибо ангелов смогла обмануть и ангела сатаной соделала, - обращается к верующим Св. Татеваци и продолжает, - ибо сатана другого греха и не соделал, как только помыслил о своем возвышении, о чем говорит и Исаия: взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему (Ис.14:14). А когда это помыслил, то был и изгнан с небес».

Св. Григор Татеваци о смертных грехах. О зависти

Из семи смертных грехов гордость и зависть для Св. Татеваци тяжелее, чем остальные пять, ибо «остальные грехи соделали Адам и Ева, а гордость и зависть соделал сатана». Как и было сказано выше, сатана, возгордившись, пал, а после, позавидовав славе Адама, стал причиной его падения. Итак, велик грех зависти, ибо «человека делает соучастником сатане и похожим на него».

Зависть бывает доброй и злой. Злая, когда видят доброе у человека –

будь то слава или другое, то сильно болеют и мучаются, почему он это имеет. И радуются, когда видят злое, что-либо приключившееся с человеком. Завидовать грешникам и стремиться быть похожим на них, то есть блудникам, пьяницам, ворам и т.п. – тоже есть злая зависть. А вот когда, видя добрые дела: пост, молитва, милостыня, вера, надежда и любовь, стремятся быть похожими на делающих эти дела, то эта зависть добрая. Об этом говорит и Св. Павел: «ревнуйте о дарах больших»(1Кор. 12:31). Добрая зависть видна в добрых людях и приятна Богу, а вот злая зависть, «которая есть семя сатаны, находится в злых людях и имеет пять свойств».

1. Сей порок мучает разум, изводит и истощает плоть того, в ком он пребывает, ибо само слово зависть (на арм. яз. нахандз) уже означает - «сначала вредит своей душе», а после другим. Поэтому лица у завистливых людей бывают пожелтевшими и почерневшими, из-за горькой печали сердца, чего не найдешь в других грехах. Ибо, впадая в какой-либо другой грех, сначала радуются, после чего только печалятся, а завистливые всегда в скорби и печали.

2. Надо отметить, что грехи творятся по отношению к разным степеням людей, то есть люди бывают или высшими, или низшими, или же равными. Например, гордость проявляется в отношении к низшим или равным, а вот зависть проявляется в отношении к равным и высшим.

3. Все старания и труды делаются из-за зависти, о чем и говорит Соломон: «видел я также, что всякий и всякий успех в делах производят взаимную между людьми зависть» (Еккл.4:4). «Ибо из-за зависти к ближнему строят, сеют, собирают, богатеют, отправляются в дальние страны, наживают, трудятся и мучаются, и суетно все это» по двум причинам. Во-первых, тот, кто собирает бесчисленные сокровища, строит и сеет, ничем большим не удовлетворяет нуждам плоти, чем тот, кто имеет меньше и пребывает в спокойствии. Ибо «пища нужна, чтобы не умереть с голоду, и одежда хранит от холода и наготы, а все то остальное – лишнее, негодное и ложное пожелание души», о чем и свидетельствует и Св. Павел: «имея пропитание и одежду, будем довольны тем» (1Тим.6: 8). И, во-вторых, все это суетно и тщетно, ибо по смерти все это исчезнет и перейдет к другим, а останутся только грехи и мучения.

4. Зависть является корнем и основанием всех злых дел, ибо из-за зависти крадут, хулят, злословят, ссорятся, убивают, предают и творят многое другое зло. Из-за зависти евреи вооружились против Христа, Дафан и Корей восстали против Моисея.

5. «Глупый сидит, сложив свои руки, и съедает плоть свою» (Еккл. 4:5), - говорит Соломон. Завистливый человек глупеет и съедает плоть свою, то есть своего ближнего, убивая, как Каин Авеля. Злословя, как Мариям

и Аарон Моисея. Похищением власти, пример тому Авессолом и Давид.

«И ты смотри, каков суд завистливому», какое зло желают и соделывают тем же злом и наказываются, о чем говорит и Давид: «рыл ров, и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил» (Пс.7:16). Каин, который убил брата, сам был убит. Мариям была наказана проказой за то, что злословила Моисея. Авессалом был убит на войне. Евреев, которые распяли Христа, Титос рассеял по всему миру. Вот таков горький и злой грех зависти. Ибо как бешеная собака не признает ни своих, ни чужих и всех кусает, так и завистливый из-за жадности, славы и власти вредит всем. Помимо этого, вредя другому, он теряет и свое, в пример тому Св. Татеваци приводит притчу о двух людях, завидовавших друг другу. Одного из них к себе призывает царь и обещает дать ему то, что он захочет, но при условии, что его знакомому даст то же самое, но в два раза больше. Тот, подумав, что если попросит лошадь, одежду, золото, то враг его получит в два раза больше. И тогда из-за зависти попросил, чтобы царь выколол ему один глаз, а врагу два.

И, как свойственно Св. Татеваци, он обращается к верующим и просит, чтобы не завидовали чужому богатству, не желали бы зла, когда видят чужую славу. Не злословили бы, когда увидят чью-либо честь, не возненавидели бы брата злой завистью, а любили бы его святым сердцем. Ибо любовь от Бога, а «зависть и ненависть от сатаны».

Св. Григор Татеваци о смертных грехах. О лени

Праздность есть матерь всех грехов.
Душа человека ржавеет грехами,
поскольку остается без труда.
Св. Татеваци

Изначально, когда Бог создал человека, не оставил его праздным, а поселил его в Раю, чтобы тот возделывал и хранил его. А когда был изгнан из Рая, то Бог здесь тоже не оставил его праздным и сказал Адаму: «в поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт. 3:19). А о хлебе скажем, что он, по словам Св. Татеваци, бывает духовным и телесным. О телесном хлебе мы не станем говорить, ибо и так ясно, что это. А вот духовный хлеб - это Слова Божии: «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Матф.4:4), а питие для души есть мудрость и познание Божие. И когда сотворим наставления Божии, тогда и насытится душа. И все это приобретается

посредством трудов и подвигов. Итак, надо трудиться, а не пребывать в праздности, ибо «праздность есть матерь всем грехам, и праздный человек есть плодородная земля для сатаны, который все злые помыслы сеет в нее и получает плоды».

Лень для Св. Татеваци – это вялое состояние души, при котором не начинают доброе дело, а если и начинают, то не доводят до конца. И она является «кормилицей всех грехов, матерью празднословия». Итак, чтобы не трудиться, ленивый приводит разные причины: «лев на улице! Посреди площади убьют меня» (Пр.22:13). Если по каким-либо делам ленивца послать в дорогу, то он приводит эти причины. А в духовном смысле, если посылаем человека дорогой добродетелей в Царствие, то он тоже приводит эти причины. Лев – это сатана, который воюет с ним в помыслах, а что могут убить посреди площади – это естественные страсти и нужды плоти, поэтому и не хочет идти дорогой добродетелей. Но все эти причины доказательства тому, что он любит лень. «Посмотри на первых, - обращается к ленивцу Св. Татеваци, - которые мужеством попрали страсти плотские и избежали уловок сатаны. А для тебя наслаждения плоти служат причиной твоего падения. Поэтому и уловляет тебя сатана, ибо видит, что ты слаб и немощен».

«Дверь ворочается на крючьях своих, а ленивец на постели своей» (Пр.26:14). Как дверь, двигаясь на крючьях, не может сдвинуться с места, так и ленивец волочится на постели и не может встать, чтоб начать свою работу. А ленивец в духовном любит наслаждения плоти. Его осуждает совесть и мучает, но он не может поменять злые помыслы на добрые.
«Ленивец в глазах своих мудрее семерых» (Пр.26:16). Если спросить ленивца: «почему не трудишься?», то он скажет: «я умнее всех людей, они для меня трудятся». Здесь Св. Татеваци приводит народную поговорку: «невезучий трудится, а везучий кушает». Ленивец сам не учится и других не обучает, и не творит добрых дел.

«Я все знаю и не надо мне учиться, - будет оправдываться он, - я тайно творю добрые дела, чтобы меня не прославили люди. Для человека нужна вера, для чего же дела? Вон, скот всегда жует траву, деревья дают милостыню, но ни один из них же не идет в Царствие».
«Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым». (Пр.6:6). Как муравей летом пребывает в трудах, чтобы зимой наслаждаться, так и мы должны всегда трудиться. Ибо если летом будем праздно бродить, то зимой будем ходить от двери к двери. «Итак, если летом не будешь трудиться, то зимой как сможешь насладиться?». Так и жизнь наша есть лето, то есть время трудов, а после смерти зима, когда невозможно сеять, собирать и работать. «А там не приобрести, ибо уже не телесная жизнь; не продать, ибо ничего не имеет; не может украсть, ибо сокровища праведников на небесах… не может просить, ибо закрыты двери милосердия».

«Доколе ты, ленивец, будешь спать? Когда ты встанешь ото сна твоего? Немного поспишь, немного подремлешь, немного, сложив руки, полежишь: и придет, как прохожий, бедность твоя, и нужда твоя, как разбойник» (Пр.6:9-11). Несмотря на то, что здесь говорится о телесной лени, то же самое можно сказать и о духовной. И Св. Татеваци обращается к ленивцу: «Ты, который ленив в добродетелях, доколе будешь спать во грехах своих? Немного поспишь, то есть скажешь, я молод, еще немного побуду в наслаждениях, но не знаешь, когда придет смерть твоя? Немного подремлешь, говоришь, что ты богат и хочешь еще насобирать богатства, пока сын подрастет, а не знаешь безумец, что «в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» (Лук.12:20). Немного, сложив руки, полежишь, то есть скажешь, что болен и не будешь трудиться, пока выздоровеешь. Так и придет, как прохожий, бедность твоя, то есть бедность добрых дел, которая будет тебе предтечей мучений вечных.

Итак, «умоляю вас любовью Христовою, - обращается к верующим Св. Татеваци, - пока есть день и свет, чтобы трудиться, пока лето и время, чтобы собирать, пока здоров и имеешь силы, чтобы трудиться, пока Царь Небесный восседает на престоле благодати, припадите пред ним и просите милосердия. Ибо когда сядет на престол праведности, то будет судить прямо. Поэтому сегодня и надо каяться во грехах, сегодня исповедоваться, сегодня умолять, плакать глазами, руками трудиться, работать и раздавать бедным».

Св. Григор Татеваци о смертных грехах. О любостяжании

«Преисподняя и Аваддон – ненасытимы;
так ненасытимы и глаза человеческие»
/Пр.27:20/.

Св. Татеваци следующим образом определяет любостяжание: «любостяжание есть бессмысленное желание иметь имущество. И это есть величайшее зло мира, ибо нет более бедного, чем тот, который желает иметь более». Любостяжательного он сравнивает с больным водянкой, который сколько ни пьет, более жаждет. Это есть корень всего злого, которое и предало Христа.

Причины любостяжания бывают две, считает Св. Татеваци.

1. Когда Адам был создан, то имел все: и славу, и власть, но, согрешив, потерял все это. Богатый обеднел, господин стал рабом грехов. А теперь, видя свою бедность, люди не терпят ее, и поэтому воруют, не повинуются вышестоящим, то есть посредством греха хотят получить то, что потеряли грехом. Так и впадают в любостяжание.
2. Любостяжание бывает так же из-за естественных нужд пищи и пития, одежды и дома. И эти естественные нужды даны нам Богом для добра, чтобы человек смирялся и трудился, а не оставался праздным, как князья, будучи праздными, пребывают во множестве грехов. Но человек, следуя лукавствам сатаны и своей воле, это добро меняет на зло и впадает в любостяжание, ибо, когда в заботу о своих нуждах незаметно вкрадывается излишнее и безмерное, то тогда и бывает зло. Ибо чрезмерное попечение приводит к лишениям друг у друга, а когда не могут лишать, то впадают в зависть и вражду. Так и бывает любостяжание из-за естественных нужд.

Любостяжание можно увидеть, как у богатых, так и у бедных. Бедный, подверженный любостяжанию, ищет, просит у других, крадет. Если не находит, то печалится и впадает в отчаяние. Такой бедняк несвободен, ибо разумом всегда служит имуществу. Думает и мечтает стать господином многих, облечься в пышные одежды, собрать богатства и насытиться пищей, и у такого любовь к богатству больше, чем к Христу. А вот богатые любостяжатели, у которых глаза ненасытны, похожи на больного водянкой, который всегда пьет и не насыщается, так и их глаз не насыщается постоянным стяжанием богатств. Их можно назвать идолопоклонниками: «любостяжание, которое есть идолослужение» (Кол.3:5). Они безумны, ибо трудятся и постоянно мучаются не из-за нужды, а из-за лишнего, и забыли суд Божий: «в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?»(Лук.12:20). Итак, «имея пропитание и одежду, будем довольны тем» (1Тим.6:8), а что более того, то есть от лукавого.

Теперь рассмотрим, насколько вредит любостяжание. По словам Св. Павла оно есть идолослужение, ибо это и есть дело идолопоклонников, которые вместо Бога поклонялись идолам в образе золота и серебра. Так и любостяжание заменяет истинное поклонение и молитву к Богу, поклонением золоту и серебру. Ибо человек из-за любостяжания оставляет утреннюю службу и идет, чтобы трудиться для плоти. Оставляя литургию, занимается куплей и продажей и т.п. Вот это и есть дело идолопоклонников.

Помимо этого, из-за любостяжания происходят такие злодеяния, как лишения и воровство, ложь, зависть и вражда, хула, проклятия и убийства. Далее, Св. Татеваци приводит ряд примеров из Ветхого Завета. Ахан был наказан из-за непослушания (см. Иисус 7гл.). Так и Саул, не послушав Самуила (1Цар.15гл), вскоре потерял царство. Ахав и Иезавель, возжелав виноградник Навуфея, убили того(3Цар.21гл.), за

что также были наказаны. Слуга Елисея Гиезий за то, что обманул Неемана, был поражен проказою (4Цар.5гл.). Итак, причиной всех этих преступлений был грех любостяжания. В Новом Завете мы видим пример Анании и Сапфиры, которые умерли из-за того, что утаили от Св. Петра цены своего имения (Деян.5:1-10), и это тоже из-за любостяжания.

Но ярчайшим примером любостяжания является Иуда. И вот так он горел этой страстью, что не другой, а именно он, ученик, и предал Учителя. Его не остановило и то, что он видел столько чудес и слушал Евангельские истины. Даже, имея при себе ящик с деньгами и ни в чем не нуждаясь, он все же предал Христа и удавился. «И впрямь удавился Иуда, ибо тот, который был удавлен веревкой любостяжания, вскоре был удавлен и веревкой смерти».
Итак, будем смотреть на первых Св. Отцов и отшельников, которые «получили умеренную пищу, одежду и крышу и тем самым угодили Богу»

Св. Григор Татеваци о смертных грехах. О гневе. "Гневаясь, не согрешайте" /Ефес.4:26/

Гнев, по определению Св. Татеваци, есть «ярость души, которой некоторые восстают против других. Ибо, как зависть вредит своей душе, так и гнев изгоняет друга».

Далее, гнев это кипение крови вокруг сердца, ибо сердце, будучи царем, когда услышит гневное слово, собирает к себе кровь, как полководец свое войско. И после изливает черную и горькую желчь, из-за чего лицо человека синеет, разум глупеет и поэтому слово бывает непорядочным; кипит кровь, поэтому трясутся и все члены тела. Надо отметить, что гнев имеет так же свою степень развития.

Сначала в сердце рождается зависть, от которой коварство и ненависть. От ненависти же гнев и после уже действия, то есть хула языком, избиения руками, в конечном итоге все это приводит к убийству, ибо «гнев есть начало и мать убийства» почему и Господь сказал: «вы слышали, что сказано древними: не убивай. А я говорю не гневайтесь напрасно» (ср. с Матф.5:21-22). Помимо этого из-за гнева в человеке исчезает образ Божий и от него уходит Дух Святой, а когда Он выйдет, то приходит нечестивый дух, то есть сатана и вселяется в этого

человека. И тогда человек становится похожим на одержимого, что видно по его лицу, которое синеет, глаза бегают, губы дрожат и испускают пену, слова говорит беспорядочные и с шумом.

Далее, Св. Татеваци считает, что есть два вида гнева: добрый и злой. Добрый исходит из любви и милосердия, а злой гнев из ненавистной воли. Добрый гнев, когда умоляют, угашается, а злой еще сильнее ожесточается. Злой гнев ведет к убийству, а добрый к жизни, не только духовной, но и телесной, ибо, когда гневаются на преступника закона, то гнев Божий отворачивают от него. Поэтому Бог и утвердил духовную власть и мирскую, чтобы отворачивать от преступников гнев Божий. Добр гнев, который в нас, чтобы гневаться против злых помыслов, сатаны, против злых людей, которые хотят бросить нас в западню, как, например, отречение или свершение какого-либо греха. А вот злой гнев воюет против ближнего и против заповедей Божиих. Поэтому Св. Павел и говорит: «гневаясь, не согрешайте». Говоря – гневаясь, разрешает добрый гнев. А, когда говорит – не согрешайте, воспрещает злой гнев. Итак, «солнце да не взойдет во гневе вашем» (Ефес.4:26), то есть христиане должны быстро мириться, пока не наступит ночь, в противном случае сатана научит злопамятству и утвердит во зле.

Св. Григорий Нисский об устроении человека

ЧАСТЬ I Посвящение Брату, рабу Божию Петру,

Григорий, епископ Нисский

Если бы отличающихся добродетелью должно было вознаграждать Ценным имуществом, то целый мир, как говорит Соломон, оказался бы малым для того, чтобы стать равноценным твоей добродетели, потому что благодарность, подобающая твоей честности, выше цены богатства.

Но Святая Пасха требует обычного дара любви, который приносим высокой душе твоей, человек Божий, хотя он и меньше дара, какой следовало бы принести тебе по достоинству, но не скуднее дара, какой только в наших силах. Дар этот есть слово, подобное некоей убогой ризе, сотканной не без труда нашим умом. Хотя содержание слова многим, может быть, покажется смелым, однако же не сочтут его неприличным. Ибо Божие творение достойно уразумел один Василий, поистине созданный по Богу и душу свою по образу Сотворившего

образовавший, общий наш отец и учитель, обозрением своим сделавший высокое устройство Вселенной для многих удобопонятным и с этим миром, который сотворен Богом по истинной премудрости, ознакомивший приведенных к созерцанию его мудростью. Но мы, будучи не в силах и удивляться ему по достоинству, вместе с тем задумали присовокупить то, чего не доставало в обозрении великого, не для того, чтобы своим подлогом опорочить его труд (ибо непозволительно оскорблять эти великие уста, приписывая им наши слова), но чтобы не подать мысли, будто слава учителя оскудела в его учениках. Так как в шестодневе недостает рассуждения о человеке, то, если бы никто из учеников его не приложил старания восполнить этот недостаток, это справедливо послужило бы поводом к упреку вопреки великой его славе, будто не хотел он образовать в слушателях какой-либо разумной способности. Теперь же, когда осмелились мы по мере сил изложить недостающее, если в труде нашем найдется нечто как бы не недостойное его учения, то, без сомнения, это будет отнесено к учителю. Если же слово наше не достигнет высоты его взгляда, то обвинение не падет на него и он избежит упрека, будто бы не хотел ученикам сообщить что-либо дельное, а мы справедливо окажемся повинными пред ищущими предлогов к упреку, как в тесноте сердца своего не вместившие мудрости наставника.

Не малоценна же предлежащая нам в обозрение цель, не уступает она первенства ни одному из чудес мира, а, может быть, и важнее всего нами познаваемого, потому что ни одно другое существо не уподобляется Богу, кроме этой твари - человека. Поэтому, что ни скажем, у благопризнательных слушателей за все готово уже нам извинение, если даже слово наше гораздо ниже достоинства. Ибо, говоря о человеке, думаю, не должно оставлять неисследованным и того, что, как веруем, было с ним прежде, и того, что, как ожидаем, будет еще впоследствии, и того, что усматриваем в нем ныне. Иначе старание наше окажется не соответствующим данному обещанию, если, когда предметом обозрения является человек, отложено будет в сторону что-либо относящееся к этому предмету. Да и что в человеке представляется противоречащим по несходству с бывшим в нем первоначально, тогда как теперь по какой-то необходимой последовательности считается естественным, надлежит но указанию Писания и по соображению, выведенному из умозаключения, согласовать так, чтобы все изложенное было в связи и порядке, все показывало, что и кажущееся противоречащим направлено к одной и той же цели, и Божие могущество находит надежду безнадежному и исход невозможному. Для легкости же признал я лучшим предложить тебе слово, разделив на главы, чтобы содержание всего сочинения мог ты видеть кратко в содержаниях каждой отдельной части.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В которой заключается некое частное естествословие мира и более привлекательное

изображение предшествовавшего бытию человека

Сия книга бытия небесе и земли, говорит Писание (Быт. 2, 4), когда совершилось все видимое и каждое из существ заняло отдельно свойственное ему положение, когда небесный свод кругом объял собою Вселенную, а в середине ее нашли себе место тела тяжелые и стремящиеся вниз - земля и вода, взаимно друг другом поддерживаемые. Некоторой же связью и скрепой сотворенного в естество существ вложены божественное искусство и божественная сила, этой двойной действенностью правящие Вселенною. Ибо покоем и движением сообщили они бытие несуществующему и продолжение бытия существующему вокруг того, что в неподвижном естестве тяжелое и непреложное, как бы вокруг какой неподвижной оси, приводя в самое быстрое движение полюс, вращающийся подобно колесу, соблюдая неразрушимость взаимно в том и другом, потому что круговращаемая сущность скоростью движения плотность земли сжимает в нечто круговидное, а твердость и упорство непременной неподвижностью непрерывно поддерживает движение вращающегося около нее. Действенностью же этих противоположностей - неподвижным естеством и не знающим покоя круговращением - производится в том и другом равный избыток, потому что и земля не прелагается с собственного своего основания, и небо не умаляет и не ослабляет стремительности движения. И что это прежде всего уготовано премудростью Сотворившего, как некое начало всего устройства существ, думаю, на это указуя, великий Моисей сказал: В начале сотвори Бог небо и землю (Быт. 1, 1), т. е. все явления в твари, порождаемые движением и покоем и приведенные в бытие по Божию изволению. Итак, поскольку небо и земля совершенно противоположны друг другу по противоположности их действий, то тварь, занимающая середину между противоположными, заимствуясь Частью от прилежащего, посредствует собою между крайностями, так что явным делается через эту среду взаимное соприкосновение противоположностей. Хотя и воздух легкостью естества и способностью к движению уподобляется несколько приснодвижности и легкости огненной сущности, однако же и не такой, чтобы ему быть чуждым родства с веществами плотными, как не пребывающий всегда неподвижным и не текущий, не рассевающийся непрестанно, а, напротив того имея общие свойства с тем и другим, служит как бы взаимной какой границей противоположности действий, в себе самом смешивая вместе и разделяя то, что по естеству противоположно. По тому же закону и влажная сущность двоякими качествами связывается с каждым из противоположных естеств. Ибо тем, что тяжела и стремится вниз, она в великом родстве с естеством земным, а тем, что обладает какой-то орошающей и проникающей действенностью, не совсем отчуждена от естества движимого, но есть какое-то стечение и смешение противоположностей: тяжести, преложенной в движение, и движения, не связанного тяжестью, так что и

противоположное естеством друг другу на самых крайних пределах одно с другим соединено посредствующим. Лучше же, говоря точнее, само естество вещей противоположных по свойствам совсем недалеко от смешения с естеством других качеств, поэтому, думаю, все, являющееся в мире, одно к другому склонно, и тварь, оказывающаяся с противоположными свойствами, сама с собою согласна. Поскольку движение понимается не как одна перемена места, то усматривается оно и в превращении и в изменении; и опять естество непреложное не допускает движения в изменении, а потому премудрость Божия, заменив свойства одни другими, приснодвижное сделала непреложным, а неподвижное - превратным, устроив это, вероятно, по особой промыслительности, чтобы такие свойства естества, каковы непревратность и непреложность, оказавшись в одной из видимых тварей, не заставили и тварь эту признавать Богом. Ибо нельзя предполагать божества в том, что движимо или изменяемо. Поэтому-то земля, хотя стоит, но не чужда превратностей, а небо, напротив того, не являясь превратным, не имеет неподвижности, так как божественная сила, соединив с неподвижным естеством превратность, а с превратным - движимость, обменом свойств оба эти естества сроднила между собой; мысль же о божественности их сделала чуждой для них, потому что, как сказано, ничто подобное, т. е. и движимое и изменяемое, не признается за естество божественное.
Итак, все уже достигло своего конца. Ибо, как говорит Моисей, совершишася небо и земля (Быт. 2, 1) и все, что между ними, и это, отдельно взятое, украсилось соответствующей красотой: небо - лучезарностью светил, море и воздух - плавающими и летающими тварями, земля - разнообразием всякого рода растений и четвероногих. Все это произвели, из себя сразу в одно и то же время они но Божию изволению, получив на то силы; и земля наполнилась красот, произрастив вместе с цветом и плоды, наполнились луга всем, что видим на лугах, все утесы и горные вершины, всякий склон и всякая равнина, все, что во впадинах, увенчалось зазеленевшей травою и красивыми деревьями, едва только показавшимися из земли и сразу достигнувшими совершенной красоты. Возвеселилось же, вероятно, все, и взыграли созданные Божиим повелением животные, стадами и но родам бродящие по лесам; пением певчих птиц повсюду огласилось все, что было густо покрыто и осенено деревьями. Но вид моря, как следовало, был несколько иной: такой, что во множестве заливов море пребывало в тишине и покое, и, по Божию изволению, затишья и пристани, углубившись в берега сами собою, приучали море к суше и тихим движением волн спорили в красоте с лугами, между тем как легкие и безвредные ветерки на одной только поверхности производили приятную для взоров рябь. И все богатство твари готово было и на земле и на море, но не было еще того, кому пользоваться этим.

ГЛАВА ВТОРАЯ
Почему человек последний в творении

Так, человек - великая эта и досточестная тварь - не обитал еще в мире существ, потому что неестественно было начальнику явиться прежде подначальных, но после того, как уготовано сперва владение, следовало показать и царя. Поэтому, когда Творец Вселенной устроил имеющему царствовать как бы царский некий чертог, и это были сама земля, острова, море и наподобие крыши сведенное над ними небо, тогда в царские эти чертоги собрано было всякого рода богатство; богатством же называю всю тварь, все растения и прозябения, все, что чувствует, дышит, имеет душу. Если же к богатству причислить надо и вещества, какие только по какой-либо доброцветности в глазах человеческих признаны драгоценными, например золото и серебро и те из этих камней, которые любезны людям, то обилие всего этого, как бы в неких царских сокровищницах, скрыв в недрах земли, потом уже показывает в мире будущего человека, заключающихся в нем чудес, частью зрителя, а частью владыку, чтобы при наслаждении приобрел он познание о Подателе, а по красоте и величию видимого исследовал неизреченное и превышающее разум могущество Сотворившего. Поэтому-то человек введен последним в творение - не потому, что, как нестоящий, отринут на самый конец, но потому, что вместе с началом бытия должен бил стать царем подчиненных. Как добрый гостеприимец до приготовления снедей не вводит гостя к себе в дом, но, приготовив все благоприлично - убрав, какими следовало, украшениями дом, пиршественную горницу, трапезу, припасши уже пригодное для пиши, - принимает у себя сопиршественника, подобным образом богатый и щедрый Угоститель естества нашего, всякого рода красотами убрав жилище, уготовив этот великий и всем снабженный пир, потом уже вводит человека, вменив ему в занятие не приобретать то, чего еще пет, но наслаждаться тем, что уже есть. Поэтому в основание устройства полагает в нем сугубое начало, смешав с земным божественное, чтобы ради того и другого иметь ему наслаждение, какое сродно и свойственно тому и другому, наслаждаясь и Богом но естеству божественному, и земными благами но однородному с ними чувству.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
О том, что человеческое естество досточестнее всякой видимой твари

Достойно же нашего обозрения и то, что, когда полагаемо было основание столь пространному миру и основным его частям, вошедшим в состав целого, творение совершалось как бы спешно, приводимое в бытие божественным могуществом, вдруг совокупно изрекаемым повелением. Устроению же человека предшествует совет, и Художником по начертанию слова предызображается будущее создание, и каково должно быть оно, и какого Первообраза подобие носить на себе, и для

чего оно будет, и что произведет по сотворении, и над чем ему господствовать - все это предусматривает Слово, чтобы человек принял достоинство, которое выше его бытия, приобрел власть над существами прежде, нежели сам пришел в бытие. Ибо сказано: И рече Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию: и да обладает рыбами морскими, и зверми земными и птицами небесными, и скотами и всею землею (Быт. 1, 26). Какое чудо! Устрояется солнце, и никакого не предшествует совета, также и небо, хотя нет ничего ему равного в сотворенном, и такое чудо созидается единым речением, о том же, из чего и как, и о чем-либо ином, этому подобном, не сказано ни слова. Так и все, взятое порознь, - эфир, звезды, наполняющий середину воздух, море, земля, животные, растения - все приводится в бытие словом. К одному только устроению человека Творец Вселенной приступает как бы с рассмотрительпостыо, чтобы и вещество приуготовить для его состава, и образ его уподобить первообразной некоей красоте, и предназначить цель, для которой будет он существовать, и создать естество соответственное ему, приличное его деятельности, пригодное для предложенной цели.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
О том, что устроение человека во всем дает видеть начальственную его власть

Как в этой жизни художники придают вид инструменту соответственно его функциям, так наилучший Художник создал паше естество как некий сосуд, пригодный для царственной деятельности, и по душевным преимуществам, и по самому телесному виду устроив его таким, каким нужно быть для царствования. Ибо душа прямо показывает в себе царственность, и возвышенность, и великую далекость от грубой низости тем самым, что она, не подчиняясь, свободно, полновластно располагает своими желаниями. А это кому иному свойственно, кроме царя? И сверх того сделаться образом Естества всеми владычествующего значит не что иное, как при самом создании немедленно стать естеством царственным. Ибо, как по человеческому обычаю приготовляющие изображения державных и черты лица снимают верно, и облачением в порфиру показывают царское достоинство, и изображение называется обыкновенно царем, так и человеческое естество, поскольку приуготовлялось для начальствования над другими по причине подобия Царю Вселенной, выставлялось как бы неким одушевленным изображением, то общее с Первообразом имело и достоинство и имя, но не в порфиру было облечено, не скипетром и диадемою показывало свой сан (этого нет и у Первообраза), а вместо багряницы облечено добродетелью, что царственнее всех одежд, вместо скипетра утверждено блаженством бессмертия, вместо царской диадемы украшено венцом правды, так что, в точности уподобляясь красоте Первообраза, всем доказывало царский свой сан.

ГЛАВА ПЯТАЯ
О том, что человек есть подобие Божией царственной власти

Божественная же красота не во внешних чертах, не в приятном складе лица и не какою-либо доброцветностью сияет, но усматривается в невыразимом блаженстве добродетели. Поэтому, как живописцы представляют па картине человеческие лица красками, стирая для этого таких цветов краски, которые близко и соответственно выражают подобие, чтобы красота подлинника в точности изобразилась в списке, так представь себе, что и наш Зиждитель как бы наложением некоторых красок, т. е. добродетелями, расцветил изображение до подобия с собственной Своей красотой, чтобы в нас показать собственное Свое начальство. Многовидны и различны эти как бы краски изображения, которыми живописуется истинный образ: это не румянец, не белизна, не какое-либо смешение этих цветов одного с другим; не черный какой-либо очерк, изображающий брови и глаза; не какое-либо сорастворение красок, оттеняющее углубленные черты, и не что-либо подобное всему тому, что искусственно произведено руками живописцев, по вместо всего этого - чистота, бесстрастие, блаженство, отчуждение от всего худого и все однородное с тем, чем изображается в человеке подобие Божеству. Такими цветами Творец собственного Своего образа живописал наше естество. Если же отыщешь и другие черты, которыми обозначается Божественная красота, то найдешь, что и подобие их в нашем образе сохраняется в точности.
Божество есть ум и Слово, ибо в начале бе Слово (Ин. 1, 1), и Пророки, по словам Павла, ум Христов имеют (1 Кор. 2, 16), глаголющий в них (2 Кор. 13, 3). Недалеко от этого и естество человеческое. Видишь в себе и слово и разум, подобие подлинного Ума и Слова. Бог есть также любовь и источник любви; об этом говорит великий Иоанн:
Любы от Бога есть, и Бог любы есть (1 Ин. 4, 7-8). Это Зиждитель и нашего естества сделал отличительной чертой. Ибо говорит: О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (Ин. 13, 35). Следовательно, где нет этой любви, там искажены все черты образа. Божество над всем назирает, все слышит, все испытует, и ты приобретаешь понятие о существах посредством зрения и слуха и имеешь разум, способный делать разыскания и исследования о существах,

ГЛАВА ШЕСТАЯ
Исследование о родстве ума с Божественным естеством, где мимоходом обличается учение аномеев

Никто да не подумает, будто бы утверждаю, что Божество, подобно человеческому образу действия, различными силами постигает существа. Ибо в простоте Божества невозможно представлять себе различия и многовидности познавательной деятельности. И у нас нет

каких-либо многих познавательных сил, хотя и многообразно постигаем чувствами то, что живет. Одна у нас сила - это вложенный в нас ум, обнаруживающийся в каждом из ощущений и объемлющий существа. Он посредством глаз видит явление, посредством слуха уразумевает сказанное, любит приятное и отвращается того, что не доставляет удовольствия; действует рукою, как ему угодно, берет или отталкивает ею, как признает для себя полезным, пользуясь для этого содействием этого орудия. Поэтому если у человека, хотя и различны орудия, устроенные природою для чувства, но во всех один действующий, всем движущий и пользующийся каждым орудием сообразно с предложенною целью, и он различием в образе действий не изменяет естества, то возможно ли полагать в Боге при многоразличных силах многозначность сущности. Ибо, как говорит Пророк, Создавши око, и насаждей ухо (Пс. 93, 9), эти деятельности как бы отличительные некоторые черты в образец того, что в Нем Самом, напечатлел в природе человека. Он говорит: Сотворим человека по образу Нашему (Быт. 1, 26).
Но где же у нас ересь аномеев? Что скажут они на такое изречение? Как после сказанного спасут пустоту своего учения? Скажут ли, что возможно одному образу уподобляться различным лицам? Если Сын не подобен Отцу по естеству, то как устраивает один образ различных естеств. Сказавший Сотворим человека по образу Нашему и множественным числом обозначивший Святую Троицу не упомянул бы об образе в числе единственном, если бы Первообразы были не подобны один другому, потому что тем, которые несходны друг с другом, невозможно показать себя в одном подобии. Напротив того, если различны были естества, то, без сомнения, составили бы и различные образы, создав соответственный естеству образ. Но, поскольку, хотя образ один, Первообраз же образа не один, кто будет столько неразумен, чтобы не признать Первообразов одного другому подобными и непременно между собою сходными. Поэтому-то, может быть, Слово при самом устроении человеческой жизни, отсекая эту злую мысль, говорит: Сотворим человека по образу и по подобию Нашему.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
Почему человек лишен природой оружий и покровов

Но что значит эта прямизна стана? Почему телу не прирождены силы, служащие к охранению жизни? Напротив того, человек вводится в мир лишенным естественных прикрытий, каким-то безоружным и бедным, имеющим нужду во всем потребном для жизни, достойным, по-видимому, более сожаления, нежели ублажения. Не имеет ни рогов для защиты, ни острых когтей, ни копыт, ни зубов, ни какого-либо жала, от природы снабженного смертоносным ядом, чем обладают многие животные для защиты от оскорбляющих, и не покрыто у него тело волосяной оболочкой, хотя поставленному начальствовать над другими надлежало от природы быть огражденным собственными своими оружиями, чтобы для собственной своей безопасности не иметь нужды в

помощи других. А теперь лев, вепрь, тигр, барс и другие подобные животные от природы имеют достаточную силу для своего спасения. И волу рога, и зайцу скорость, и серне легкий скачок и зоркость глаз, иному какому-либо животному величина, другим хобот, птицам крылья, пчеле жало и всем непременно дается, как обычно, природою что-либо для их спасения. Один только человек всех быстроногих медлительнее, великорослых ниже обезопашенных прирожденными оружиями беззащитнее.
Как же, спросит иной, такому дано в удел начальство над всеми? Но нетрудным считаю доказать, что видимая недостаточность нашего естества и служит предлогом к обладанию над подчиненными. Если бы у человека столько было силы, что скоростью перегонял бы он коня, не стирал ничем жестким ног, защищенных какими-либо орудиями или копытами, имел у себя рога, жало, когти, то, во-первых, при таких прирожденных телу его отличиях был бы он каким-то зверским и неприступным, а потом пренебрегал бы начальством над другими, нимало не нуждаясь в содействии подчиненных. Теперь же для того именно жизненные потребности разделены на каждого из подчиненных нам, чтобы начальство над ними сделать для нас необходимым. Медлительность и неудободвижимость тела ввели в потребность и обуздали коня; нагота плоти сделала необходимою попечительность об овцах, которая ежегодной данью шерсти с них восполняет недостаток нашего естества. Нужда привозить к нам припасы для жизни из других стран запрягла вьючных животных для таких услуг. Невозможность, подобно прочим животным, питаться травою сделала вола подручным нам в жизни, который трудами своими облегчает нам жизнь. Поскольку же для борьбы с каким-либо из других животных, наносящих нам вред зубами, потребно было иметь зубы и грызться, то пес в нашу потребность вместе со скоростью предоставил собственный свой род, став для человека как бы одушевленным мечом. А, что крепче ограды рогов, пронзительнее остроты когтей, то придумано людьми. Это железо, которое не всегда при нас, как рога и когти у зверей, но, оказав временную помощь нам в борьбе, остается потом само по себе. И вместо крокодиловой чешуи можно и человеку сделать из нее оружие, на время прикрывшись этой кожей. Если же нет ее, то искусством обращается в нее и железо, которое, оказав временную услугу на войне, свободным от бремени оставляет воина в мирное время. Услуживают нам в жизни и крылья птиц так, что но примышлению своему не уступаем в скорости пернатым. Одни из них делаются ручными и помогают ловцам, другие же умышленно привлекаются на наши потребы. А искусство, по примышлению своему сделав стрелы наши крылатыми, для наших потребностей посредством лука доставляет нам скорость пернатых. И то, что ступни наши во время шествия терпят боль и стираются, сделало необходимым употреблять в пособие то, что поручено нам. Ибо из этого можем приготовлять удобную для ног обувь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
Почему у человека прямой стан, и о том, что руки даны для слова, а вместе и учение любомудрия о различии душ

У человека стан прямой, лицо обращено к небу, и смотрит он горе, а этим означается его право начальствовать и царское достоинство. Ибо то самое, что из живых существ таков один только человек, у всех же прочих тела поникли долу, ясно доказывает различие в достоинстве преклонившихся пред владычеством возвысившейся над ними власти. У всех прочих передние члены суть ноги, потому что согбенное имеет нужду в опоре. А в устройстве человека члены эти стали руками. Ибо в потребность прямому стану достаточно было одного основания, так как и двумя ногами безопасно подпирается он во время стояния. Сверх того содействие рук помогает и потребности слова. И кто услугу рук назовет особенностью словесного естества, тот не совсем погрешит. Обращаясь умом, не только к этой общей и с первого взгляда представляющейся мысли, что при даровитости рук, означаем мы слово письменами (ибо не чуждо в нас словесного дара и это - говорить посредством письмен и некоторым образом беседовать рукою, сохраняя звуки в буквенных очертаниях), но имея в виду и другое, утверждаю, что руки содействуют произнесению слова.
Лучше же сказать, прежде, нежели начнем исследование об этом, обратим внимание на сказанное выше, ибо едва не забыли мы того порядка в творении, по которому предшествует прозябение растений из земли, а за ними последуют бессловесные животные и потом по устроении их, - человек. Ибо дознаем из этого, не только, может быть, представляющееся с первого взгляда, а именно что Творцу казались полезными для животных трава, а для человека скот, поэтому созданы прежде животных травоядных их пища, а прежде человека годное к тому, чтобы служить человеческой жизни. Но мне кажется, что Моисей излагает в этом некое сокровенное учение и таинственно сообщает любомудрие о душе, о котором мечтала и внешняя ученость, но не уразумевала его в ясности. Ибо слово учит нас тому, что в трех различиях усматривается жизненная и душевная сила. Есть только некая сила растительная и питательная: приемля годное к приращению питаемого, называется она естественной и усматривается в растениях, потому что и в произрастающем можно примечать некую жизненную силу, лишенную чувства. Но, кроме этого, есть другой вид жизни, которому принадлежит и первый, и к нему присоединена способность управлять собою по чувству. Такова жизнь в естестве бессловесных. Они не только питаются и растут, но имеют чувственную деятельность и чувственное понимание.
Совершенная же жизнь в теле усматривается в естестве словесном: разумею естество человеческое, питаемое, чувствующее, имеющее дар слова и управляемое разумом.

Пусть же у нас принято будет в слове такое деление: из существ иное

есть нечто умопредставляемое, а иное - телесное, но деление умопредставляемого на собственные ему части отложено в сторону, потому что не о нем у нас речь. А из телесного иное вовсе лишено жизни, иное же причастно жизненной деятельности. Опять из тел живых иное живет, имея чувства, а иное лишено чувства. Потом чувствительное разделяется опять на словесное и бессловесное. Поэтому законодатель говорит, что после неодушевленного вещества как бы в некое основание существ одушевленных прежде всего образована эта естественная жизнь, осуществившаяся в прозябении растений, потом вводит в бытие тварей, управляемых чувством. И поскольку по этой последовательности из принявших жизнь телесную иные могут быть чувствующими себя и без разумного естества, а естество словесное не иначе может быть в теле, как в растворении с чувственным, то по этой причине последним после растений и животных устроен человек, так что природа каким-то путем последовательно восходила к совершенству. Ибо всякого вида души срастворены в этом словесном животном - человеке. По естественному виду души он питается; с растительной же силою соединена чувствительная, по природе своей занимающая середину между умопредставляемой и вещественной сущностью, в такой мере грубейшая первой, в какой она чище последней. Потом с тем, что есть тонкого и светоносного в естестве чувствующем, совершается некое освоение и срастворение умопредставляемой сущности, чтобы человек составлен был из этих трех естеств.
Так, подобное этому узнали мы от апостола, когда говорил он Ефессянам, желая им да сохранится всесовершенная благодать и тела и души и духа в пришествие Господа (1 Фес. 5, 23), питательную часть называя телом, чувствующее означая словом душа, а умопредставляемое - словом дух. А также и Господь научает в Евангелии книжника предпочитать всякой заповеди любовь к Богу, свидетельствуемую от всего сердца, от всей души и всем помышлением (Лк. 10, 27). Ибо и здесь, мне кажется, слово Писания объясняет уже разность, сердцем называя состояние телесное, душою - естество среднее, а помышлением - высшую умопредставляемую и творческую силу. Отсюда апостол знает три различные произволения и именует плотским то, которое занимается чревом и его услаждениями; душевным - которое в середине между добродетелью и пороком, возвышается над пороком, но не вполне причастно добродетели; и духовным - которое имеет в виду совершенство жития по Богу. Почему Коринфянам, порицая их преданность забавам и страстям, говорит: Плотстии есте (1 Кор. 3, 3) - и не можете вместить в себя совершеннейших учений. В другом же месте, делая некое сличение произволения среднего с совершенным, говорит: Душевен же человек не приемлет яже от Духа: юродство бо ему есть. Духовный же востязует убо вся, а сам той ни от единого востязуется (1 Кор. 2, 14-15). Поэтому, как душевный выше плотского, так в том же отношении духовный превышает душевного.

Итак, если Писание говорит, что человек создан был последним после всего одушевленного, не иное что означается этим, как то, что Законодатель любомудрствует о душе нашей по необходимой некоторой последовательности в порядке, усматривая совершенное в окончательном. Ибо в словесном заключается и прочее, а в чувственном есть, без сомнения, и естественное, последнее же усматривается только вещественным. Поэтому природа естественным образом, как бы по степеням, - разумею отличительные свойства жизни, - делает восхождение от малого к совершенному.

И поскольку человек есть словесное некое живое существо, то нужно было устроить телесное орудие, соответственное потребности слова. Как видим, что музыканты с родом орудий соображают и музыку, на лире не свиряют и свирели не употребляют вместо гуслей, так подобным этому образом и для слова нужно было соответственное устройство орудий, чтобы, согласно с потребностью речений, изглашалось слово, образуемое голосовыми членами. Для этого-то приданы телу руки. Ибо если можно насчитать тысячами жизненных потребностей, в которых эти досужие и па многое достаточные орудия рук полезны для всякого искусства и всякой деятельности, с успехом служа в мирное и военное время, то преимущественно перед прочими нуждами природа придала их телу ради слова.

Если бы человек лишен был рук, то у него, без сомнения, по подобию четвероногих соответственно потребности питаться устроены были бы части лица, и оно было бы продолговато и утончалось к ноздрям. У рта выдавались бы вперед губы мозолистые, твердые и толстые, способные щипать траву. Между зубами вложен бы был язык, отличный от теперешнего - мясистый, упругий и жесткий, помогающий зубам, или влажный и по краям мягкий, как у собак и прочих сыроядных животных, вращающийся между острыми рядами зубов. Поэтому если бы у тела не было рук, то как образовался бы у него членораздельный звук, когда устройство рта не было бы приспособлено к потребности произношения? Без сомнения, необходимо было бы человеку или блеять, или мычать, или лаять, или ржать, или реветь подобно волам и ослам, или издавать какое-либо зверское рыкание. А теперь, когда телу дана рука, уста свободны для служения слову.

Следовательно, руки оказываются принадлежностью словесного естества; Творец и их примыслил для удобства слову.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
О том, что орудное устройство человека приспособлено к потребности слова

Поскольку Творец созданию нашему даровал некую Божественную

благодать, вложив в образ подобие Своих благ, то прочие блага дал естеству человеческому по Своей щедрости; об уме же и мудрости должно сказать, что в собственном смысле не столько их дал, сколько сообщил, снабдив образ собственными красотами Своего естества. А как ум есть некое умопредставляемое и бестелесное достояние, то дар был бы несообщим и неудалим, если бы движение его не обнаруживалось каким-либо примышлением. Для этого-то потребовалось это орудное устройство, чтобы ум, подобно смычку касаясь голосовых членов, каким бы то ни было изображением звуков истолковывал внутреннее движение. И, как искусный какой музыкант, не имея по болезни собственного своего голоса, но желая выказать свое знание, пользуется в пении чужими голосами, - свирелями или лирой, - обнаруживая перед всеми свое искусство, так ум человеческий, изобретатель всякого рода мыслей, по невозможности выказать стремлений мысли душе, понимающей при помощи телесных чувств, как сведущий какой художник, касаясь этих одушевленных орудий, извлекаемым из них звуком делает явными сокровенные мысли.

В человеческом же орудии смешана какая-то музыка свирели и лиры, как бы в одно время издающих стройный звук. Дыхание, через бьющуюся жилу из воздухоприемных сосудов вытесняемое вверх, когда усилие говорящего издать голос приводит в напряжение орган, сотрясаемый приражениями изнутри, которые кругом объемлют этот подобный свирели проход, издает звук, уподобляющийся несколько звуку свирели, несвободно кружась по перепончатым возвышениям в горле. А нёбо во рту идущий снизу звук принимает полостью, которая под ним, и в двойных свирелях, простирающихся до ноздрей, как бы чешуйчатыми какими возвышениями, хрящами в верхней части носа раздробляя звук, делает его сильнейшим. Щеки же, язык, орган около гортани, по которому спускается подбородок, имеющий впадину и оканчивающийся острием, - все это в различных видах и многими способами представляет движение смычка но струнам, в нужное время с большой скоростью соответственно потребности настраивающее тоны, а разжатие и сжатие губ производят то же, что и воздух в свирели у задерживающих его пальцами, т. е. ту же стройность пения

Св. Григорий Нисский. "Слово на святую Пасху, о воскресении"

Итак, днесь воскрес Христос, Бог безстрастный и безсмертный. (Язычник, удержись на время от безразсуднаго смеха, пока не выслушаешь всего!)

Не по необходимости Он пострадал, не по принуждению сошел с небес, и не сверх чаяния воскрес, как будто бы это было для Него неожиданным благодеянием. Нет, Он в самом начале знал конец всего; пред Его Божественными очами открыто было все, имеющее совершиться.

Еще прежде сошествия с неба, Он видел и смятение язычников, и ожесточение Израиля, и Пилата, возседящаго на троне, и Каиафу, раздирающаго одежду свою, и неистовство мятежнаго народа, и предательство Иуды, и защищение Петрово, и вскоре за сим свое воскресение и переход к безсмертной славе. И зная все, имеющее совершиться, Он не изменил милости своей к человеку, не отложил исполнения смотрения своего о его спасении. Как люди (великодушные), при виде слабаго человека, уносимаго стремлением потока, движимые состраданием к погибающему, бросаются в воду для его спасения, хотя знают, что и они могут погрязнуть в иле потока и пострадать от камней, быстро несущихся по воде; так и человеколюбивый Спаситель наш, дабы спасти погибшаго от обольщения, добровольно претерпел поношение и безславие. Он сошел на землю, потому-что предвидел и славное восшествие от ней; благоволил умереть, как человек, потому-что знал наперед и о своем воскресении. Не безразсудно Он подвергал себя опасности, предоставляя все неизвестности будущаго, как поступает обыкновенный человек, но как Бог, Он располагал все события к известной и определенной цели. Сей убо есть день, егоже сотвори

Господь: возрадуемся и возвеселимся в онь (Псал. 117, 24), возвеселимся не в пьянстве и объядении, не в ликовании и безчинствах, но в богоугодных размышлениях.

Сегодня вся вселенная, как одно семейство, собравшееся для одного дела, оставив дела обыкновенныя, как-бы по данному знаку, обращается к молитве. Нет сегодня путников на дорогах; не видно мореплавателей на море; земледелец, оставив плуг и заступ, украсился праздничною одеждою; корчемницы стоят пустыми; исчезли шумныя сборища, как исчезает зима с появлением весны; безпокойства, смятения и бури житейския сменились тишиною праздника. Бедный украшается как богатый; богатый одевается великолепнее обыкновеннаго; старец, подобно юноше, спешит принять участие в радости, и больной превозмогает болезнь свою; дитя, переменив одежду, празднует чувственно, потому-что еще не может праздновать духовно; девственница веселится душею, потому-что видит светлый торжественный залог своей надежды; мать семейства, торжествуя, радуется со всеми домашними своими, и сама она, и муж ея, и дети, и слуги и домочадцы, все веселятся. Как новый, только-что образовавшийся рой пчел, в первый раз вылетающий из пчельника на свет и воздух, весь вместе садится на одной ветви дерева, так и в настоящий праздник все члены семейств отвсюду собираются в свои домы. И по-истине справедливо сравнивают настоящий день с днем будущаго воскресения, потому-что тот и другой собирает людей; только тогда соберутся все вместе, а теперь собираются по частям. Что же касается радости и веселия, то по всей справедливости можно сказать, что настоящий день радостнее будущаго: тогда по необходимости будут плакать те, коих грехи обличатся; ныне, напротив, нет между нами печальных. Ныне и праведник радуется, и неочистивший свою совесть надеется исправиться покаянием. Настоящий день облегчает всякую скорбь, и нет человека так печальнаго, который не находил бы утешения в торжестве праздника. Ныне освобождается узник, должнику

прощается долг, раб получает свободу, по благому и человеколюбивому воззванию Церкви, не с безчестием и заушениями, не ранами освобождается от ран, как это бывает во время народных празднеств, на которых рабы, выставляемые на возвышенном месте, стыдом и посрамлением искупают свою свободу, но отпускается с честию, как это знаете вы сами; ныне и остающийся в рабстве получает отраду. Если бы даже раб сделал много важных проступков, которых нельзя ни простить, ни извинить: и тогда господин его из уважения ко дню, располагающему к радости и человеколюбию, приемлет отверженнаго и посрамленнаго, подобно Фараону, изведшему из темницы виночерпия; ибо знает, что в день будущаго воскресения, по образу коего мы чествуем настоящий день, он и сам будет иметь нужду в долготерпении и благости Господа, и потому, оказывая милость ныне, ожидает воздаяния в тот день. Вы слышали, господа; не постыдите же меня перед рабами, будто я ложно восхваляю день сей; отымите печаль у душ, удрученных скорбию, как Господь отъял умерщвление от нашего тела; возвратите честь посрамленным, обрадуйте опечаленных, ободрите упадших духом, изведите на свет заключенных, как во гробе, в темных углах ваших домов; пусть для всех цветет, как цветок, красота праздника. Если день рождения земнаго царя отверзает темницы, то ужели победный день Воскресения Христова не утешит скорбящих?

Бедные, примите с любовию день сей, питающий вас! Разслабленные и увечные, приветствуйте день сей, врачующий ваши болезни! В нем сокрыта надежда нашего воскресения, которая побуждает ревновать о добродетели и ненавидеть порок; ибо с уничтожением мысли о воскресении у всех будет одна господствующая мысль: да ямы и пием, утре бо умрем (1 Кор. 15, 32). Взирая на сей день, Апостол презирает жизнь временную, пламенно желает вечной и, ни во что ставя все видимое, говорит: аще в животе сем точию уповающе, окаяннейши всех человек есмы (1 Кор. 15, 19).

Ради сего дня люди соделались наследниками Богу и сонаследниками Христу. Ради сего дня с воскрешенным человеком возстанут невреждениыми все части тела, хотя бы оне пожраны были за несколько тесяч лет плотоядными птицами, или поглощены рыбами, псами и другими морскими животными, хотя бы оне разрушены были огнем или соделались пищею гробовых червей. Словом сказать, все тела, соделавшияся от начала мира добычею тления, возвратятся из земли целыми и невредимыми. Притом, воскресение, как учит св. Павел, совершится во мгновепие ока (1 Кор. 15, 52); а мгновение ока есть одно только движение веждей, так-что ничто не может быть быстрее этой скорости.

Разсчитывая по-человечески, сообразно с твоими силами, ты во-первых ни как не можешь и вообразить того количества времени, какое нужно, чтобы сгнившия и превратившияся в землю кости сделались по-прежнему плотными и ровными, снова соединились и пришли в приличный и естественный между собою порядок. Потом не можешь придумать, как кости покроются плотию и скрепятся протянутыми нервами; как под кожею проведутся жилы и артерии, как тонкия трубочки; как явится из каких-то неведомых жилищ безчисленное, неизобразимое множество душ, из коих каждая узн?ет свое тело, как особливую одежду, и тотчас снова поселится в нем, каждая, несмотря на такое множество однородных духов, будет иметь свои отличительные признаки. Ибо нужно представлять себе все души и тела, начиная от самаго Адама, нужно представлять, что, несмотря на такое множество разрушенных домов и на такое множество как-бы из дальняго странствования возвращающихся домовладык, все совершается удивительно и не по обыкновенному. Жилище немедленно возсозидается, и обитатель не блуждает и не ходит взад и вперед, ища своего жилища, но тотчас идет к нему, как голубь безошибочно летит к своей башне, хотя бы даже много было башней около

того-же места и оне похожи были одна на другую. Притом, каким образом так скоро явится воспоминание о прежней жизни и мысль о каждом ея действии в существе, за столько веков истлевшем, тогда-как и пробужденный от глубокаго сна человек некоторое время не знает, кто он и где он, и не помнит о самых обыкновенных вещах, пока бодрствование не разсеет его усыпления и не возвратит ему деятельности памяти? Вот сие-то и подобное сему, приходя многим на мысль, поражает их чрезвычайным удивлением, а вместе с удивлением проникает в их душу и неверие. Ибо если ум наш не находит разрешения ддя своих сомнений и недоумений и не может успокоить своей пытливости уразумением, то впадает наконец, по слабости своего соображения, в неверие, отвергая истинность и действительность самаго дела. Но вот мы дошли до предмета, о котором часто разсуждают, и который близок и приличен настоящему празднеству. Остановимся же на нем несколько времени и возведя наше слово к приличному началу, постараемся уверить тех, которые неправильно сомневаются в вещах очевидных.

Творец всего, восхотев создать человека, создал его не презренным животным, но существом превосходнейшим всех существ и поставил его царем всех тварей поднебесных. Предназначив его к сей цели, Он даровал ему премудрость и свой образ и украсил его многими дарами. Как же после сего можно думать, что, человек призван к бытию только для того, чтобы, родившись, умереть и подвергнуться совершенному уничтожению? Такая цель ничтожна, и приписывать подобное намерение Богу крайне недостойно Бога. Это значило бы уподоблять его детям, которыя тщательно что-нибудь строят, и тотчас же разрушают построенное; потому-что у них и мысли нет о какой-либо полезной цели. Но мы научены совсем противному; мы верим, что Бог создал прародителя безсмертным; но когда произошло преступление и грех, в накавание за сие лишил его безсмертия. Потом, как источник благости и человеколюбия, преклонился на милость

к творению рук своих, украшенному мудростию и разумом, и благоволил возвратить нам прежнее состояние. Это учение и само по себе истинно и сообразно с правильным понятием о Боге; потому-что свидетельствует не только о Его благости, но и о могуществе. И люди добрые и сострадательные не остаются равнодушными и жестокими к существам, находящимся под их властию и смотрением. Так стрегущий овец желает, чтобы стадо его было сохранно и даже как-бы безсмертно; пасущий волов всячески старается о размножении своих волов; приставник к стаду коз желает, чтобы козы его были многоплодны; одним словом: всякий пастух, имея в виду какую-либо полезную цель, всегда заботится о том, чтобы стадо его было сохранно и постоянно размножалось. Если же все это справедливо, и если все, что мы сейчас сказали, показывает, что Виновнику и Творцу рода человеческаго еще более прилично возстановить и исправить падшее творение свое, то очевидно, что неверующие (будущему воскресению) противление свое утверждают только на той мысли, будто для Бога невозможно воскресить умершее и разрушившееся. Но, по-истине, только мертвые и лишившиеся чувств могут думать, что есть что-нибудь невозможное и неисполнимое для Бога, и таким образом собственную слабость приписывать всемогущему величеству. Чтобы обличить их безумие ясными доказательствами, мы из прошедшаго и настоящаго покажем возможность будущаго, чему они не веруют.

Ты слышал, что человек создан из земли. Объясни же мне, ты, который хочешь все постигнуть умом своим, объясни, каким образом соединилась в одно плотное тело мелкая, разсеянная персть? Как земля сделалась плотию? Как из одного и того-же вещества составились и кости, и кожа, и жир, и волосы? Как в одном теле образовались члены, различные и по виду, и по свойствам? От чего легкое для осязания мягко, а по цвету синевато? От чего печень тверда и багроваго цвета? От чего сердце сжато и составляет самую твердую часть тела, а

селезенка не имеет плотности и черна, перепонка же бела и от природы соткана наподобие сетей? Размыслим еще и о том, как из одного ребра образовалась первая жена и явилась существом совершенным, подобным первому совершенному человеку? Как одного члена стало достаточно для полнаго состава и из малаго составилось целое? Как из ребра образовались и голова, и руки, и ноги, и внутренния части извивистыя и разнообразныя, мягкое тело, и волосы, и глаз и нос? Но, чтобы не распространять слишком много своего слова, скажем кратко, что для нас слабых и ничтожных все в создании чудесно и непонятно, и что для Бога создание всего, как всякому известно, не стоило никакого труда. Как же после сего назвать здравомыслящими тех, которые допускают, что весь человек составлен из одного ребра, и в тоже время не верят, чтобы он мог вновь возникнуть из целаго человеческаго состава? Нет, силы Божественной деятельности мы не можем понять и изследовать своими человеческими мыслями. Если бы мы могли понимать все, то Бог, существо высочайшее, не был бы превосходнее нас. Но для чего говорить о Боге? По некоторым силам мы не можем сравняться и с безсловесными животными, но сто?м ниже их. Например, быстротою нас превосходят кони, собаки и многия другия животныя, силою верблюды и лошаки, знанием дор?г ослы, остротою зрения серны. Посему-то люди мудрые и разсудительные верят всему изреченному от Бога, но не спрашивают о способах и причинах Его действий, так-как это превышает наше разумение. Всякому из пытливых любоведцев можно сказать: объясни мне, каким образом все видимое получило бытие, скажи, с помощию какого искусства Господь создал столь разнообразное творение? Если ты изследуешь и поймешь все сие, то имеешь право недоумевать и роптать на то, что, уразумевши образ первоначальнаго происхождения вещей, не понимаешь будущаго их преобразования. Если же все это представляется тебе сновидением и мечтанием, если всюду познание твое слабо и несовершенно, то не жалуйся и не ропщи на то, что

ты, не разумея, как все сотворено, не постигаешь и того, как воскреснет истлевшее.

Один и тот-же Виновник и первоначальнаго создания и втораго преобразования. Он знает, как свое творение, подвергшееся тлению, возвратить в прежнее состояние. Нужна ли для сего премудрость, — у Него источник премудрости. Потребуется ли могущество, — Он не имеет нужды в пособии и содействии. Он есть Тот, который, по словам мудрейшаго Пророка, измери горстию воду, и безпредельное небо пядию, а всю землю горстию (Псал. 40, 12). Обрати внимание на эти изображения: они служат знаками неизреченнаго могущества и заставляют наш разум с горестию сознаться, что он не может изобрести ничего достойнаго Божественной природы. Так, Бог и есть всемогущ, и называется всемогущим (конечно, ты не будешь спорить против сего, но согласишься, что это действительно так); а для всемогущаго нет ничего труднаго или неисполнимаго. Для твоей веры (в будущее воскресение) есть много оснований, которыя невольно заставляют тебя согласиться с нашими словами, и во-первых, это все разнообразное и многосложное создание, которое яснее всякаго проповедника возвещает, что велик и премудр Художник, создавший все видимое. Сверх того, Бог, промышляя о своих творениях и созерцая: издалека слабыя д?ши неверующих, самым делом подтвердил истину воскресения мертвых, возвративши души в тела многих умерших. Для этого вышел из гроба Лазарь четверодневный мертвец (Иоан. 11, 44); для этого и единородный сын вдовицы возвращен матери живым от смертнаго ложа (Лук. 7, 17), и многие другие, которых перечислять здесь было бы трудно. Но зачем говорить о Боге и Спасителе, когда Он, для б?льшаго уверения сомневающихся, даровал власть воскрешать мертвых даже рабам своим — Апостолам? Вот доказательство ясное и очевидное! Для чего же еще вы, любители прений, утруждаете нас, как будто мы говорим о том, чего доказать

нельзя? Как воскрешен один, так воскреснут и десять; как десять, так и триста, как триста, так и более. Кто сделал одну статую, тому не трудно будет сделать их и тысячу. Не видите ли вы, как художники на небольшом куске воска отпечатлевают формы и модели великих и огромных зданий? В этом случае и небольшая вещь имеет такое же значение, как многия великия здания. Обширное небо есть прекрасное творение Божие. Но вот и человек, котораго Бог создал существом разумным, чтобы он, познавая сотворенное, прославлял премудраго Творца, вот и человек устрояет небольшой шар, который в руках человека знающаго обращается подобно тому, как Бог движет небесами. Таким образом самое малое произведение становится изображением величествениаго творения, и в уменьшенном виде изъясняет то, что существует в огромных размерах и не подлежит нашим чувствам. Но для чего же я говорил об этом? Для того, дабы ты знал, что, коль-скоро спросишь меня, к?к воскреснут все от века тел?, я тотчас отвечу тебе: так-же, как воскрес четверодневный Лазарь. Человек здравомыслящий, очевидно, поверит на том-же основании и воскресению многих, на каком верит воскресению одного. И ты, допустивши, что совершает сие Бог, конечно, не скажешь, что в этом есть что-нибудь невозможное, и не сочтешь постижимою для ума твоего премудрость непостижимаго; ибо для тебя неизследимо все, относящееся к безпредельному, тогда-как для Бога нет и безпредельнаго.

Но наше разсуждение будет очевиднее, если мы, сверх сказаннаго, размыслим еще об образе нашего рождения, — не о том первоначальном и древнейшем, по которому мы произошли от Бога, и о котором прежде говорили, но о том, который и доселе совершается по законам естества. Неизследим и непостижим он для человеческаго разума. В самом деле, как из семени, вещества жидкаго, неимеющаго ни вида, ни образа, составляется голова, образуются твердыя бедра и ребра, мягкий и нежный мозг, с окружающими его

столь твердыми и жесткими костями, и вообще, чтобы слишком не увлечься подробностями, скажем кратко, весь разнообразный состав живаго существа? Но точно так-же, как это семя, в начале неимеющее никакого определеннаго вида, получает, по устроению непостижимой премудрости Божией, определенную форму, возрастает и увеличивается в обеме, точно так-же и брение, находящееся в гробах и имевшее некогда свой вид, снова получит прежнее устройство, и персть снова соделается человеком подобно тому, как это было и в начале. Тут нет ничего страннаго; напротив, все совершенно естественно. Положим, что Бог имеет столько же силы, сколько горшечник, и посмотрим, как поступает сей последний. Он берет безобразную глину, превращает ее с сосуд, и, положив на солнце, сушит его и делает твердым. Пусть это будет кувшин, или тарелка, или другой сосуд; но если что-нибудь нечаянно упадет на этот сосуд и опрокинет его, он тотчас же разрушается и теряет свою форму, обратившись опять в безобразную глину. Но художник, если хочет, скоро исправляет случайно разрушившееся и, при помощи своего искусства, из обломков снова составляет сосуд, который ни чем не хуже прежняго. Если же это может сделать горшечник, который сам есть малое создание Божественнаго всемогущества; то как после сего не веровать Богу, когда Он обещает воскресить умерших? По-истине, это великое безумие!

Посмотрим еще на подобие пшеницы, которым велемудрый Павел вразумляет неразумных: безумне, говорит он, ты еже сееши, не тело будущее сееши, но голо зерно, аще случится пшеницы, или иного от прочих. Бог же дает ему тело, яко восхощет (1 Кор. 15, 36-38). Разсмотрим внимательно прозябание пшеничнаго зерна, и мы скоро позн?ем образ будущаго воскресения. Пшеничное зерно бросается в землю. Здесь, сгнивши от сырости и, так-сказать, умерши, оно превращается в некое млекообразное вещество, которое, несколько сгустившись, дает тонкий и белый росток. Когда

росток этот увеличивается в обеме своем столько, что выходит из-под земли, он мало-по-малу из белаго превращается в зеленый и становится травою и листьями. После сего, зерно, уже несколько развернувшееся и развившееся, пускает вниз многоветвенный корень, приготовляя в нем подпору для будущей своей тяжести, ибо как корабельныя снасти, со всех сторон протянутыя к мачте, удерживая ее в равновесии, дают ей твердость и стойкость; так и подобные вервям отростки корня служат опорою и подкреплением для колосьев. Когда же зерно вырастает в стебель, и стебель поднимается в-верх, Бог поддерживает его, ограждая коленцами и узелками, как некий дом связями, дабы он мог удержать тяжесть будущаго колоса. Потом, когда стебель приобретает достаточную твердость, шелуха распадается и появляется самый колос. Тут опять еще более чудес. В колосе появляются одно за другим зерна, и каждое семечко имеет свое особенное хранилище. Наконец вырастают тонкия и острыя иголочки, которыя, как мне кажется, служат колосу защитою против птиц, истребляющих семена, потому-что, укалывая их своим острием, препятствуют им вредить зернам. Видишь ли, сколько чудес представляет одно согнившее зерно, и, быв брошено в землю одно, в каком количестве возстает из ней? Но человек в воскресении получит только то, что он уже некогда имел, и потому наше обновление кажется еще легче и понятнее прозябания зерна.

Перенесемся отоюда мыслию к деревам, для которых зима каждый год бывает временем смерти. Обрываются плоды, падают листья, и дерева становятся сухими, теряют всю свою красоту; но приходит весна, и они обрастают прекрасными цветами, и покрываются листьями. Тогда красотою своею они привлекают к себе взоры человека и служат как-бы местом увеселения для певчих птиц, которыя садятся на их ветви. Тогда столько разлито около них удовольствия, что многие оставляли свои домы, украшенные золотом и фессалийскими

и лаконийскими камнями, находя приятнее жизнь под деревом. Так и патриарх Авраам построил свою кущу под дубом, не потому, чтобы он не имел жилища, но потому, что его привлекала прелесть ветвистаго дерева.

Жизнь змей также представляет мне доказательство для разсматриваемаго предмета. В продолжение зимы жизненная сила их замирает, и целые шесть месяцев оне лежат в пещерах без всякаго движения. Но как-скоро наступит известное время и послышатся на земле громовые удары, оне, принимая это как-бы за условный знак, выходят из пещер и долгое время живут в обыкновенном своем состоянии. Где же причина всего этого, скажи мне, испытатель и судия Божественных действий? Объясни, почему ты допускаешь, что удар грома пробуждает обмертвевших змей, а не веришь, что по звуку небесной трубы Божией оживут люди, как свидетельствует об этом слово Божие: вострубит, и мертвии востанут (1 Кор. 15, 52), и в другом месте еще яснее: послет Ангелы своя с трубным гласом велиим, и соберут избранныя Его (Матф. 24, 31). Не будем же упорствовать в неверии сим изменениям и обновлениям. Жизнь различных растений, животных, даже самих людей вразумляет нас, что ничто, подлежащее тлению и рождению, не остается навсегда в одном и том-же состоянии, но все изменяется и переходит из одного состояния в другое. И прежде всего, если угодно, разсмотрим это изменение в собственных наших возрастах. Мы знаем, каков бывает младенец, пока питается матерним молоком; по прошествии некотораго времени он приобретает силу, и начинает ползать, подобно маленьким животным, поддерживая себя руками и ногами. Около трех лет он уже ходит прямо, и начинает говорить, хотя неясно и заикаясь; потом произносит слова раздельно и становится красивым отроком. От этого возраста он переходит к возрасту юноши; тут щеки его покрываются волосами, он мало-по-малу становится бородатым и так далее; потом уже делается зрелым мужем, крепким и способным к трудам. Но когда

пройдет лет сорок, он начинает склонять свою голову, крепость его мало-по-малу сменяется слабостию и наконец приходит старость, с которою совершенно ослабевают силы. Тело преклоняется и нагибается к земле, как пересохшие колосья; дотоле гладкое, оно становится морщиноватым, и тот, кто некогда был цветущим силою юношей, опять становится младенцем, заикается, теряет твердость мысли, и опять, как и прежде, ползает на руках и ногах. Как и чем все это тебе представляется? Не есть ли это изменение? Не многообразныя ли это превращения? Не различныя ли это обновления, преобразующия смертное существо еще прежде смерти?

Равным образом сон и пробуждение необходимо также убеждают человека в том, о чем мы разсуждаем. По-истине, сон есть изображение смерти, а пробуждение подобие воскресения. Посему-то еще некоторые языческие мудрецы называли сон братом смерти, по сходству явлений, которыми тот и другая сопровождаются. В том и другом состоянии человек забывает прошедшее, теряет мысль о будущем; тело лежит без чувств, не узнает ни друга, ни врага, не видит лиц, его окружающих и смотрящих на него, становится слабым, мертвенным, лишается всей своей живости, и ничем не отличается от тел, лежащих в гробах и могилах. Посему спящаго так-же, как и мертваго, легко можешь, если хочешь, ограбить, можешь опустошить его дом и его самого заключить в оковы; он не чувствует ничего, что около его происходит. Но как-скоро проходит время успокоения и отдохновения для чувств, человек встает, как существо, только-что возвращенное к жизни, мало-по-малу прих?дит к сознанию себя и окружающих его предметов, постепенно возвращает свои силы, как-бы одушевляемый живительным бодрствованием. Если же существо еще в настоящей жизни испытывает днем и ночью столько превращений, изменений, перемен, смену памяти и забвения; то безразсудно и дерзновенно неверить Богу, когда Он обещает нам последнее

обновление, Богу, который есть вместе виновник и первоначальнаго нашего бытия. Неверующие, как мне кажется, больше всего располагаются к неверию тем, что разрушение тела почитают совершенным уничтожением. Но это несправедливо. Тело не вовсе уничтожается, но только разрешается на свои составныя части, каковы вода, воздух, земля и огонь. Если же основныя стихии остаются и не уничтожаются; то вместе с ними продолжают существовать, после своего разложения, и сложенныя из них существа, сохраняя в них все свои части. И так-как для Бога не трудно сотворить все из ничего, как действительно в начале все и получило бытие; то, очевидно, дла Него еще легче и удобнее образовать все из начал, уже существующих.

Итак не будем ниспровергать благаго упования людей, не будем отрицать будущаго воскресения нашего тела, втораго, так сказать, бытия, непричастнаго смерти, и не станем чрезмерною склонностию к удовольствиям прогневлять человеколюбиваго Бога, даровавшаго нам столь сладостное обетование. Ибо мне кажется, что сей истине противятся люди, любящие нечестие и враги всякой добродетели, сластолюбцы и корыстолюбцы, необуздывающие ни зрения, ни слуха, ни обоняния, но всеми чувствами предающиеся удовольствиям. Так-как учение о воскресении предполагает будущий суд, и св. Писание ясно говорит, что мы должны будем отдать отчет в своей жизни, и по воскресении в будущем веке предстанем все пред судилище Иисуса Христа, чтобы по Его суду получить за свои дела достойное воздаяние; то они, сознавая за собою свои беззакония, достойныя великаго наказания, из страха суда отвергают и воскресение, подобно лукавым рабам, которые, расточив достояние своего господина, помышляют о смерти и погибели его, и, согласно с своими желаниями, составляют себе суетные помыслы. Но так не станет разсуждать никто здравомыслящий. Если не будет воскресения, то что пользы в справедливости и в истине, в благости и во всяком другом

виде благочестия? Для чего люди подвизаются и любомудрствуют? Для чего порабощают вожделения чрева, любят воздержание, мало позволяют себе сна и отдохновения, подвергают себя страданиям от холода и жара? Да ямы и пием, скажем словами ап. Павла, ?тре бо ?мрем (1 Кор. 15, 32). В самом деле, если нет воскресения, и смерть есть конечный предел нашей жизни; то уничтожь всякое обвинение и порицание, предоставь человекоубийце безпрепятственную свободу, позволь прелюбодею открыто возставать против супружества. Пусть грабитель спокойно предается роскоши и торжествует над своими противниками; пусть никто не обуздывает клеветника, пусть клятвопреступник постоянно прибегает к клятве, потому-что смерть же ожидает и того, кто свято сохраняет клятву. Пусть всякой обманывает, сколько хочет, потому-что и правда не приносит никакого плода. Пусть никто не оказывает милости бедному, потому-что милость остается без возмездия. Подобныя разсуждения производят больше безпорядка и смешения, чем потоп; они уничтожают всякую здравую мысль, напротив поддерживают и питают помыслы буйные и безумные. В самом деле, если не будет воскресения, то не будет и суда; если же вы уничтожите суд, то изг?ните и страх Божий. А где не управляет людьми страх Божий, там торжествует и ликует диавол со грехом. Посему весьма прилично против таких людей написал Давид этот псалом (13): рече безумен в сердце своем: нест Бог; растлеша и омерзишася в начинаниих. Если не будет воскресения, то баснею становится и Лазарь и богач, и страшная оная пропасть, и нестерпимый жар огня, и пламенеющий язык, и желание хотя одной капли воды, и перст беднаго. Ибо все это, очевидно, изображает будущее воскресение, так-как язык и перст означают не части безплотной души, но члены тела. И пусть никто не думает, будто все это уже совершилось; нет, это только предвозвещение будущаго, а совершится во время обновления, когда мертвые оживут и каждый, состоя по-прежнему из тела и души, явится для отчета в своей жизни.

Чему научаем был и зритель великих видений вдохновенный Богом Иезекииль, когда созерцал великое, распростертое пред ним поле, покрытое костями человеческими, о которых ему повелено было пророчествовать? Он видел, как плоть расла и покрывала кости, а кости, разединенныя и разсеянныя без всякаго порядка, приходили в стройный порядок и соединялись между собою. Не очевидно ли, что в сих словах его ясно обозначается воскресение нашей плоти?

Впрочем несоглашающиеся с учением о воскресении мне кажутся не только людьми нечестивыми, но и безумными. Воскресение, оживление, обновление и все подобныя слова приводят мысль слушателя только к телу, подверженному разрушению. Что же касается души, то она, разсматриваемая сама по себе, никогда не воскреснет, потому-что она не умирает, но нетленна и не подлежит разрушению. Но, будучи сама по себе безсмертна, она во всех делах своих имеет сообщником смертное тело; и посему, когда пред праведным Судиею нужно будет давать отчет в делах, она опять поселится в тело, бывшее ей помощником, чтобы вместе с ним принять наказания или награды. Но, чтобы в слове нашем было больше последовательности, станем разсуждать таким образом: чт? мы называем человеком, — тело и душу вместе, или что-нибудь одно из двух? Очевидно, что это живое существо образуется из соединения души и тела: на предметах несомненных и известных нет нужды долго останавливаться. Если же это справедливо: то размыслим и о том, чему мы должны приписывать дела, совершаемыя человеком, например прелюбодеяние, убийство, воровство и все подобное, равным образом целомудрие, воздержание и всякое другое действие, противоположное пороку, — телу ли и душе вместе, или одной только душе? И здесь истина очевидна. Душа одна без тела никогда не крадет, не грабит, не подает хлеба алчущему, не напаяет жаждущаго, не идет с дерзновением в темницу, чтобы послужить удрученному узами; но при всяком действии душа и тело бывают

соединены друг с другом и все совершают вместе. Как же после сего ты, допуская будущий суд, разлучаешь тело от души и определяешь на суд только душу, тогда-как и тело принимало участие в делах? И если тщательно обсудить человеческие грехи и внимательно разсмотреть, откуда возникают первыя начала их; то едва ли не откроется, что в беззакониях тело прежде нарушает долг. В самом деле, часто, когда душа покоится и наслаждается невозмущенным миром, глаз с вожделением смотрит на то, чего лучше было бы не видеть, и, передавши болезнь свою душе, вместо царствовавшаго в ней спокойствия, поселяет бурю и волнение. Равным образом ухо, услышавши какия-нибудь возмутительныя и непристойныя слова, чрез себя, как-бы чрез трубу, вносит в помыслы нечистоту пороков и смятение. Нередко и нос посредством обоняния причиняет внутреннему человеку великое и неизобразимое зло. И руки посредством осязания, обыкновенно, изнеживают самую твердую душу. Таким образом, разсматривая постепенно все чувства, я нахожу, что тело бывает причиною многих грехов. Но оно же подемлет и труды для добродетели, терпит болезни и скорби в благих подвигах, когда разсекают его секирою, жгут на огне, подвергают бичеванию, обременяют тяжкими узами, и когда вообще оно переносит всякия мучения, чтобы не изменить священному любомудрию, против котораго, как против какого укрепленнаго города, со всех сторон воюет нечестие. Итак, если и в благих делах тело подвизается вместе с душею, и в беззакониях не оставляет души; то на каком же основании ты утверждаешь, что на суд предстанет душа одна без тела? Учить таким образом и несправедливо и несвойственно мудрому. Если бы душа грешила одна и вне тела, то и наказание понесла бы также одна; но если во всем явно участвует с нею и тело, то праведный Судия не оставит и его без наказания. В этом уверяет меня и св. Писание, когда говорит, что осужденные подвергнутся достойным наказаниям, каковы: огонь, тьма, червь; ибо все это наказания для сложных и вещественных тел. Что же касается души,

разсматриваемой отдельно от тела, то до ней не может коснуться огонь; не может устрашить ее и тьма, потому-что нет у ней очей и органов зрения. Что сделает ей и червь, который может вредить только телу, а не духу? Таким образом все сии последовательныя разсуждения необходимо заставляют нас согласиться, что будет воскресение мертвых, которое Бог совершит в определенное Им время и чрез то подтвердит самым делом обетования.

Будем же верить Тому, кто говорит: вострубит и мертвии востанут (1 Кор. 15, 52), или: грядет час, егда вси сущии во гробех услышат глас Его, и изыдут сотворшии благая в воскрешение живота; а сотворшии злая в воскрешение суда (Иоан. 5, 28-29). Господь не только дает обетования, но и делами, которыя совершает ежедневно, ясно поучает нас, что Он всемогущ. Не утрудился Он в-начале при создании всего; не будет иметь недостатка в мудрости и при обновлении созданнаго. Разсмотрим настоящее и не будем не веровать будущему. Как изумительно для нас всякое действие Божие, так по-истине велико и непостижимо и то чудо, когда мы видим, что черты лица от родителей и дедов вполне переходят к детям и внукам, так-что потомки бывают как-бы портретами своих предков. С изумлением я созерцаю здесь всемудрое художество Первохудожника-Спасителя и Бога, и не постигаю, каким неизреченным таинством созидаются и составляются образы лиц, уже несуществующих и невидимых, образы, в которых как-бы оживают умершие. Часто также в одном человеке отпечатлеваются черты многих лиц, например, нос отца, глаза деда, походка дяди, голос матери. В этом случае человек походит на растение, к которому привиты отростки различных дерев, и которое, посему, приносит разнородные плоды. Все сие сколько удивительно и непостижимо для нас, столько же легко для Творца, и, как известно, совершается Им без всякаго труда. После сего крайне безразсудно и нелепо было бы допускать, что черты уже согнивших и истлевших тел вновь являются в

других телах, каждодневно раждающихся, в которых таким образом воспроизводятся чужие признаки, и в то-же время не только не соглашаться, что оживут и обновятся в людях их собственныя черты, но напротив упорно отвергать сию истину, и самое обетование о воскресении почитать баснею, а не словом Того, который по своему хотению создал и украсил все видимое. Что касается до нас, мы уже утвердились в вере воскресению, возсылая за сие славу Отцу, и Сыну, и Святому Духу ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.
Поделиться...

Св. Киприан Карфагенский. "Книга о ревности и зависти"

Книга о ревности и зависти
Ревность кажется тебе делом хорошим, а некоторые считают легким и маловажным грехом завидовать тем, возлюбленнейшие братья, которые лучше их. А считая грехом легким и маловажным, не боятся его; не боясь, пренебрегают им; пренебрегая же, не избегают его, и таким образом совершается невидимая и тайная пагуба: будучи едва заметной для того, чтобы предусмотрительные могли уберечься от нее, она скрыто повреждает умы неосмотрительные. Между тем Господь повелел нам быть мудрыми, заповедал быть крайне "сторожными, чтобы враг, который всегда бодрствует и непрестанно подстерегает нас, вторгшись в сердце, не раздул из искр пожара, не превратил малого в большое и, убаюкивая небрежных и неосторожных легким дыханием и тихим веянием, не возбудил вихрей и бурь и через то не разрушил веры и спасения, не разбил самой жизни.

Итак, надобно бодрствовать, возлюбленнейшие братья; надобно всеми силами стараться противопоставить тщательное и полное бдение врагу, который, свирепствуя, направляет на все части тела свои стрелы, могущие поразить и ранить нас. Убеждая нас к этому и поучая, апостол Петр говорит в своем Послании: Трезвитеся, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити (1 Пет. 5, 8). Он обходит каждого из нас и, как неприятель, обложивший крепость, осматривает стены и испытывает, нет ли в них какой части не столь укрепленной и прочной, через которую можно было бы проникнуть внутрь. Глазам он представляет соблазнительные образы и нетрудные

забавы, чтобы посредством зрения подорвать целомудрие; завлекает ухо веселыми песнями, чтобы посредством слышаниясладких звуков поколебать и ослабить христианскую силу; вызывает язык на злословие и, раздражая обидами, подстрекает руку на наглое убийство; выставляет неправедные барыши, чтобы приучить к барышничеству; вводит пагубные сбережения, чтобы пристрастить душу к деньгам; обещает земные почести, чтобы отнять небесные; выставляет на вид ложное, чтобы похитить истинное. Всегда озабоченный поражением рабов Божиих, всегда неприязненный, коварный во время мира, жестокий во время гонения, он, когда не может обольстить тайно, грозит открыто и явно, устрашая ужасами гонения. Поэтому, возлюбленнейшие братья, необходима стойкость нашему духу: он должен быть настроен и вооружен как против всех тайных козней диавола, так и против явных угроз его, должен быть готов к отражению их так же, как враг всегда готов к нападению. А как стрелы, пускаемые втайне, многочисленнее и поражение скрытое и потаенное тем тяжелее и чаще причиняет раны, чем менее оно предусматривается, то мы должны быть бдительными, чтобы все подобное понимать и отражать, а сюда-то и относится зло ревности и зависти.

Кто вникнет в дело, найдет, что христианину надлежит более всего беречься и с особенной осмотрительностью заботиться, чтобы не увлечься злобой и завистью, чтобы брат, опутанный скрытыми сетями тайного врага, возымев от ревности вражду на брата, не поразил себя, сам того не зная, собственным своим мечом. Чтобы полнее представить это и яснее понять, обратимся к началу и источнику, посмотрим, откуда и как началась ревность; ибо легче нам будет избегнуть столь пагубного зла, если мы будем знать его происхождение и великость. В самом начале мира диавол первый погиб от этого зла и сделался губителем. Он, украшенный ангельским величием, угодный и любезный Богу, возревновал и предался враждебной зависти, увидевши человека созданным по образу Божию, и затем, подстрекаемый ревностью, сам низвержен ревностью прежде, чем низверг другого, пленен прежде, чем пленил, погиб прежде, чем погубил, и, возжелав из-за зависти отнять у человека благодать дарованного ему бессмертия, сам утратил то, чем был прежде. Каково же это зло, возлюбленнейшие братья, от которого пал ангел, которое могло опутать и низвергнуть столь высокую и превосходную тварь, которое обольстило самого обольстителя? С тех пор зависть свирепствует на земле и гибнет от зависти, кто повинуется учителю погибели, подражает диаволу, кто ревнует, как сказано в Писании; завистию же диволею смерть вниде в мир; а ему подражают все, которые суть от его части (Прем. 2, 24). Наконец, первая вражда между первыми братьями и нечестивые братоубийства начались с того,

что неправедный Каин поревновал праведному Авелю, что злой возненавидел доброго, позавидовал ему; бешеная ревность столько имела силы для совершения злодеяния, что забыта и братская любовь, и тяжесть греха, и страх Божий, и казнь за преступление: неправедно подавлен тот, кто первый показал праведность, подвергся ненависти не умевший ненавидеть, умерщвлен беззаконно тот, кто и умирая не сопротивлялся. От ревности также Исав сделался врагом брата своего Иакова: так как последний получил благословение от отца, то зависть подвигла Исава на вражду и преследование. В ревности заключается причина и того, что Иосиф продан был своими братьями: по простоте своей он рассказал им, как брат братьям, свои видения, пророчившие ему возвышение, и враждебный дух их исполнился зависти. Да и что, если не ревность, возбудило в царе Сауле ненависть к Давиду, так что он, часто преследуя невинного, милосердного, кроткого, смиренно-терпеливого, желал его смерти? Когда убит был Голиаф и по умерщвлении, помощью и содействием Божиим, такого врага народ выразил свое удивление торжественными песнями в честь Давида, тогда Саул позавидовал тому и им овладела ярость злобы и гонения. Но, не останавливаясь долго на отдельных примерах, обратим внимание на гибель народа, раз навсегда пропащего. Не оттого ли погибли иудеи, что они лучше захотели завидовать Христу, чем верить? Понося великие Его деяния, они обольщены были слепой ревностью и не могли открыть сердечных очей для созерцания дел божественных. Помышляя об этом, возлюбленнейшие братья, бдением и мужеством оградим сердца наши, посвященные Богу, от столь пагубного зла. Смерть других да послужит к нашему спасению; казнь неосмотрительных да принесет здравие осмотрительным.

Неверно мнение тех, которые думают, что это зло имеет один вид или что оно кратковременно и заключено в тесных пределах. Гибель от ревности далеко простирается: она многообразна и многоплодна. Это — корень всех зол, источник опустошений, рассадник грехов, причина преступлений. Отсюда возникает ненависть, отсюда происходит задор. Ревность возжигает корыстолюбие, когда кто не может довольствоваться своим, видя другого богаче. Ревность возбуждает честолюбие, когда видишь другого в почестях выше тебя. Коль скоро ревность ослепила наши чувства и овладела тайными помыслами, тотчас презирается страх Божий, пренебрегается учение Христово, не помышляется о дне суда, надмевает гордость, усиливается жестокость, умножается вероломство, мучит нетерпение, свирепствует раздор, кипит гнев, — и не может уже удержать себя или управлять собою тот, кто подпал чужой власти. Отсюда — разрыв связи мира Господня, нарушение братской любви, извращение истины, рассечение единства;

отсюда — переход к ересям и расколам, когда кто поносит священников, завидует епископам, жалуется, почему не он поставлен, или не хочет признавать другого начальником. Отсюда происходит то, что восстает и упорствует от ревности нечестивец, от задора и зависти враг, — враг не человека, но почести.

И какой это червь для души, какой яд для помыслов, какая ржавчина для сердца — ревновать доблести или счастью другого, т. е. ненавидеть в нем или собственные его заслуги, или благодеяния Божий, обращать в свое зло блага других, мучиться благополучием знатных людей, славу других делать для себя казнью и к сердцу своему приставлять как бы неких палачей, к помыслам и чувствам своим приближать мучителей, которые терзали бы их внутренними мучениями, раздирали тайники сердца когтями зложе-лательства! Не радостна для таковых пища, и питье не может быть приятно; они постоянно вздыхают, стонут, скорбят; и как ревность никогда не оставляет завидующих, то сердце, днем и ночью обладаемое ею, терзается беспрерывно. Любое другое зло имеет свой предел, и всякий грех оканчивается совершением греха: в прелюбодее преступление прекращается по совершении любодеяния; в разбойнике злодеяние затихает по учинении человекоубийства; у грабителя хищничество останавливается похищением добычи; у лжеца мера полагается выполнением лжи. Ревность же не имеет предела — это зло, пребывающее непрерывно, это грех без конца! И чем более обстоятельства благоприятствуют тому, на кого обращена зависть, тем более завидующий возгорается пламенем зависти. Отсюда — угрюмый вид, суровый взгляд, бледное лицо, дрожащие губы, скрежет зубов, свирепые слова, неистовые ругательства, руки, готовые на убийство, и хотя свободные на время от меча, но вооруженные бешеной ненавистью. Поэтому-то Дух Святой говорит в Псалмах: Не ревнуй спеющему в пути своем (Пс. 36, 7); и еще: Назирает грешный праведного и поскрежещет нань зубы своими: Господь же посмеется ему, зане презирает, яко приидет день его (Пс. 36, 12—13). На этих-то указывает и их обозначает апостол Павел, говоря: Яд аспидов под устнами их: ихже уста клятвы и горести полна суть. Скоры ноги их пролияти кровь. Сокрушение и озлобление на путех их. И пути мирного не познаша. Несть страха Божия пред очи-ма их (Рим. 3, 13-18).

Зло гораздо легче и опасность меньше, когда членам наносится рана мечом. Открытая язва легко врачуется и скоро видимо исцеляется при помощи лекарства. Но раны, причиняемые ревностью, непроницаемы и сокрыты; невидимая болезнь, заключенная в тайниках совести, не принимает пособий врачевства. Кто бы ты ни был, завистливый и злобный, посмотри, как ты лукав в отношении тех, кого ненавидишь, как

зловреден и неприязнен! Между тем ты более всего враг своего спасения. Всякий, кого бы ты ни преследовал своей ревностью, может уклониться и ускользнуть от тебя, но от себя самого ты убежать не можешь. Где бы ты ни был, противник твой с тобою, враг твой всегда в твоем сердце, пагуба заключена внутри; ты опутан и связан непреоборимыми цепями, ты сделался пленником возобладавшей тобою ревности, и нет тебе никакого облегчения. Преследовать человека, принадлежащего божественной благодати, — это зло постоянное; ненавидеть счастливого — это болезнь неизлечимая. Потому-то, возлюбленнейшие братья, чтобы кто через ревность к брату не попал в сеть смертную, Господь, когда ученики спросили Его, кто из них больше, в предотвращение таковой опасности сказал: Иже бо менший есть в вас, сей есть велик (Лк. 9, 48). Ответом своим Он уничтожил всякое ревнование, исторгнул и пресек всякую причину и повод к едкой зависти. Ученику Христову не позволено ревновать, не позволено завидовать. У нас не может быть споров о возвышении: мы возвышаемся смирением, мы научены тому, чем можем угодить.

Наконец, и апостол Павел, наставляя и убеждая, чтобы мы, просвещенные светом Христовым и избавившиеся от мрака ночной жизни, делали и поступками показывали, что ходим во свете, так говорит в Послании: Нощь убо прейде, а день приближися: отложим убо дела темная и облечемся во оружие света. Яко во дни, благообразно да ходим, не козлогласовании и пиянствы, не любодеянии и студодеянии, не рвением и завистью (Рим. 13, 12—13). Если тьма отлегла от твоего сердца, если ночь изгнана оттуда и мрак рассеян, если чувства твои озарил дневной свет и ты стал человеком света, — твори дела Христовы, потому что Христос есть свет и день. Для чего погружаешься во мрак ревности, окружаешь себя облаком зависти, погашаешь слепой ненавистью всякий свет мира и любви? Для чего возвращаешься к диаволу, от которого отрекся, для чего делаешься подобен Каину? Ибо апостол Иоанн прямо обвиняет в человекоубийстве того, кто поревновал и возненавидел брата своего. Он говорит в своем Послании: Всяк ненавидяй брата своего, человекоубийца есть: и весте, яко всяк человекоубийца не имать живота вечного в себе пребывающа (1 Ин. 3, 15). И еще: глаголяй себе во свете быти, а брата своего ненавидяй, во тме есть доселе... и во тме ходит и не весть, камо идет, яко тма ослепи очи ему (1 Ин. 2, 9; 11). Ненавидящий брата, по словам апостола, во тьме ходит и не знает куда идет. Бессознательно он идет в геенну; невежа и слепец, он стремится на казнь, удаляясь от света Христова, следовательно, и от Христа, сказавшего в наше наставление: Аз есмъ свет миру: ходяй по Мне не имать ходити во тме, но имать свет животный (Ин. 8, 12). А последует Христу тот, кто держится заповедей

Его, кто шествует путем Его учения, идет по стопам и следам Его, подражает учению и делам Христовым, согласно напоминанию и наставлению Петра, который говорит: Христос пострада по нас, нам оставль образ, да последуем стопам Его (1 Пет. 2, 21).

Надлежит нам помнить, каким именем Христос обозначает свой народ, какое название дает своему стаду. Именует овцами, чтобы овцам уподобить незлобие христианское; называет агнцами, чтобы простота ума была подражанием простой природы агнцев. Для чего же под овчей одеждой скрывается волк? Для чего бесславит стадо Христово ложно именующий себя христианином? Облечься во имя Христово и не идти путем Христовым — не есть ли это предательство имени Христова, оставление спасительного пути, когда Он Сам учит и говорит, что к жизни придет только тот, кто соблюдет заповеди, что мудр тот, кто, слушаясь словес Его, поступает по ним, что тот назовется великим учителем в Царстве Небесном, кто будет сам поступать сообразно тому, чему учит, что возвещаемое для блага и пользы тогда только благотворно для возвещающего, когда проповедуемое словом оправдывается последующими делами? Но что чаще всего внушал Господь ученикам Своим? Из числа наставлений и заповедей небесных что заповедал наиболее наблюдать и хранить, как не то, чтобы мы любили друг друга той любовью, какой Он возлюбил учеников Своих? Как же будет придерживаться мира Господня и любви тот, кто из-за ревности не может быть ни миролюбив, ни приветлив? Потому и апостол Павел, выставляя благодеяния мира и любви и с силою доказывая и научая, что ни вера, ни милостыня, ни само страдание исповедническое и мученическое нисколько не принесут ему пользы, если он не сохранит союза любви целым и невредимым, прибавляет к тому: Любы долготерпит, милосердствует, любы не завидит (1 Кор. 13, 4); т. е. он учит и показывает, что тот только может придерживаться любви, кто будет долготерпелив, милосерд, чужд ревности и зависти. Также в другом месте, увещевая, чтобы человек, исполненный уже Духа Святого и через Небесное рождение соделавшийся сыном Божиим, исполнил одно духовное и божественное, он излагает и говорит следующее: И аз братие, не могох вам глаголати яко духовным, но яко платяным, яко младенцем о Христе. Млеком вы напоих, а не брашном: ибо не у можа-сте, но ниже еще можете ныне. Еще бо плотстии есте. Идеже бо в вас зависти и рвения и распри, не плотстии ли есте и по человеку ходите (1 Кор. 3, 1 -3)?

Надобно, возлюбленнейшие братья, попрать плотские пороки и грехи; надобно изгладить пагубное пятно земного тела, чтобы в противном случае, возвратившись снова к жизни ветхого человека, мы не спутались

смертоносными сетями. На этот раз апостол дает нам предусмотрительный и спасительный совет: Темже убо, братие, должны есмы не плоти, еже по плоти жити; аще бо по плоти живете, имате умрети: агце ли духом деяния плотская умещвляете, живи будете. Елицы бо Духом Божиим водятся, сии суть сынове Божий (Рим. 8, 12—14). Если мы сыны Божий, если мы соделались храмами Божиими, если, приняв Духа Святого, мы стали жить свято и духовно, возвели очи от земли к небу, устремили сердце, исполненное Бога и Христа, к горнему и духовному, то будем делать то, что достойно Бога и Христа, как нас побуждает к тому и увещевает апостол, говоря: Аще убо воскреснусте со Христом, вышних ищите, идеже есть Христос одесную Бога себя: горняя мудрствуйте, (а) не земная. Умросте бо, и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе. Егда же Христос явится, живот ваш, тогда и вы с Ним явитеся в славе (Кол. 3, 1—4). Итак, умершие и погребенные через крещение для плотских грехов ветхого человека и совоскре-шенные Христом через возрождение небесное, будем помышлять и делать дела Христовы, как тот же апостол снова нас учит и убеждает, говоря: Первый человек, от земли, перстен: и вторый человек, Господь с небесе. Яков перстный, такови и перстнии: и яков небесный, тацы же и небесный: и якоже облекохомся во образ перст-наго, да облечемся же и во образ небесного (1 Кор. 15, 47—49). А носить образ небесного для нас невозможно, если не будем уподобляться Христу в том, чем быть начали. Изменение прежней жизни и начало новой требует, чтобы в тебе ясно было рождение божественное, чтобы боготворное благочиние соответствовало Богу Отцу, чтобы честной и похвальной жизнью прославлялся в человеке Бог, как Сам Он убеждает и увещевает к тому, обещая взаимно прославить тех, которые Его прославляют. Прослаляющия Мя, — говорит Он, — прославлю, и уничижали Мя безчестен будет (1 Цар. 2, 30). Располагая и приготовляя нас к таковому прославлению и для того внушая уподобление Отцу, Господь — Сын Божий говорит в своем Евангелии: Слышасте, яко речено есть: возлюбиши искренняго твоего и возненавидиши врага твоего. Аз же глаголю вам: любите враги ваша и молитеся за творящих вам напасть и изгонящыя вы, яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесех: яко солнце свое сияет на злыя и благия и дождит на праведны” и неправед-ньм (Мф. 5, 43—45). Если и людям приятно и славно иметь сыновей, подобных себе, если и они радуются, когда родившееся дитя похоже на отца своими чертами, то не гораздо ли более радости для Бога Отца, когда кто рождается духовно так, что поступками своими и похвальными качествами выражает божественное рождение? Какая почесть и какой венец — быть таким, к которому не относилось бы следующее изречение Божие: Сыны родих и возвысих, тии же отвергошася Мене (Ис. 1, 2)! Пусть лучше похвалит тебя и призовет к

награде Христос, когда скажет: Приидите, благословен-нии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира (Мф. 25, 34).

Этими размышлениями надлежит укреплять дух, возлюбленней-шие братья; этими упражнениями надлежит поддерживать его против стрел диавола. В руках да будет божественное чтение, в понятиях — Господнее помышление. Пусть никогда не прекращается беспрерывная молитва, пусть всегда продолжается спасительное делание. Будем постоянно заняты делами духовными, чтобы диавол каждый раз, как только станет подступать к нам и покушаться войти, находил наше сердце заключенным для него и вооруженным.

Не один только венец, получаемый во время гонения, предназначен для человека-христианина. И мир имеет свои венцы, которыми увенчиваются победители, ниспровергшие врага в многоразличной и неоднократной битве. Укротившему похоть — победный знак воздержания; ставшему выше гнева и обиды — венец терпения. Торжество над корыстолюбием — тому, кто презирает деньги; хвала веры — переносящему мирские невзгоды по упованию на будущее. Кто не гордится в счастии — приобретает славу смирения; кто по милосердию готов помогать бедным — от в воздаяние получает сокровище небесное; кто, не питая ревности, единодушный и кроткий, любит своих братьев — тот удостаивается награды любви и мира. Ежедневно мы бежим на этом поприще добродетелей, без всякого промежутка времени стремимся к этим трофеям правды и венцам. А чтобы к ним мог достигнуть и ты, который был во власти ревности и зависти, отбрось всю ту злобу, которой одержим был, и устремись спасительными стезями на путь вечной жизни. Исторгни из своего сердца волчцы и тернии, чтобы божественный и духовный посев дал преизобильный плод во время жатвы. Изблюй желчный яд, изрыгни отраву враждебную — да очистится ум, оскверненный змеиной завистью; всякая горесть, гнездящаяся внутри, да умягчится сладостью Христовой. Если ты и пищу и питие принимаешь от Таинства Креста, то древо, которое образом своим соделало когда-то воды Мерры сладкими, теперь самой истиной да послужит к умягчению и усладе сердца — и ты для восстановления здоровья не будешь затрудняться в лекарстве. Лекарство — оттуда же, откуда нанесены тебе раны. Полюби тех, кого прежде ненавидел, возымей расположенность к тем, кого по зависти ты преследовал неправедным злословием. Подражай добрым, если ты можешь следовать им; а если следовать не можешь, то по крайней мере сорадуйся им и приветствуй достойнейших. Соединись с ними любовию, сделайся их сообщником по взаимной расположенности и союзу братства. Тебе оста-вятся долги, когда и ты сам оставишь; будут

приняты твои жертвы, когда приступишь к Богу с миротворным расположением. Понятия и действия твои будут направлены к горнему, когда будешь помышлять об одном божественном и праведном, по Писанию: Сердце мужа да помышляет праведное, чтобы от Господа исправились стези его (Притч. 1, 1). А много есть, о чем тебе поразмыслить. Помышляй о рае, куда не входит Каин, по ревности убивающий брата. Помышляй о Царстве Небесном, в которое Господь принимает только согласных и единомышленных. Помышляй о том, что сынами Божиими могут называться одни миротворцы, которые, объединившись небесным рождением и законом божественным, уподобляются Богу Отцу и Христу. Помышляй о том, что мы стоим пред очами Божиими, что сам Бог смотрит и судит о прохождении нами жизненного пути; что мы можем сподобиться созерцать Его только в том случае, если Его, взирающего теперь на нас, будем радовать своими поступками, если соделаем себя достойными благодати Его и милости, если, предназначенные к тому, чтобы вечно угождать Ему в Царстве, мы сперва угодим Ему в сем мире.

Прп. Ефрем Сирин. Толкования на четвероевангелие. Глава 1

Для чего Господь наш облекся плотию? Для того, чтобы сама плоть вкусила радость победы и чтобы исполнилась и познала дары благодати. Если бы Бог победил без плоти, то какие бы Ему вменились похвалы? Во-вторых, чтобы сделать ясным, что Господь наш медлил с началом творения отнюдь не по зависти к тому, что человек соделается Богом, ибо то, что Господь наш умалил Себя в человеке, выше того, что Он обитал в нем, пока человек был велик и славен [т.е. второй Адам выше Адама первого]. Посему написано: «Я сказал: вы — боги» (Пс.81:6).

Итак, Слово приходит и облекается плотию, дабы через то, что доступно пленению, пленено было то, что не подлежит пленению, и через то, что не подлежит пленению, плоть отвратилась от того, кто ее пленил [чтобы люди, через соединение Бога невидимого с человеком видимым, освободились от власти греха и диавола]. Ибо Господу нашему надлежало быть пристанищем всех благ, к которому стекались бы люди, сокровищницей всех таинств, к которой отовсюду бы прибегали, и вместилищем всего сокровенного, дабы все люди, как бы на крыльях, возносились к Нему и в Нем одном находили успокоение. Отринь мудрование, что в падении того, кто пал, пал вместе и Тот, Кто имеет его восставить. Поскольку тело Адама (создано) было ранее, чем явились в нем расстройства, потому и Христос не принял расстройств,

которые позднее получил Адам, так как они были некоторым придатком немощности к здравой природе. Итак, Господь здравой принял ту природу, здравость которой погибла, дабы человек через здравую природу Господа возвратил себе здравость первобытной своей природы. Ибо когда кровожадные звери ужасно изранили человека, Благотворитель поспешил оживить нас своими врачевствами. Незаслуженно человек обложен перевязями, так как и раны его незаслужены, ибо ни в чем человек не погрешил против сатаны, который его изранил, и ничего не дал Благодетелю, Который его исцелил. Итак, облеченный тем же оружием, каким враг победил и вверг мир в осуждение, Господь нисшел на битву, и во плоти, принятой от Жены, победил мир, преодолел врага и осудил. Доколе Церковь была сокровенна, пока она сама молчала, таинства [разумеются прообразы Ветхого Завета] ее возвещали; когда же Церковь была явлена, она сама стала изъяснять этих своих провозвестников, которые по причине ее явления оттоле умолкли.

«От начала было Слово» (ср.: Ин.1:1). Сие евангелист говорит, дабы показать, что как слово существует у того, кто его произносит, так и Бог Слово во всяком деле имеет общение со Своим Родителем — есть и в Нем, и вне Его. И хорошо рассудишь, что слово прежде, чем будет произнесено, уже существует, ибо Захария говорил без движения губ. Еще потому Господь наш называется Словом, что чрез Него открыто сокровенное, подобно тому, как через слово открывается сокрытое в сердце, как и апостол Павел свидетельствует, говоря: «тайный Божий Совет есть Христос, Которым открыты все сокровища премудрости и ведения» (ср.: Кол.12:2-3). Впрочем, слово не произносится прежде, чем оно образуется [т.е. в уме говорящего], так как природа слова рожденная. Так и Слово о Самом Себе свидетельствовало, что Оно не есть Само от Себя, но рождено, и что Оно — не Отец, а Сын, ибо сказало: «Бога... никто никогда не мог видеть, но Единородный... сущий в недре Отца, Сам возвестил нам о Нем» (ср.: Ин.1:18). И еще говорит: «И Я пришел от Отца» (ср.: Ин.5:43 и 16:28). И если скажешь, что то, что есть, не может быть рождено, ложным сделаешь свидетельство Писания, которое говорит: «было», а затем: «рожден из недра Отца Своего».

«От начала было Слово». Берегись, дабы в этом месте не подумать о слове слабом и не сочти Его столь ничтожным, что назовешь Его гласом. Ибо глас от начала не существует, так как гласа нет прежде, чем он будет произнесен, и после того, как произнесен, его опять не существует. Итак, не гласом было Слово, Которое по Своей природе было подобием существа Своего Отца, и не гласом Отца, а образом Его. Ибо если дети, тобой производимые, подобны тебе, то как ты думаешь, что Бог родил глас, а не Бога? И если сын Елисаветы, наименованный «гласом» (Мф.3:3. Мк.1:3. Лк.3:4), есть человек, то тем более Бог, названный Словом, есть (истинный) Бог. Если возразишь, что Сын в

Писании ясно обозначается именем Слово, то рассуди, что Иоанн, который также называется гласом, существует, однако, как лицо; подобным образом и Бог, Который называется Словом, есть тем более Бог Слово. Если же подумаешь, что Сын есть помышление Отца, то спрошу: разве единожды Отец помыслил? Ибо если помышления Его многи, то как Сын может быть Единородным? И если Сын есть внутреннее Его помышление, то как Он — одесную Его? «От начала было Слово». Но не то слово, какое изрекалось при начале мира, есть сие Слово, так как Оно существует прежде начала и прежде времени, ибо нет ни дня, ни часа, когда бы Его не было. Истинное Слово есть не то, которое в одно время существует, а в другое нет, или не то, которое некогда не существовало и потом было создано, но то, которое уже было всегда, постоянно, от начала, от вечности. Поскольку Тот, Кто изрекает Слово, вечен, и так как Слово это подобно сказующему Его, и есть Слово Сказующего, потому и говорит: «От начала было Слово». И дабы показать, что Его рождение предшествовало всякому началу и границам времени, сказал: «было».

Далее, если Слово сие «было у Бога», а не Богу [не Богом создано и не для Бога назначено, как прочие сотворенные вещи], то словами «у Бога» евангелист ясно излагает нам, что как был Бог, у Которого было Слово, так и Самое Слово существовало у Бога как Бог. «От начала было Слово». Этими словами две вещи изъясняет, именно: природу Слова и Его рождение. И дабы не оставить «Слово» без толкования, добавил: «Сие Слово было у Бога», — чем двойное возвестил: во-первых, что Слово не есть, как какой-нибудь человек, ибо «было у Бога», потом – образ бытия Слова. «И Бог было Слово», — чем троякому научил, именно, что Слово есть Бог, Лицо и рождено. «Оно было от начала у Бога». Благоразумно эти слова присоединил, дабы не показалось, что он возвещает одно Лицо. «Оно было от начала у Бога» (ср.: Ин.1:2). Итак, (евангелист) сказал, во-первых, о рождении Его, во-вторых, что Оно было у Бога, в-третьих, что Оно и было Бог, в-четвертых, что Оно уже прежде было у Бога.

«Все чрез Него было создано» (ср.: Ин.1:3), так как дела чрез Него совершены, по словам апостола: «Все чрез Него было создано, ибо чрез Него совершены дела» (ср.: Кол.1:16-17), и: «Чрез Него создал всю землю» [неизвестно, откуда взяты эти слова], «и без Него ничто не было создано» (ср.: Ин.16:3), — что то же самое. (В том), «что создано было, чрез Него была жизнь, и жизнь была свет человеков» (ср.: Ин.1:4), — так как Его явлением сокрушенные предшествовавшие заблуждения сокрылись. «И сей свет во тьме светил и тьма не объяла его» (Ин.1:5), как и говорит: «Ко своим пришел, и свои... не приняли» (Ин.1:11).

«И сей свет во тьме светил». Рассмотри, какая именно тьма боролась против сего света человеков, и исследуй, каким образом он прежде в ней светил. Когда же говорит «светил», не отваживайся думать о Слове

что-либо маловажное, но из слов: «во тьме светил», уразумей, что евангелист называет тьмой время, предшествовавшее Его Божественному явлению, и показывает, что в то время Слово светило. Ибо об этой тьме мы можем слышать в другом месте Евангелия, где находится изречение пророка: «земля Завулонова и Неффалимова, на пути приморском, за потоком Иорданом, Галилея языческая, народ, сидящий во тьме, увидел свет великий» (Мф.4:15-16). Сию тьму он потому усвояет им, что они были народ весьма отдаленный, имеющий обитание и жительство на берегу моря, — народ, далеко уклонившийся от постановлений и учения закона; по этой причине он называет их народом, «сидящим во тьме». Итак, о них именно говорил евангелист, так как сам (?) сказал: света, то есть учения и ведения Его, тьма предшествовавшая, то есть заблуждения, не объяла. Предпринимая возвещение о начале того подвига, который претерпел Господь наш в Своем теле, евангелист так начинает говорить: «тьма его не объяла».

«Было во дни Ирода, царя Иудейского» (ср.: Лк.1:5). Окончив изложение о Слове, в другом месте говорит о том, как, до какой степени и для чего Оно Себя умалило: «Сие Слово стало плотью и обитало с нами» (Ин.1:14). Итак, теперь уже, по окончании этого слова, что бы ты ни услышал в Писании о Слове, разумей не о чистом и одном только слове Божием, а о Слове, облеченном плотию; то есть, (отселе начинаются) повествования смешанные, Божественные вместе и человеческие, исключая то первое и главное из всех.

«Во дни Ирода, царя Иудейского, был священник некий, именем Захария, и жена его... Елисавета» (Лк.1:5). Говорит (о них) так: «Непорочны были во всем своем поведении» (ср.: Лк.1:6), — дабы не сказали, что по грехам своим они не рождали (детей), тогда как на самом деле они блюлись для дел чудесных. «И будет тебе радость и веселие» (Лк.1:14), — не потому, что ты родил сына, а потому, что ты родил таковового. «Из рожденных женами, — говорит, — не будет никого больше Иоанна» (ср.: Лк.7:28). «Вина и секира не будет пить» (ср.: Лк.1:15). Ангел его возвестил, как возвещались (и другие) чада обетования, дабы показать, что Иоанн будет одним из них. «И ты, младенец, наречешься пророком Всевышнего... предъидешь пред Господом приготовить пути Ему» (Лк.1:76). Дух был как в младенце, так и в старце [разумеется Захария, отец Иоанна, сказавший это (ср.: Лк.1:67-76), или Симеон].

«И ты... предъидешь пред лицем Его» (ср.: Лк.1:76), — не как пророки, которые были вестниками только Его славы. «Дать совершенное ведение спасения» (ср.: Лк.1:77), чтобы преходящие таинства люди могли различать от самой Истины, которая никогда не преходит. «Благодать и истина чрез Иисуса... произошла» (ср.: Ин.1:17). Одесную жертвенника возвещен был Иоанн, вестник Господа одесную Седящего. Возвещен был в тот час, когда оканчивалось служение Божественное,

дабы показать, что он есть предел прежнего священства и служения. Внутри святилища онемел Захария, дабы ясно было, что таинства святилища должны умолкнуть с явлением Того, Кто совершает таинства. Так как он не уверовал, что жена его разрешена будет от неплодства, то и связан был в своей речи. Захария подошел к Ангелу, дабы научить (показать нам), что сын его меньше Ангела. К Марии же сам Ангел пришел, дабы показать, что Сын ее есть Господь Ангела. В храм пришел Ангел, дабы не дать предлога [т.е. к отрицанию истины его явления] тем, кто лживо изыскивал предлога. К Елисавете Ангел не пришел, так как Захария был родителем Иоанна, и к Иосифу Ангел не пришел, так как одна только Мария была родительницей Единородного. Гавриил не пришел к Елисавете, у которой был муж, к Марии же пришел, дабы своим именем заместить тайну мужа [имя «Гавриил» значит «муж Божий»]. «Услышана молитва твоя... пред Богом» (ср.: Лк.1:13). Если бы Захария был убежден, что то, о чем он молился, дано ему будет, то он хорошо молился бы; но так как он не веровал, что это ему даруется, то худо молился. О чем просил он Бога, то близко было к исполнению, а он усомнился, будет ли это. Потому слово прошения его, пока оно было на пути к исполнению, справедливо отнято у него. Прежде он беспрестанно молил, чтобы ему дарован был сын, когда же его молитвы услышаны, он отвратился и сказал: «Как будет сие»?

Так как он усомнился в слове (Ангела), то был поражен в устах и в молитвах; у него отнято слово, повиновавшееся ранее его желанию. Итак, дело совершилось таким образом. Сильно желал, пока оно было в отдалении, но не уверовал тому, когда оно в возвещении стало близким. Пока веровал, дотоле говорил, когда же перестал веровать, то онемел. Веровал и говорил, как гласит Писание: «Я веровал, и потому говорил» (Пс.115:1). Так как он пренебрег Словом, то в слове и поражен, дабы в лишении собственного голоса почтил то Слово, которым пренебрег. Так как его уста сказали: «Как будет сие?», — то и надлежало ему возвратиться немым, дабы научился, что это возможно. Свободный язык связывается, дабы Захария научился, что связанная утроба может быть разрешена, и познал, что Связавший язык может разрешить утробу.

Испытание да научит того, кто не хотел научиться вере. Ибо когда, стараясь говорить, (Захария) испытал, что говорить не может, тогда и уразумел, что заключивший отверстые уста может отверзнуть заключенную утробу. Став немым, хорошо познал, сколь неправо говорил. Ибо для чего закон заповедал: «око за око», — как не для того, чтобы вредящий (другому) потерей собственного ока научился, какой превосходной вещи он нанес насилие? Так и Захария, погрешивший словом, посредством слова был наказан, дабы вкусить плод праведного воздаяния. Лишен был слова, потому что подумал, что то слово, которое ему возвещалось, не будет исполнено. Когда уста его были заграждены, так что он не мог выражать необходимого, то научился, что им самим худо преграждено было слово возвещения. Словом Захарии (было)

подвергнуто порицанию слово Ангела, но слово же его несет и наказание перед Ангелом. Пусть в одном члене терпели (наказание) все члены, однако преимущественно надлежало Захарии быть наказанным в том члене, которым погрешил. Хотя наказание коснулось до всех членов, однако самую казнь он изведал устами. Такова была вина Захарии, что немедленно привлекла на него наказание, дабы не нашелся и другой, подобный ему.

После того, как Захария принял от Ангела радостную весть, ему следовало выйти (из святилища) и быть вестником Ангела. Однако так как по неверию он не пожелал быть его вестником при посредстве слов, то ему было дано такое наказание, дабы то, чего не хотел возвещать словом, возвестил молчанием. Тем, что это видение случилось с ним во святилище, народу был дан верный знак, что он достоин такового видения; когда же увидели его, связанного молчанием, уразумели, что устам его потребно было ограждение. Язык поражен был болезнью, дабы ум, очистившись, научился прилагать к устам твердые узы. Так как он не положил хранения своим устам, то врата его уст заграждены молчанием. Поскольку Ангел говорил с ним вблизи Святого святых, народ уразумел, что ему дарована была благая весть, но из того, что он не мог говорить, познали, что он отвечал что-нибудь неблагопотребное. Так как видение случилось с ним во время служения, когда возносились прошения, то знали, что ему ниспослан был некий дар, но так как в его устах не обретали действия благодати, то познали, что он не принял дара. Хотя сам Захария усомнился в словах Ангела, однако, так как он стал немым, никто более не сомневался в них. Кто (сам) не уверовал радостной вести, принесенной Ангелом, молчанием того все люди уверовали той радостной вести. Ибо молчанием Захария сделался для прочих пророком и судией, чтобы через пророка научились вожделенной вести и через судию поражены были страхом, дабы не пренебречь таковой вестью. И для самого Захарии Ангел был пророком и судией. Как пророк он изъяснил ему сокровенное, и как судия подверг его болезни и наказанию.

Весть будущих благ в тот час послана была роду человеческому, и когда первый, услышавший ее, усомнился, знамением его отметила, дабы другие не подражали ему. И, таким образом, эта же радостная весть, хотя и провозглашенная громким голосом Ангела, показалась невероятной, но она достигает того, что возвещенная покиваниями Захарии становится вероятной. Видя, что его покиваниям уверовали все, Захария уразумел, что напрасно усомнился в слове Ангела. И так молчание его соделывает то, что он лучше выслушал (весть). Так как не поверил Ангелу, который был устами Бога, то он сделал его немым, дабы дощечка вместо него говорила. Когда радостнейшей вести об Иоанне, принятой от Ангела, не уверовал, то остался немым, когда же увидел Иоанна, исшедшего из утробы, начал говорить. Слово, исшедшее от Ангела, достигло уст и заключило их, достигло до чрева —

и отверзло его. То же слово другим порядком заключило утробу, которую отверзло, дабы не рождала более, и отверзло уста, которые заключило, дабы не заключались более. Надлежало заключить уста того, который не поверил рождению от утробы неплодной, и надлежало заключить утробу, родившую Иоанна, чтобы не рождала более, дабы сей был единородным вестником Единородного. Захария, один только усомнившийся, в своем сомнении подъял сомнение рода человеческого.

Итак, своим неверием он всех людей научил вере. Когда Иоанн рождался в возвещении из уст живущего Ангела, отец не уверовал в его духовное рождение; когда же он был рожден омертвелой утробой, тогда он приложил веру к его плотскому рождению. Но так как он не поверил живым устам, то его уста через слово омертвели. Когда увидели его, ставшего немым, поспешили правильно веровать, взирая на него, худо усомнившегося. Уста его показали поспешность и были преданы молчанию, чтобы научились медлительности, дабы и другие не обнаруживали поспешности. Так как Захария усомнился в своем Господе и в своих прошениях, то необходимо было наложить на него молчание, дабы никто другой впоследствии не впадал в сомнение о Боге и молитве.

Кто, Господи, возможет исчерпать мыслью одно из Твоих изречений? Мы оставляем больше того, чем берем, подобно жаждущим, пьющим из источника. Ибо слово Господне рядом со многими поучающими наставлениями подает (нам) много размышлений. Господь украсил Свое слово многими цветами, чтобы каждый научался, рассматривая то, что ему угодно. Разные сокровища Он скрыл в Своем слове, дабы каждый из нас, где потрудился, там и обогащался. Слово Божие есть древо жизни, всеми своими частями доставляющее тебе благословенный плод, — как та скала, которая открылась в пустыне, дабы изо всех своих частей доставить всем людям духовное питание [святой Ефрем следует иудейским рассказам о том, как из скалы в пустыне истекло двенадцать источников]. «Они ели, — говорит, — духовную пищу и пили духовное питие» (ср.: 1Кор.10:3-4).

Итак, кому досталась некая часть этого сокровища, тот да не мнит себе, что в этом слове только то одно и содержится, что обретено им, но пусть думает, что это одно он мог обрести из многого, что в нем заключается. И вследствие того, что ему открылась и досталась только эта часть, пусть не называет самое слово тощим и бесплодным и не презирает его, но так как он не в силах овладеть им, то пусть благодарит за богатство его. Радуйся, что ты побежден, и не сокрушайся тем, что оно превозмогло тебя. Жаждущий радуется, когда пьет, и не сокрушается тем, что не может исчерпать источник. Пусть источник побеждает жажду твою, а не жажда побеждает источник, ибо если жажда твоя утолится, так что источник останется неисчерпанным, то опять жаждущий еще раз может напиться из него. Если же по утолении твоей жажды источник

иссякнет, то твоя победа во зло тебе обратится. Благодари же за то, что получил, и не сокрушайся по причине того, что осталось в излишестве. Что ты получил и что обрел, есть твоя часть, и то, что осталось, есть твое наследие. Чего по своей слабости ты теперь не мог получить, то можешь получить в иное время, если сохранишь. Не увлекайся завистливой мыслью одним почерпанием взять то, что не может быть взято одним почерпанием, и по лености не удаляйся от того, что по частям можешь взять.

Пальцы написали на дощечке «Иоанн», — каковое имя означает, что мы нуждаемся в милосердии. Пальцы требовали милосердия по благодати, так как уста заключены были правдой. «Услышана молитва твоя пред Богом» (ср.: Лк.1:13). Итак, когда Божественное веление исполнило то, о чем просили молитвы, то по всей справедливости отнят язык у того, кому недоставало мудрости. Хотя он упрашивал Бога смиренным молением и самым молением свидетельствовал, что молитва может просить, а Бог даровать, однако, когда просимое было близко к исполнению, он сказал: «Как может быть сие?» — Итак, совершилось то, чего не желал, так как отверг то, чего желал. Приключилось ему то, чего он никогда не испытал, так как неискусен оказался в том, что давно уже знал. Уши его не слышали того, о чем молились уста, потому иссяк источник, откуда исходили слова, дабы более не доставлять слуху своего пития.

Каким же образом тот, кто собственным слышанием не принес плода, мог принести плод через слышание других? Без сомнения, Захария укреплял мужей, не имевших сыновей, примером отца их Авраама, и утешал жен, лишенных детей, примером матери их Сарры, так как его самого и его жену Господь поставил в одинаковое с ними положение. Ибо Авраам и Сарра были вместо родителей для тех, кто обретались в таковом же несчастии, и как бы зеркалом служили для всех, пораженных несчастием этого рода; очи лишенных детей и бесплодных мужей и жен взирали на них, чтобы получить утешение, как и они (получили его) через Исаака, зачатого в утробе Сарры после девяноста девяти лет. Захария, конечно, считал Авраама своим отцом по вере, но различествовал от него по старости [смысл, по-видимому, таков: различествовал (чувствовал свою и Авраама разницу в возрасте) по причине старости, которая казалась ему препятствием к деторождению, тогда как старец Авраам поверил обетованию о потомстве].

Поэтому, так как усомнился в Том, Кто может изменить природу, то, когда пожелал говорить, оказался не в силах говорить, дабы познать Того, Кто имеет власть над всем. Кто не верует, тот нуждается в знамении, дабы уверовать. Потому, по причине сомнения души, на уста Захарии (Ангел) наложил знамение, дабы он уразумел, что Тот, Кто естественный дар речи обращает в немоту, может оживить так же и омертвелую утробу. По тому, что его уста не могли родить слово,

уверовал, что его старость может произвести сына.

«Услышана молитва твоя пред Богом». Моление испросило, Божество даровало, воля отвергла. Итак, это место научает, что моление может возносить все прошения, Божество может даровать все, а воля может все или принять, или отвергнуть. Впрочем, не следует придавать пороки (порочность) тем, о которых говорится, что они во всем были непорочны по жизни, но должно сказать, что великолепным сиянием блистающего Ангела Захария был устрашен и смущен, и притом не сердцем, но только языком, как и Писание говорит в другом месте: «огорчили дух его, и он погрешил устами» (Пс.105:33). Потому посредством уст наказал его Ангел. Ибо если бы сердцем усомнился, в сердце его и наказал бы. Однако же как скоро это наказание было наложено на него, священник очищался (посредством него) и от своей вины.

«Обратить сердца отцов на детей» (ср.: Лк.1:17). Так как дети от иудейства перешли к древнему язычеству и отпали от завета Бога своего, поэтому сказал: обратить сердца их, дабы в истине служили Господу всяческих, как и их отцы. «Приготовит Господу народ совершенный» (ср.: Лк.1:17). Тем же, очевидно, образом, каким Илия ревностью своей многих возвратил к Божественной религии Господа своего. Если же скажут, что это имеет быть при кончине мира, то отвечаем: уже и ныне не разделены различными мнениями отцы от детей и дети от отцов, и не предаются более служению идолам [ныне народ Иудейский, как и его отцы, почитает Единого Бога, потому слова Писания исполнились уже на Иоанне, и нет необходимости ожидать исполнения их через Илию при кончине мира].

Итак, говорит: «Елисавета... таилась» (Лк.16:24), — то есть вследствие печали о том, что приключилось Захарии. Таилась еще и потому, что стыдилась, — ведь уже престарелая перешла к деторождению. Иные говорят, что не по причине старости таилась Елисавета. Ибо не написано ни о Сарре, что она скрывала себя, хоть девяностолетней имела Исаака в утробе, ни о Ревекке, когда она беременна была близнецами. О Елисавете же написано, что она скрывала себя пять месяцев, — до тех пор именно, пока образовались члены ее сына, дабы радостно взыграл перед Господом своим, ибо благовещение Марии было близко.

«В месяц шестый» (ср.: Лк.1:26), — ибо евангелист считает время, с которого зачала Елисавета. «Даст Ему Господь Бог престол Давида» (Лк.1:32), так как было предсказано: «Не отпадет властитель и князь, пока не придет» (ср.: Быт.49:10). И когда Ангел научил Ее, что для Бога все возможно, говоря: «И Елисавета, сестра Твоя зачала в старости своей» (ср.: Лк.1:36), тогда Мария сказала: если с ней так случилось, то «се, раба Господня, да будет Мне по слову твоему» (Лк.1:38). Хотя вследствие того, что Ангел сказал Марии: «Елисавета, сестра Твоя», —

можно подумать, что Мария была из дома Левиина, однако должно сказать, что пророчество (о рождении Мессии) дано было только одному роду предков [т.е. одним потомкам Давида, а не потомкам Левия обещано, что от них произойдет Христос]. Род Давида пребывал даже до Обручника Марии — Иосифа, рождение которого произошло естественно. Ради рода Давидова была сия слава, потому во Христе и семя, и род Его достигли своего назначения (обетованного им). О роде же Марии Писание умалчивает, так как обыкновенно исчисляет и отмечает род мужа. Если бы было в обычае объяснять и показывать материнский род, то справедливо вопрошалось бы и о роде Марии. Поскольку вместе с царством Господь должен был отменить и священство, то (Писание) и указывает тот и другой род вместе: Иудин – через Иосифа, и Левиин — через Марию [святой Ефрем допускает, что Мария была в родстве с коленом Леви-иным, но в нижеследующем он прямо отвергает ту мысль, что Мария происходит из этого колена. И в толковании на 2 Тим. 2; 8 святой Ефрем говорит, что Мария и Иосиф — оба были из дома Давида]. Так и Давид в качестве отца, от которого имел произойти Христос, сказал в пророчестве: «Ты священник вовек по чину Мелхиседека» (Пс.109:4) [Давид, предрекая, что священство Христа будет не по чину Аарона, а по чину Мелхиседека, этим самым предсказал, что Христос родится не из колена Левиина]. А если, на основании слов Писания: «Елисавета, сестра Твоя», — ты думаешь, что это сказано для того, чтобы показать, что Мария происходит из дома Левиина, то в другом месте то же Писание сказало, что оба они, Иосиф и Мария, происходят из дома Давидова [святой Ефрем слова Лк.1:27: «из дома Давидова», относит не к Иосифу только, но и к Марии]. Но Ангел не сказал Марии: «Ты — сестра Елисаветы», а (сказал): «Елисавета, сестра Твоя» [т.е. слова: «Ты — сестра Елисаветы» показывали бы, что Мария принадлежит роду Елисаветы, то есть колену Левиину, слова же «Елисавета, сестра Твоя» показывают, что Елисавета принадлежала к роду Марии, откуда не следует необходимо, что Мария происходила из колена Левиина].

Если бы Мария была из другого рода, то ложно было бы то, что говорится (в Писании): «из дома Давидова», и то, что сказал Ангел: «даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его» (Лк.1:32). Марии Он сын, а не Иосифа. Итак, не инде (не по-иному) открылся во плоти, как из племени Давида, по словам Писания: «произрастет ветвь от корня Иессеева, произрастет и процветет цвет от корня его» (ср.: Ис.11:1). И апостол свидетельствует: «Господь наш Иисус Христос рожден был от Марии, от семени дома Давидова» (ср.: Рим.1:3) и прочее. Еще к Тимофею пишет: «Помни Иисуса Христа, воскресшего из мертвых, рожденного от семени Давидова» (ср.: 2Тим.2:8) и прочее. Кроме того, находим, что роды Иуды и Левия были смешаны между собой через Аарона, который вступил в брак с сестрой Наассона, вождя дома Иудина, и через Иодая священника, который имел женой дочь Иорама, князя дома Давидова (2Пар.22:11). Впрочем, уже самое слово Ангела,

упоминающее о близком родстве Марии и Елисаветы, свидетельствует, что эти колена были смешаны между собой посредством браков.

«И вставши, Мария... пошла... к Елисавете» (ср.: Лк.1:39), дабы узнать, действительно ли так с нею сталось, и дабы, получив в том уверенность, не сомневаться, что относилось к Ней самой. Мария пошла к Елисавете, которая была меньше Ее, подобно тому, как и Господь пришел к Иоанну. «Откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне?» (Лк.1:43). Видя, что даже другие славятся дарами, Ей данными, Мария, восхваляя Господа, сказала: «Отныне блаженной назовут Меня все роды» (ср.: Лк.1:48). Итак, Иоанн, когда еще был в чреслах Захарии, подобно и Левию в чреслах Авраама, уже служил Господу и ожидал Его, как цвет месяца арекк (марта), молчаливо возвещающий о грозди, которая источена среди Иерусалима. И как цвет пятью месяцами предшествует тому, когда начинает образовываться сок грозди, так и Иоанн прежде был зачат, чтобы поклонением возвестить зачатие Поклоняемого. «Блаженна (да) будет Уверовавшая, ибо будет исполнение всех слов, сказанных Ей от Господа» (ср.: Лк.1:45). Когда Мария передала Елисавете сказанное Ей втайне и та приветствовала Ее, потому что поверила в совершение слышанного пророками и их учениками, тогда Мария радостно произнесла, как плод всего, слышанного Ею от Ангела и Елисаветы, и сказала: «Величит душа Моя Господа» и пр. (Лк.1:46). Словам Елисаветы: «блаженна... Уверовавшая», Мария противополагает свои слова: «блаженной Меня назовут все роды». Итак, в это время и сими словами Мария начала возвещать новое Царство. После же трех месяцев «возвратилась в дом свой» (Лк.1:56) по той причине, дабы Господь не предстоял как слуга перед рабом своим. И пришла к мужу своему, дабы дело открылось так, как оно было, ибо если бы носила во чреве человеческий плод, то скорее убежала бы от мужа своего.

Зачала Елисавета в месяце сами [месяц сами соответствует октябрю или ноябрю] после того, как Захария исполнил дни своего служения и обязанности. Благовещение Марии произошло в десятый день месяца арекк, как и возвещение Захарии было в десятый день месяца гори [сентябрь или октябрь; арекк соответствует еврейскому нисану]. «Это — месяц шестой после того». Закон повелевал, чтобы в десятый день месяца арекк (отделяли от стада и) заключали (в особое место) агнца (пасхальнаго). В тот же день и истинный Агнец заключен был в утробу Девы, — именно в то время, когда свет (солнечный) утверждается в своей силе (весеннее равноденствие), и через это научил, что Он пришел, дабы покрыть наготу Адама [т.е. прообразован был как истинный Агнец, давший руно для покрытия наготы Адама]. Рожден же в шестой день месяца халоц [халоц совпадает с декабрем и январем] (по греческому счислению), когда солнце начинает побеждать, показывая, что диавол побежден, а человек победил в Том, Который побеждает все.

Взыграл от радости Иоанн, назнаменуя возложенную на него обязанность вестника. Радуясь, взыграл младенец бесплодной перед младенцем Девы. Нуждался Иоанн в языке своей матери, дабы сказать пророчество о Господе. И для того, зачав шестью месяцами ранее, Елисавета таилась от Марии, пока члены младенца не были совершенны, дабы младенец, ликуя, взыграл перед своим Господом и через это сделался свидетелем для Марии. Взыграние же младенца во утробе матери не самим младенцем было произведено, и не потому произошло, что он был пяти месяцев, но чтобы открылась благодать в неплодной утробе, зачавшей его, и утроба Девы познала великую благодать своей сродницы, и мир уверовал, что дети их зачаты по гласу благовещения Гавриилова, который для обеих их был как бы насадителем. Итак, поскольку Иоанн, хотя и взыграл, (но) взывать и свидетельствовать о своем Господе не мог, матерь его начала говорить: «Благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего» (Лк.1:42). В омертвелой утробе Господь наш уготовил вестника Себе, дабы показать, что Он пришел взыскать умершего Адама. Прежде оживотворил утробу Елисаветы, потом Своим телом оживотворил гроб Адама.

Елисавета в старости родила последнего из пророков, а Мария в юношеском возрасте — Господа Ангелов. Дочь Аарона родила «глас вопиющаго в пустыне», дочь царя Давида — Слово Царя Небесного. Жена священника родила Ангела Лица Его, и дочь Давида — крепкого Бога земли. Неплодная родила того, кто отпускает грехи, а Дева — Того, Кто изглаждает грехи. Елисавета родила того, который воссоединяет людей через покаяние, а Мария — Того, Кто очищает землю от нечистоты. Старшая возрастом зажгла в доме Иакова, отца своего, светильник, то есть Иоанна, а младшая возрастом воссияла всем народам Солнце Правды. Захарии благовестил Ангел, дабы обезглавленный проповедовал Того, Кто был распят, и тот, которого ненавидели, (проповедовал) Того, Кого преследовали по зависти, и тот, который крестил водою, — Того, Кто крестил огнем и Духом Святым. Светильник не темный [по другому чтению: «темный», «едва заметный», — по сравнению с Солнцем правды] проповедовал Солнце правды, исполненный Духом — Подателя Духа, труба священника трубой воспела Того, Кто во гласе трубы придет в последний день; глас проповедал Слово, и тот, кто видел голубя, — Того, над Кем почил голубь, подобно тому, как и молния предшествует грому.

«Которым (милосердием) откроется нам Солнце, восходящее с высоты [греч.: «Восток свыше»], просветит нашу тьму» (ср.: Лк.1:78-79). Указует этими словами звезду волхвов, «кои сидели во тьме и тени смертной» (ср.: Лк.1:79). Сие сказано или о волхвах, так как прежде явления звезды они были чужды истинного Богопочтения, или об Израильтянах, бывших во тьме, ибо волхвы их просветили, почему и говорит: «направить ноги

наши на путь мира» (ср.: Лк.1:79). Слова: «сидели в тени», сказаны еще об астрологии халдеев, или о мраке языческого идолослужения

Св. Киприан Карфагенский. "Книга о суете идолов"

Идолы не боги. Бог есть один, и чрез Христа даровано спасение верующим; не боги те, кого чтит чернь; все это видно из следующего.

Были когда-то цари, которых близкие к ним по царственному воспоминанию стали потом чтить и после смерти: им учредили храмы и, чтобы удержать в изображении лики усопших, изваяли статуи, закалали жертвы и торжественно праздновали дни, им посвященные. Впоследствии то, что ближайшими было сделано в свое утешение, для потомков сделалось священным. Посмотрим, в частности, везде ли так было. Мелицерт и Левкотея низвергаются в море и делаются потом морскими божествами; Касторы умирают попеременно, чтобы жить; Эскулап сожигается молниею, чтобы стать богом; Геркулес испепеляется огнями горы Оэты, чтобы перестать быть человеком; Аполлон пас стада Адмета; Нептун построил Лаомедону стены, и несчастный строитель не получил платы за свой труд. На острове Крите можно видеть пещеру Юпитера, и там показывают гроб его. Известно, что он изгнал оттуда Сатурна и страна, куда этот скрылся, получила название Лациума. Сатурн научил письменам и первый в Италии стал чеканить монеты, отчего и казнохранилище называется Сатурновым. Занимался он и земледелием и потому изображается стариком, несущим косу. Его, изгнанного, приютил Янус, от которого получил название Яникул и месяц Януарий и который изображается двуличным, так что, стоя как бы посредине, он смотрит, по-видимому, на год наступающий и преходящий. А Мавры явно чтут царей и этого ничем не прикрывают. И потому почитание богов изменяется по различию народов и областей, так что не всеми почитается один бог, но у каждого соблюдается собственное почитание своих предков. Александр Великий в знаменитой книге пишет к матери своей, что жрец, из боязни его могущества, передал ему тайну о богах-людях,— о том, что сохранение памяти предков и царей послужило поводом к обрядам празднований и жертвоприношений. Но если боги рождались когда-либо, то почему не рождаются и ныне? Неужели Юпитер состарился или Юнона сделалась бесплодною? Да и почему ты считаешь могущественными для римлян тех богов, которые против их оружия не могли отстоять своих? Ибо мы знаем отечественных богов римлян. У них есть Ромул, чрез клятвопреступление Про куда сделавшийся богом; есть Пик, Тиберин, Пилюмн и Коне — бог обмана, которого Ромул, после вероломного похищения сабинянок, велел чтить как бога советов. Таций нашел и

почтил богиню Клоацину, Гостилий — Павора и Паллора. Вскоре, не знаю кем, обоготворены Фебрис, Алка и Флора — распутные женщины. Вот боги римские! Далее, Марс Фракийский, Юпитер Критский, Юнона Аргосская, Самосская и Финикийская, Диана Таврическая и мать богов Идэя, а также египетские чудовища — это не божества, потому что если бы они имели сколько-нибудь силы, то свои царства сохранили бы для своих. Правда, есть у римлян и побежденные пенаты, которых принес беглец — Эней; есть и Венера плешивая, которая гораздо гнуснее, чем Гомерова изъязвленная Венера.

Что касается царств, то они переходят не по заслугам, а меняются поочередно. Так прежде, как известно, владычествовали ассирияне, мидяне и персы; царствовали греки и египтяне; потом при преемственной смене властей пришло время и римлянам владычествовать над прочими. Но начало их царствования приводит в стыд. Собирается толпа из злодеев и разбойников и, учредив убежище для безнаказанности преступлений, увеличивает свое число. Затем, чтобы царь был первым и в преступлении, Ромул делается братоубийцею и, чтобы ввести супружество, полюбовное дело начинет раздорами. Похищают, свирепствуют, обманывают для увеличения числа граждан. Браки у них — это нарушенные права гостеприимства и жестокие войны с родными. Самое высшее достоинство у римлян есть консульство; но и консульство началось так же, как и царство.

Брут умерщвляет своих сыновей, чтобы молвою о таковом злодеянии возвысить славу этого достоинства. Итак, не чрез соблюдение религиозных обрядов, не по предзнаменованиям и прорицаниям возросло владычество римлян, а просто они сторожат улученное время до известного срока. Впрочем, Регул послушался предзнаменований и — был взят в плен и побежден; Манцин тоже держался религии и — подпал под иго. Павел держал у себя цыплят для ворожбы по съеденным ими зернам и, однако, был убит при Каннах; а Цезарь, пренебрегши прорицаниями и предзнаменованиями, которые запрещали ему плыть прежде зимы в Африку, тем удобнее доплыл туда и победил. Во всем плутни, обман и обольщение глупого и легковерного народа являются признаками, затемняющими истину.

Есть нечистые блудящие духи, которые, погрязши в мирских пороках и чрез пристрастие к земному отделившись от силы небесной, не престают — сами погибшие — губить, сами развратные — распространять разврат. Поэты знают их под именем демонов, и Сократ рассказывал, что он от демона получает наставления и управляется его произволом. Знаменитейший из волхвов (а волхвы заимствуют от них силу для своих действий, как зловредных, так и увеселительных),

Гостан, отвергая возможность видеть образ истинного Бога, говорит, что престолу Его предстоят истинные ангелы. С этим согласен и Платон, который, признавая одного Бога, прочих называет ангелами или демонами. Гермес Трисмегист тоже говорит об одном Боге и называет Его непостижимым и неоценимым. Итак, под статуями и изображениями скрываются эти обоготворенные духи.

Они наитием вдохновляют сердца прорицателей, оживляют нервы изгнанников, управляют полетом птиц, властвуют над судьбами, производят прорицания, примешивая всегда ложь к истине, так что и сами обманывают; они тревожат жизнь, беспокоят во сне и, вторгшись в тела тайно, устрашают умы, уродуют члены, портят здоровье, вызывают болезни, чтобы заставить чтить себя; когда же, насытившись запахом алтарей и кострами животных, оставляют то, что обдержали, тогда кажутся целителями, потому что врачество от них и заключается в прекращении их навета. Главная забота их — отвлекать людей от Бога, отводить людей от разумения истинной религии к суеверному почитанию себя и, так как сами они осуждены на казнь, искать участников казни в тех, кого обманом успеют увлечь к участию в своем преступлении. Однако же, когда мы заклинаем их истинным Богом, они тотчас уступают, признаются и вынуждаются выйти из содержимых ими тел. Смотри, как они от нашего голоса и действия сокровенного величества бичуются, жарятся как бы огнем, от прибавления продолжающейся казни растягиваются, воют, стонут, умоляют вслух самих почитателей своих, сознаются, откуда пришли и куда пойдут: потом или тотчас выходят или исчезают постепенно, смотря по тому, как тут содействует вера страждущего или помогает благодать вручающего. За это и стараются они поселить в толпе ненависть к нам, чтобы люди стали ненавидеть нас прежде, чем узнают, дабы, познавши, не стали подражать нам или не перестали осуждать нас. Итак, один есть Господь всех — Бог: величие Его не может иметь совместника, потому что Он Сам Всемогущ. Для единодержавия Божия возьмем пример и от предметов земных. Начиналось ли когда совместное царствование верностью или оканчивалось ли оно без кровопролития? У фивян родство нарушено, и даже смертью не прекращался разлад в кострах враждебных. Римских близнецов, которых вместе носила одна утроба, не могло вместить одно царство. Помпеи и Цезарь были родные и, однако, не сохранили естественного союза из-за ревности к власти. Да и неудивительно видеть это в людях, когда то же замечается во всей природе. Одна матка у пчел, один вожатый в стадах, один предводитель в табунах. Тем более один есть правитель мира, который все сущее удерживает словом, располагает разумом, совершает силою. Его нельзя ни видеть — Он слишком светел для зрения, ни осязать — Он слишком

чист для осязания, ни оценить — Он выше понятия;

и мы тогда почитаем Его достойно, когда называем неоценимым. Какой же храм может иметь Бог, Которого храмом есть весь мир? Как заключить силу толикого величества в одно небольшое здание, когда и человек живет роскошнее? Ему мы должны поклоняться в нашем уме, чтить Его в нашем сердце. И не ищи имени для Бога: Бог — имя Ему. Слова нужны там, где надобно поразить чернь собственными отличиями названий; а для Бога, Который и есть только один, все заключается в слове “Бог”. Он один и везде весь присущ, так что и чернь во многих признает одного Бога, когда ум и уши получают напоминание о своем виновнике и владыке. Часто слышим, как говорят: “О Боже!”, “видит Бог”, “поручаю Богу”, “да воздаст тебе Бог”, “как Богу угодно”, “если даст Бог”. Потому-то величайшее преступление — не хотеть познать Бога, Которого не знать невозможно.

А вот по порядку о Христе и о том, как чрез Него даровано нам спасение. Сперва благодать у Бога имели иудеи: так древле они были праведны, так предки их соблюдали уставы религии! Оттого и царство их достигло самого цветущего состояния и произошло величие рода. Но потом, когда они, сделавшись небрежными, ненаказанными и гордыми, слишком понадеявшись на своих праотцов, презрели божественные заповеди, то потеряли дарованную им благодать. А о том, как сделалась нечиста их жизнь, как оскорбительно нарушали они религию, они сами свидетельствуют теперь, если не словом, то событием: рассеянные и бледные, они скитаются, лишенные своей земли и неба — ищут приюта у чужих. Между тем Бог еще прежде предвозвестил, что при склоне века и за приближением кончины мира Он соберет Себе от всякого языка, народа и места чтителей более верных и более послушных, и те будут почерпать от божественных даров ту благодать, которая дарована была иудеям, но которую они, через нарушение уставов религии, утратили. И вот распорядителем благодати и наставником благочиния посылается Слово, Сын Божий, просветитель и учитель рода человеческого, предвозвещенный всеми прежними пророками. Он — сила Бога, Его ум, мудрость и слава — вселяется в Деву, Дух Святой одевается плотью, Бог соединяется с человеком. Он — Бог наш, Христос, посредник между Отцом и нами — облекается в человека, чтобы привести его к Отцу. Христос захотел быть тем, чем есть человек, чтобы и человек мог быть тем, чем есть Христос.

Иудеи знали, что Христос придет, потому что пророки в предсказаниях своих всегда напоминали им о том. Но так как у пророков означалось двоякое пришествие Его: одно — в котором надлежало Ему по

действиям и образу явиться человеком, а другое — в котором признали бы Его Богом, то иудеи, не уразумевши первого пришествия, тайно предшествовавшего в страдании, веруют только в одно то, которое откроется в могуществе. Такое непонимание со стороны иудеев было заслуженным следствием грехов их; они были наказаны слепотою в мудрости и разумении так, что, будучи недостойны жизни, они не видели жизни, хотя и имели ее пред очами. И потому, когда Иисус Христос, как это предсказали прежде пророки, словом Своим и повелением изгонял из людей бесов, исцелял расслабленных, давал зрение слепым, способность ходить хромым, воскрешал мертвых, заставлял стихии слушаться Себя, ветры служить, моря повиноваться, ад уступать, иудеи, считая Его, по смирению плоти и тела, только человеком, по свободе власти признавали волхвом. Учители их и старейшины, которых Он посрамлял учением и мудростью, воспламенившись гневом и вознегодовав, преследовали Его и, наконец, захвативши, предали римскому правителю Сирии Пилату Понтийскому, насильственно и упорно требуя распятия и смерти. Он и Сам предсказывал, что они так поступят; да и все пророки свидетельствовали прежде, что Ему надлежит пострадать, не для того, чтобы претерпеть смерть, но чтобы победить, и что по страдании Ему надлежит снова возвратиться в вышняя, чтобы показать силу божественного величества. Таким образом, течение дел исполнило веру. При посредстве палача будучи распят, Он волею испустил дух и в третий день снова волею воскрес. Явился ученикам своим таким, каким был, так что, увидевши, они узнали Его. Оставаясь вместе, видимый по телесному существу. Он пробыл с ними сорок дней, наставляя их заповедям жизни и научая тому, чему потом они должны были учить. Затем Он поднят на Небо окружившим Его облаком, да возведет к Отцу как победитель человека, которого возлюбил, в которого облекся, которого избавил от смерти. Он снова приидет еще с Неба, но уже с силою карателя и с властью Судии, для наказания диавола и для суда рода человеческого. Между тем ученики Его, согласно повелению Учителя и Бога, разошлись по всему миру, чтобы преподать заповеди ко спасению, чтобы от тьмы заблуждений привести людей на путь света, слепых и неведущих просветить к познанию истины. Для большей же твердости доказательства, для более верного исповедания о Христе они искушаются пытками, крестами и многими родами казней; присоединяется болезнь — свидетельница истины, чтобы Христос, Сын Божий, данный людям для жизни, был возвещен не только проповедью слова, но и свидетельством страдания. Ему-то мы сопутствуем, Ему следуем, Его имеем вождем в пути, начальником света, виновником спасения, который ищущим и вкушающим обещает Небо и Отца.

Христиане! И мы будем тем, чем является Христос, если будем подражать Христу.

Прп. Ефрем Сирин. Толкования на четвероевангелие. Глава 2

«Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде, чем она дана была мужу, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святаго» (ср.: Мф.1:18). Сие сказал, евангелист не в бесчестном смысле, подобно тому, как язычники баснословят в своих повествованиях, что боги их были так низки, что отдавались постыдной усладе страстей и противоестественному рождению детей. Потому, дабы и ты, когда слышишь это о Марии, не заподозрил такового же, что баснословят язычники, прибавляет, что от Духа Она оказалась имущею во чреве, а отнюдь не от супружества родила. Ибо Ее святым зачатием открывался вход Божественному Милосердию, дабы оно обитало во всякой плоти. А что Мария прежде была обручена и приняла имя своего мужа, а потом зачала во чреве, то это произошло ради преемства царей, так как невозможно было, чтобы младенец вписывался в родословную по имени своей матери; по тому же основанию Сын Давида приписан был к царям. Или сие произошло ради коварных людей, которые стали бы возводить на Марию клевету прелюбодеяния, потому Она дана была мужу кроткому, который удержал Ее, когда Она оказалась непраздной, и не изгнал из дома, когда родила, но жительствовал с Ней и оказался добровольным союзником подверженной клеветам. Он был свидетелем за Марию перед всеми, что Сын Ее явился не по любодеянию, но зачат был силой Духа.

Родился же без мужа. Как от начала Ева явилась на свет от Адама без сопряжения, так и Мария была Иосифу и Девой, и Женой. Ева родила убийцу, потому Мария родила Животворца. Та родила пролившего кровь брата своего, Сия родила Того, Чья Кровь пролита Его братьями. Та узрела того, который вследствие проклятий земли находился в трепете и скитался (Быт.4:11-12), а Мария узрела Того, Кто подъял проклятия и гвоздями прибит на древе Креста. В зачатии Девы научись, что Тот же, Кто без сопряжения произвел Адама из девственной земли, образовал и второго Адама в утробе Девы. И поскольку первый человек возвратился в утробу матери своей (земли), то через Сего второго, Который не возвращался в утробу Матери Своей, возведен и тот первый, который погребен был в утробе матери своей [Адам, умерший и обратившийся в прах, возведен Христом, вторым Адамом, необращавшимся в прах].

Мария старалась убедить Иосифа, что Ее зачатие было от Духа, но он не соглашался, так как дело было неслыханное и совсем новое. Когда

Иосиф видел лицо Ее радостным, чрево же непраздным, он из-за своей праведности помышлял о том, чтобы не подвергать Ее бесчестию и позору, но молча отпустить, ибо ни греха Ее не знал, ни о зачатии Ее не был уверен, откуда оно произошло. «Посему явился ему Ангел и сказал: не бойся» (ср.: Мф.1:20). Ибо, если ты сомневаешься, то услышь пророка Исаию, глаголющего: «се, Дева зачнет» (ср.: Ис.7:14), и Даниил говорит: «камень отсеченный без (содействия) рук» (ср.: Дан.2: 34). Сие не подобно другому изречению: «взгляните на гору и долину», где указывает мужа и жену; здесь же сказал: «без (содействия) рук» [Священное Писание естественное зачатие обозначает образом горы и долины, девственное же рождение Даниил описывает под видом камня, отсеченного от горы без содействия рук]. Как Адам в создании Евы исполнил дело отца и матери, так и Мария — в рождестве Господа нашего.

«Иосиф будучи мужем праведным, не хотел огласить Марию» (ср.: Мф.1:19). Но праведность его враждебна и противна закону, который сказал: «Рука твоя прежде всех должна начать побивать ее камнями» (ср.: Втор.17:7), а он хотел тайно отпустить Ее. Но Иосиф знал, что это зачатие было особенное и случились вещи, несвойственные положению женщин и состоянию беременных новобрачных, ибо все признаки давали ему знать, что дело сие произошло от Бога. Ибо никогда ни в чем он не замечал в Марии чего-либо постыдного и не мог не верить Той, Которая имела многие свидетельства: Захарию немого, Елисавету зачавшую, возвещение Ангела, взыграние Иоанна и пророчество его отца, — ибо все это со многим другим возвещало о девственном зачатии. Потому праведно он помыслил о том, чтобы тайно отпустить Ее. Ибо если бы он знал, что зачатие Ее произошло не от Духа Святаго, то было бы несправедливо не огласить Ее.

Однако же хорошо зная, что это есть дело Божие, хотя дивное само по себе, но для других невероятное, он рассудил в своем уме, что справедливо будет отпустить Ее. Кроме того, помыслил, что, быть может, столь великому делу каким-либо образом причинено будет что-либо нечистое, если они будут сожительствовать вместе. И тщательнее размышляя в себе, сказал: не знаю, не будет ли мне какого-либо греха, если назовусь отцом Божественного рождения. И боялся жительствовать с Нею, говоря: да не погублю как-либо имя девы. Поэтому Ангел сказал ему: «не бойся принять Марию» (Мф.1:20). Продолжает Писание: «Свято жительствовал с Нею» и т. д. (ср.: Мф.1:25). И потому, как говорят некоторые, убили Захарию, что он охранял Марию в пристройке храмовой, ибо девы те [т.е. девы, посвященные Богу и жительствовавшие при храме] собирались в одной части храма. Другие говорят, что Захария был убит перед алтарем, как сказал Господь (Мф.23:35), — потому что, когда при избиении младенцев у него потребовали сына, он спас его бегством в пустыню. Есть такие, которые осмеливаются говорить, что Мария после

рождества Спасителя была женой Иосифа. Но каким образом могло быть, чтобы Та, Которая была жилищем и обителью Духа и которую осеняла Божественная сила, сделалась потом супругой смертного человека и рождала в болезнях по подобию первого проклятия? Ибо если Мария благословенна между женами, то чрез Нее разрешены первоначальные проклятия, по которым дети рождаются в болезнях и проклятиях. Та, которая рождает в болезнях, не может быть названа благословенной. Но как Господь вошел вратами заключенными, таким же образом и исшел из девственной утробы, ибо Дева без болезней рождения действительно и истинно родила. Если ради Ноя звери в ковчеге сделались целомудренными и кроткими, то тем более Деве, возвещенной пророком, в Которой обитал Еммануил, надлежало не приступать к брачному сожитию. Звери Ноя делали это по необходимости, Мария же — по воле. Как в чистоте зачала, так в святости и пребыла. Если сыновья Аарона были умерщвлены за то, что внесли (в святилище) огонь нечистый (Лев.10:1-2), то сколь великим наказаниям была бы подвергнута Сия? И если продавцам, примешивающим воду к вину, закон полагает наказания, то тем более и здесь последовал бы приговор осуждения. Если же на основании того, что некоторые ученики именуются братьями Господа, думают, что они были детьми Марии, то пусть знают, что и Сам Христос называем был сыном Иосифа, и притом не только Иудеями, но и Марией, Матерью Своей. «Вот, — говорит, — Я и отец Твой с печалью и скорбию повсюду искали Тебя» (ср.: Лк.2:48). Что Ангел повелел Иосифу принять Марию, жену (ср.: Мф.1:20), — то это было сделано для того, чтобы удалить подозрение у людей, которые могли клеветать на Нее; преимущественно же для того, чтобы Иосиф охранял Ее, дабы Она не была убита теми, которые по причине зачатия имели подозрение относительно Ангела. Ибо великим соблазном было для них рождение (Сына) Девой, так как веровали и знали, что с рождением (Сына) от Нее город их будет разрушен, и священство, и царство отменятся. Потому и пророка Исаию убили за то, что он возвестил о Деве, что Она (зачнет) и родит. Итак, Дева родила первенца, и девство Ее пребыло непорочно и ненарушимо. Сам же Первенец родил нас в крещении и Своими дарами сделал первенцами, ибо в лоне крещения нет ни старшего, ни младшего, так как все мы — первенцы верой, и на нас исполнилось то, что говорит Писание: «всякое перворожденное, отверзающее утробу, святым Господу наречется» (ср.: Исх.13:2. Лк.2:23). Ибо крещение принимает нас (в свое лоно), загрязненных грехами и как бы ржавчиной поврежденных, и возрождает из лона своего очищенными от греха.

«В святости жительствовал с Нею, доколе родила первенца» (ср.: Мф.1:24-25). В обратном порядке сказаны (сии) слова. Сначала, конечно, взял Ее, а потом жительствовал с Нею в святости, между тем читается так: «жительствовал с Нею в святости и взял Ее». «Взял Ее», — говорит Писание, потому что после зачатия был наименован Ее мужем. Или слова: «в святости жительствовал с Нею», — можно

понимать так, что при виде Ее вожделение никогда не приходило в его помысел. «Доколе родила первенца», — то есть в рождество первенца уверовали и узнали, что не от человеческого естества оно произошло, но было действием Божественным.

Еще: «в святости жительствовал с Нею, доколе родила первенца», — ибо сия святость была делом необходимости, хотя и при содействии их собственной воли; но святость, которую они соблюдали после рождества Господа нашего, была делом их свободы. Говоря «доколе», (Писание) определяет и время необходимости, и конец его обозначает. Далее: «в святости жительствовал с нею, доколе она родила первенца», — если это было так, то, по-видимому, должно (отсюда) следовать, что после рождения Иосиф (уже) не жительствовал с Нею в святости, так как (Писание) сказало: «доколе». Но «доколе» в этом месте не обозначает какого-либо предела, — точно так же, как и в следующем месте: «Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих под ноги Твои» (ср.: Пс.109:1). В противном случае говорилось бы (в этих словах), что, когда враги будут положены под ноги Его, Он Сам должен будет встать [а не сидеть одесную Бога Отца]. «В святости жительствовал с Нею». Итак, неужели не свято супружество, когда апостол свидетельствует и говорит: «ложе их свято» [Евр.13:4: честен... браку всех и ложе непорочно; ср.: 1Кор.7:14 и толкование святого Ефрема к Евр.13:4]? Если же скажут, что в Евангелии упоминаются братья Господа нашего, то отвечаю: так как Господь наш передал Марию Иоанну, то (этим) показал, что как эти ученики не были детьми Марии, так и Иосиф не был Ее мужем. Ибо каким образом Тот, Кто сказал: «Чти отца твоего и матерь твою», мог бы отделить Мать от детей и передать Иоанну?

«Записывался каждый в своем городе» (ср.: Лк.2:3), — так как Израиль был рассеян и Иудея порабощена, и так как истинны суть свидетельства, изложенные в родословии царей [перепись производилась (по Промыслу) для того, чтобы показать, что Христос родился из дома Давидова, и засвидетельствовать истинность Его родословной]. Итак, сказал, что рождество Христа было во дни Августа (Кесаря). Почему же эта первая перепись по земле произведена в то время, когда родился Господь? Потому что написано: «Не прекратится князь от Иуды и властитель от чресл его, доколе приидет Тот, Коего владение (царство) есть (Иуда)» [Быт. 49; 10. Так и в толковании святого Ефрема на книгу Бытия: «не отнимется скипетр и истолкователь, то есть царь и пророк, доколе приидет Тот, Кому принадлежит царство». S. Ephremi Syri opera omnia, ed. Rornae, Opp. Syri, t. 1, p. 107-108; русск. пер. изд. 3-е. Ч. 6, стр. 441-442]. Из того, что при Его явлении произведена была перепись, да станет ясно, что во время рождества Его язычники господствовали над народом, который прежде сам повелевал (ими), дабы исполнилось то, что сказало (Писание): «и на Него язычники уповать будут» (ср.: Ис.11:10. Рим.15:12). Итак, в это

время пришел, поскольку цари и пророки прекратились.

«Ныне родился вам... Спаситель» (Лк.2:11). Не говорит: «родился человек, дабы сделался он Спасителем», или: «дабы Он сделался Христом», — но: «ныне родился вам... Спаситель», Который и есть именно Спаситель. И не сказал: «который должен сделаться Христом Господним», — но: «Который уже есть Христос Господь» (Лк.2:11) [имеется в виду лжеучение гностиков, утверждавших, что Иисус только при крещении, чрез сошедшего на Него эона, сделался Богом и Христом].

Поскольку (сим) было положено начало к устроению мира, то Ангелы провозгласили «Славу в вышних и... мир на земле» (ср.: Лк.2:14). И так как земные возвышались к небесным, то возгласили славу на земле и мир на небе. В то время, когда Божество низошло и облеклось человеческим естеством, Ангелы воззвали мир на земле. Когда же человеческое естество, соединенное с Божеством, должно было возвыситься до того, чтобы воссесть одесную (Бога), тогда дети возвестили перед ним мир на небесах, говоря: «благословение в вышних» (ср.: Мф.21:9,15). Отсюда и апостол научился говорить: «умиротворил Кровию креста Своего то, что на небе, и то, что на земле» (ср.: Кол.1:20).

Еще для того Ангелы: «Слава в вышних... и на земле мир», и дети: «мир на небесах и слава на земле», (говорили), чтобы показать, что как благодать и милосердие Его радуют грешников на земле, так покаяние последних радует Ангелов на небесах. Богу слава от свободной воли [т.е. от тех, кто по воле и охотно ему служит]; тем, на кого Он прогневан, — мир и примирение; тем, которые виновны были, — надежда и прощение. Пастырям первоначально было возвещено это, дабы никто из тех, кто жительствует в пустыне, не падал духом, но, наипаче соблюдая себя, в обетованиях истинного пастыря имели мир. «Слава в вышних Богу, и на земле мир», — не бессловесным и бездушным, но добрым сынам человеческим надежда.

«Ныне отпускаешь раба Твоего» (Лк.2:29), — ибо он (Симеон) носил утешение народа и на руках держал наследие Израиля. Иное толкование: так как он взирал на Того, народом (утешением) Которого и был Израиль, то сказал: «ныне отпускаешь раба Твоего в мире» — то есть так же (упраздняешь), как закон и священство. Слова: «отпускаешь раба Твоего в мире», — сказаны, конечно, о Симеоне, но обозначают и закон. Симеон и Моисей отпустили его, и именно в мире, ибо не по вражде произошло отпущение закона, но в любви и мире соделали его отменение. Говорит (затем): «ибо видели очи мои милосердие Твое, которое Ты уготовал пред всеми народами» (ср.: Лк.2:30-31), — что согласно с другим местом: «его будут ожидать все язычники» (ср.: Ис.11:10). И (далее): «се, стоит сей на падение и на восстание» (ср.:

Лк.2:34), — это есть то же самое, что говорит Писание в ином месте: «се полагаю в Сионе камень преткновения, и тот, кто верует в Него, не постыдится» (ср.: Ис.8:14. 28:16. Рим.9:33). Понимай так: или на падение и восстание народа и язычников, или на падение неправды и восстание правды.

«И в знамение пререкания и Тебе Самой душу» (ср.: Лк.2:34-35), — так как различно думали о Нем многие еретики. Ибо некоторые говорили: тело бесстрастное Он принял; другие же говорили: не в истинном теле Он совершил Свое домостроительство. Иные говорят, что тело Его земное [т.е. от земли, перстное], другие — небесное. Некоторые еще говорят: Он существовал прежде земли; другие же: начало Его было в Марии. «Пройдет меч» (ср.: Лк.2:35), — ибо тот меч, который из-за Евы ограждал рай, был устранен через Марию. Или: «пройдет меч», — то есть отрицание [разумеется неверие Иудеев во Христа]. Но греческий текст ясно говорит: «да откроются помышления многих сердец» (Лк.2:35). Именно: помышления тех, которые сомневались [в подлинном тексте после этих слов находится следующая вставка: «и сие говорит: "пройдет меч", то есть и ты усомнишься, — так как Мария думала, что Он — садовник». Нужно, впрочем, заметить, что и в рассказе о вос3;кресении Христовом святой Ефрем смешивает Марию, Матерь Господа, с Марией Магдалиной]. Ибо, говорят, Мария дивилась и о рождестве, и о зачатии Его, и другим рассказывала, как зачала и почему родила, и некоторые, удивляясь слову Ее, укреплялись; но были и такие, которые сомневались в том. Явилась звезда [этими словами начинается толкование Мф.2:1-15], — ибо пророки прекратились [т.е. с прекращением пророчеств звезда (вместо них) возвестила о рождении Христа]. Шла звезда, дабы показать, Кто был Тот, к Которому устремлялись вещания пророков. Ибо как ради Езекии солнце с запада пошло к востоку [4Цар. гл. 20. 2Пар.32:24 и Ис. гл. 38-39], так и ради Младенца, Который был в яслях, звезда от востока пошла к западу.

Итак, предки из-за знамения солнца подвергли Израиля осуждению1, потомки же пришли, чтобы тот же народ постыдить принесенными дарами. Волхвы пришли со своими знамениями как пророки, и засвидетельствовали о рождении Его. Это произошло для того, чтобы Он, когда явится, не был принят как чужестранец, но чтобы вся тварь знала о рождестве Его. Захария стал немым, и Елисавета зачала, дабы вся земля извещена была о явлении Его.

Далее, та звезда при восходе и заходе сама управляла своим движением — как звезда блуждающая и подвижная, ибо управлялась воздухом небесным, но к небу не была прикреплена. Скрылась же для того, чтобы они не пришли в Вифлеем прямым путем. Для смущения Израиля Бог скрыл звезду от волхвов, дабы, когда они явятся в Иерусалим, книжники истолковали им о рождестве Его, и таким образом они получили бы истинное свидетельство и от пророков, и от

священников. Затем. Это произошло для того, чтобы они не подумали, что есть какая-либо иная сила, кроме «покоя» [т.е. ковчега завета, Святого святых и вообще храма (1Пар.28:2. 2Пар.6:41.Ис.66:1. Пс.94:7-11. Евр.3:11. Ср.: Сир.36:12)] Того, Кто обитал в Иерусалиме, — подобно тому, как и старейшины приняли от Духа, бывшего в Моисее (Чис.11:17), дабы кто не подумал, что есть какой-либо иной дух.

Итак, жители Востока просвещены были звездой, между тем как Израильтяне ослеплены были солнцем омрачившимся [разумеется помрачение солнца во время крестных страданий Господа; др. чт.: «солнцем восшедшим»]. Итак, сначала Восток поклонился Христу, как и говорит (Писание): «Восток с высоты даст свет» (ср.: Лк.1:78). После того, как звезда провела их к Солнцу, она достигла своего предела и, после того, как возвестила о Нем, окончила свой путь. Подобно этому, Иоанн был гласом, возвещавшим о Слове; когда же (Само) Слово было услышано (людьми) и воплотилось, и открылось, глас, приготовлявший Ему путь, воскликнул: «Ему должно расти, а мне умаляться» (Ин.3:30). Волхвы, поклоняющиеся светилам, не имели бы повода идти к Солнцу, если бы звезда не привлекла их своим светом. Любовь их, привязанная к свету преходящему, привела их к Свету, который не преходит.

Ирод же, который по своему лукавству приказал волхвам возвратиться и хотел обмануть их, благодаря видению во сне обманулся (в своих намерениях). «И получили они в видении повеление не возвращаться к нему» (ср.: Мф.2:12). Волхвы, в бодрственном состоянии похвалившие Ирода за то, что он не позавидовал родившемуся Христу, ибо сказал: «И я пойду, поклонюсь Ему» (ср.: Мф.2:8), — посредством сна своего обличили его в том, что он лгал им в этих словах, так как на самом деле хотел Его убить. Получив в видении повеление не возвращаться к нему, они как бы в зеркале усмотрели коварство убийцы. Итак, кто хотел обольстить бодрствующих, тот сам был обманут спящими.

Ирод думал надсмеяться над волхвами, так как видел, что они доверяют ему, но сам был осмеян ими при помощи видения. Таким образом тот, кто ранее смеялся, был осмеян, ибо волхвы узнали в видении, что они обмануты были им, когда он говорил: «И я пойду и поклонюсь Ему». Ибо как ради Езекии дано было знамение, возвестившее всем истину, дабы посредством солнца, возвратившегося назад, уразумели, Кто есть Тот, Который возводит от смерти к жизни, — так точно и эта звезда, хотя и явилась ради волхвов, однако была знамением, благовестившим через волхвов всем созданиям. Ибо от сей звезды, которая вопреки естественному порядку подчинялась людям и указывала им путь, они научались уповать на Бога, ниспославшего Себя к людям, дабы указать им путь к Своему Царству. И как при Его смерти солнце покрылось мраком, чтобы мир узнал о смерти Его, так и явившаяся звезда потухла, дабы вся земля узнала о родившемся Сыне.

При радостном рождении явилась радостная звезда, а во время скорбной смерти явился печальный мрак. И как Езекия через знамение был освобожден от смерти видимой, так и волхвы знамением освободились от смерти сокровенной (приуготованной им). Звезда (свет), под водительством которой волхвы совершали путь, конечно, была видима им, тело же ее было скрыто; в этом она подобна Христу, свет Которого светил всем людям, но пути шествия сокрыты от всех людей.

«И, открыв сокровища свои, принесли Ему дары» (Мф.2:11): «золото» — человечеству Его, «смирну» — смерти Его, и «ладан» — Божеству Его; или: золото — как царю, ладан — как Богу, смирну — как смертному. Золото еще потому, что поклонение, которое оказывалось людьми золоту, должно возвратиться к Господу своему [поклонение, которое совершалось перед золотыми истуканами, с явлением Христа должно было смениться поклонением истинному Богу], а ладан и смирну, — так как они указывали на Врача, который должен исцелить раны Адама. Тот же, Кто через откровение вразумил волхвов не возвращаться к Ироду, через откровение повелел и им (то есть Иосифу и Марии) выйти из Египта, чем исполнились два пророчества: одно, которое говорит: «из земли Египета призову Я Сына Моего» (ср.: Ос.11:1. Мф.2:15), и другое: «Рахиль плакала. Сбылось, говорит, слово, сказанное Иеремией» и т.д.

Св. Киприан Карфагенский. "Книга о благе терпения"

Намереваясь говорить с вами, возлюбленнейшие братья, о терпении и желая изобразить пользу его и выгоды, с чего лучше всего начать мне, как не с указания на необходимость в настоящее время терпения, с вашей стороны, для выслушания меня, так, чтобы терпением могло сопровождаться и то, что ныне услышите, и то, чему научитесь, потому что поучение и спасительное слово деятеля усвояется только тогда, когда с терпением выслушивается то, о чем говорят. Да и между различными мерами небесного благочиния, которыми дастся правильное направление учению, ведущему к достижению Божественных наград упования и веры нашей, я не нахожу, возлюбленнейшие братья, ничего столь важного и полезного для жизни, столь необходимого для снискания славы, как требование — чтобы мы с благоговением и преданностию, опираясь на повиновении Господним заповедям, преимущественно со всяким тщанием хранили терпение. О нем заботились и философы, как они сами сознаются в этом. Только их терпение так же было ложно, как была ложна их мудрость. Ибо как мог быть мудрым и терпеливым тот, кто не имел понятия ни о мудрости, ни о терпении Божием? Тем более, что Сам Бог о тех, которые почитают

себя в этом мире мудрыми, делает следующее замечание: погублю премудрость премудрых, и разум разумных сокрыю (Ис. 29, 14). Божественный апостол Павел, исполненный Духа Святого, посланный для призвания и научения язычников, также говорит в наше наставление: блюдитеся, да никтоже вас будет прельщая философиею и тщетною лестию, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе: яко в Том живет всяко исполнение Божества телесне (Кол. 2, 8-9). И в другом месте: никтоже себе да прельщает! Аще кто мнится мудр быти в вас в веце сем, буй да бывает, яко да премудр будет. Премудрость бо мира сего буйство у Бога есть, писано бо есть: запинаяй премудрость в коварстве их (1 Кор. 3, 18-19). И еще: Господь весть помышления человеческая, яко суть суетна (Пс. 93, 11). Таким образом, если нет там истинной мудрости, то не может быть там истинного терпения. Если мудрый есть вместе смирен и кроток, — а мы не видим философов ни сми¬ренными, ни кроткими, напротив всегда много мечтающими о себе, и потому самому, что много они думают о себе, неугодными Богу: то явно, что нет истинного терпения там, где существует непомерная дерзость притворной свободы и безответное тщеславие хвастливого и полуоткрытого сердца.

Что касается до нас, возлюблепнейшие братья, то мы, будучи философами не на словах, а на деле, ценя премудрость не по одежде, но по истине, мы, которые сознание добродетелей ставим выше тщеславия, — говорим немного, но живем как слуги и почитатели Бога, — мы должны в духовном повиновении проявлять то терпение, которому научаемся из Божественных наставлений. Эта добродетель у нас общая с Богом; от Него терпение начинается; от Него слава и достоинство терпения получают свое происхождение. Начало и величие терпения от Бога. Человек должен любить то, что любезно Богу и величие Божие предлагает ему то благо, которое само любит. Если же Бог Владыка и Отец наш, то будем подражать терпению Владыки и вместе Отца, потому что как слуги должны быть покорны, так и детям неприлично быть выродками. А каково и как велико терпение в Боге! Допуская с необыкновенным долготерпением существование языческих храмов, построенных людьми в поношение Его величия и славы, допуская земные вымыслы и святотатственные жертвоприношения, Он возводит день, и сияет солнце одинаково как для добрых, так и для злых, и — когда орошает дождями землю, никто не исключается из Его благодеяний, так что дожди безразлично изливаются сколько для праведных, столько же и для неправедных. При всегдашнем одинаковом ровном долготерпении Его, мы видим, что, по Его мановению, злым и добрым, благочествым и нечестивым, благодарным и неблагодарным повинуются времена, служат стихии, дуют ветры, текут источники, тучнеют жатвы, созревают виноградные кисти, преизобилуют плодами сады, зеленеют рощи, цветут луга. И, несмотря на то, что огорчают Бога частыми, или лучше постоянными оскорблениями, Он умеряет Свое негодование и долготерпеливо ожидает однажды предопределенного

для воздаяния. Имея полную власть сотворить отмщение, Он лучше желает продолжить терпение, то есть милостиво долготерпит и отлагает на другое время, чтобы, если можно, слишком далеко простертая злоба могла, наконец, измениться, и чтобы человек, зараженный пороками и злодеяниями, хотя поздно обратился к Богу, как он Сам напоминает о том, говоря: не хощу смерти грешника умирающего..., но еже обратитися ему... и жити (Иез. 18, 32). И еще: Обратитеся к Господу Богу вашему, яко милостив и щедр есть, долготерпелив и многомилостив и раскаяваяйся о злобах (Иоил. 2, 13). Божественный апостол Павел, имея в памяти эти слова о призывании грешника к покаянию, обращается к нему со следующими словами: или о богатстве благости Его и кротости и долготерпении нерадиши, не ведый, яко благость Божия на покаяние тя ведет? По жестокости же твоей и непокаянному сердцу собиравши себе гнев в день гнева и откровения праведного суда Божия, Ижв воздаст коемуждо по делом его (Рим. 2, 4-6). Назван суд Божий праведным, потому что он поздний, потому что надолго и много раз откладывается, чтобы долготерпение Божие послужило человеку к жизни: наказание постигает нечестивого и грешника только тогда, когда раскаяние не может уже принести никакой пользы согрешающему.

Для более полного вразумления нашего, возлюбленнейшие братья, в том, что терпение есть дело Божие и что каждый кроткий, терпеливый и смиренный подражает Богу Отцу, Сам Господь, когда давал спасительные заповеди и, изрекая Божественные наставления, вел учеников к совершенству, утвердительно сказал в Своем Евангелии: слышасте, яко речено есть: возлюбиши искренняго твоего и возненавидиши врага твоего. Аз же глаголю вам: любите враги ваша... и молитеся за творящих вам напасть,... яко да будете сынови Отца вашего, Иже есть на небесех, яко солнце Свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и на неправедныя. Аще бо любите любящих вас, кую мзду имате? не и мытари ли тожде творят? И аще целуете други каша токмо, что лишше творите? не и язычницы ли такожде творят? Будите убо вы совершении, якоже Отец ваш Небесный совершен есть (Мф. 5, 43-48). Таким образом чада Божий, по словам Господа, становятся совершенными и, восстановленные рождением небесным, по Его же указанию и учению достигают зрелости, если терпение Бога Отца пребывает в вас и если подобие Божие, утраченное Адамом чрез грех, открывается и проявляется в делах наших. Какова слава соделаться подобным Богу! Каково и сколько велико счастие — иметь такие добродетели, которые могут равняться с Божественными достоинствами! И этому-то, возлюбленнейшие братья, не словами только учил, но все исполнял самим делом Иисус Христос, Бог и Господь наш. Пришедши для того, как Сам говорил, чтобы исполнить волю Отца, Он в числе других, достойных удивления, добродетелей Своих, в которых выразилось Божественное Его величие, с постоянною терпеливостию проявлял Отчее терпение. Все действия Его от самой минуты рождения сопровождаются терпением. Первое всего, нисходя с

небесных высот на землю, Сын Божий не пренебрегает облечься в плоть человеческую — и Сам безгрешный не гнушается понести грехи других. Потом, отложивши бессмертие, Он благоизволяет соделаться смертным, чтобы, будучи невинным, умереть для спасения виновных. Господь приемлет крещение от раба и, имеющий даровать отпущение грехов, Сам не гнушается омыть тело в купели возрождения (Мф. 3, 15). Сорок дней постится Тот, Кто насыщает других, алчет и чувствует голод, чтобы чувствовавшие голод слова и благодати напитались небесным хлебом. Вступает в борьбу с искусителем диаволом и, довольствуясь только показанием победы над врагом, противоборствует ему одними словами (Мф. 4, 2). Он не показывает Своего господства над учениками, как над рабами, но, будучи благосклонным и кротким, возлюбил их братскою любовию; Он благоволил даже умыть ноги апостолам, чтобы примером Своим научить, каков должен быть раб к равным себе, когда Владыка явился таковым в отношении к рабам Своим (Ин. 13, 5). И нет ничего удивительного, что вел Себя так с послушными Ему Тот, Кто, по Своему долготерпению, до последней крайности терпел при Себе Иуду, вкушал вместе с. недругом пищу, знал домашнего Своего врага и, однако ж, не объялял его, не отвергл лобзания предателя (Мф. 26, 25). А какое благодушие и какое терпение в снисхождении к Иудеям? Их — неверных — Он убеждением склоняет к вере, неблагодарным оказывает услужливость, — отвечает кротко прекословящим, милостиво терпит гордых, снисходительно уступает преследователям, — до последнего даже часа крестных страданий желает обратить убийц пророков, постоянно противящихся Богу. Во время самых страданий и крестоношения, прежде чем настало бесчеловечное убийство и пролитие крови, сколько поносных ругательств терпеливо выслушано Им, сколько перенесено оскорбительных насмешек? Подвергается заплеваниям ругателей Тот, Который незадолго пред тем плюновением Своим отверз очи слепому; Чье имя, для слуг Его, служит теперь бичом на диавола с его аггелами, Сам испытывает бичевания — увенчивается терпнием Венчающий мучеников неувядаемыми цветами; поражается дланями (palmis) в лицо Вручающий победителям истинные победные ветви (palmas) [Palma значит ладонь и пальмовая победная ветвь. Здесь, очевидно, игра словами]; совлекается земной одежды Одевающий других одеждою бессмертия; напитывается желчью даровавший нам небесный хлеб в пищу, — напоевается оцтом Предложивший нам для питья спасительную чашу (Ин. 19, 6; Мф. 27, 29). Он, неповинный и праведный, даже более. Сущая невинность и правда, вменяется с беззаконными; истина подавляется ложными свидетельствами; судится Тот, Который Сам имеет сотворить суд; Слово Божие безмолвно ведется на заклание. И в то время, когда из-за креста Господа приходят в беспорядок небесные светила, когда трясется земля, день заменяется ночью, солнце скрывает лучи и взоры свои, чтобы не быть вынуждену зреть злодеяние Иудеев, Он безмолвствует, не возмущается и при самом даже страдании не высказывает своего величия; до самого конца непрерывно и неослабно

претерпевается все, чтобы во Христе вполне и совершеннейшим образом выявилось терпение. И после всего этого Он готов принять самых убийц Своих, если бы только они обратились к Нему: исполненный благоволительного терпения и благодушный ко спасению всех. Он ни для кого не заключает Церкви Своей; — самых противников Своих, богохульников, всегдашних врагов имени Своего удостаивает не только прощения, но и награды в Небесном Царстве, если только они покаются в преступлении, если сознают содеянное злодеяние? Какое терпение, какое благоснисхождение может быть больше? Кровию Христовою оживотворяется даже проливший Кровь Христову. Таково и столь велико Христово терпение; и если бы оно таковым не было, Церковь не имела бы и апостола Павла. Потому, если и мы, возлюбленнейшие братья, во Христе есмы и облекаемся в Него; если Он есть путь нашего спасения; — то, следуя за Христом по спасительным стезям, будем подражать и добродетелям Христовым, как научает тому св, апостол Иоанн, говоря: глаголяй в Нем пребывати, должен есть, якоже Он ходил есть, и сей такожде да ходит (1 Ин. 2, 6). Также апостол Петр говорит в своем Послании: Христос пострада по нас, нам оставль образ, да последуем стопам Его: Иже греха не сотвори, ни обретеся лесть во устех Его: Иже укоряемъ, противу не укаряше, стражда не прещаше: предаяше же Себе судящему Его не праведно (1 Пет. 2, 21-23).

Наконец, известно нам, что патриархи, пророки и все святые, которые преобразовательно носили образ Христа, при похвале за свои добродетели особенно дорожили похвалою за то, что с твердым и постоянным спокойствием духа хранили терпение. Так, Авель, первый предначинающий и освящающий мученичество и страдания праведных людей, не сопротивляется, не противоборствует убийце брату, но кроткий и смиренный с терпением принимает смерть (Быт. 4). Так верующий Богу Авраам, первый полагающий начало и основание веры, искушаемый в сыне, не впадает в сомнение, не медлит, но с полным и благодушным терпением повинуется повелениям Божиим (Быт. 21). И Исаак, предъизобразивший жертвоприношение Господа, является терпеливым, когда отец воз-лагает его на жертвенник для заклания (Быт. 18 и 33). Иаков, прогнанный братом, терпеливо уходит из земли своей и потом с сугубым терпением, покорною просьбою и миротворными дарами примиряет с собою питающего к себе сильную злобу своего преследователя (Быт. 33). Иосиф, проданный и отверженный братьями, не только терпеливо прощает им, но и еще, когда они пришли к нему, щедро и милостиво наделяет их безмездно пшеницею (Быт. 45). Моисея часто презирает неблагодарный и вероломный парод, едва не побивает камнями, между тем он — кроткий и терпеливый, о нем же ходатайствует пред Богом (Исх. 32). А какое великое, достойное удивления и чисто христианское терпение у Давида, родоначальника Христова по плоти! Часто имел он возможность убить царя Саула, который преследовал и желал убить его; однако ж,

несмотря на все это, когда тот сам попадался и когда его выдавали, он лучше желал спасти его, и не только не отплатил врагу злом за зло, но еще и отметил за смерть его (2 Цар. 20). Наконец, все убиенные пророки, все мученики, знаменитые славною смертию, достигли венцов небесных чрез терпение; потому что и нельзя получить венец за болезни и страдания, если болезни и страданиям не предшествует терпение. Но чтобы яснее и лучше выразуметь, возлюбленнейшие братья, как полезно и необходимо терпение, нужно помышлять о том приговоре Божием, который, при самом начале мира и человеческого рода, произнесен над Адамом, забывшим заповедь и преступившим закон; тогда познаем, как мы должны быть терпеливы в этой жизни, мы, которые на то и рождаемся, чтобы терпеть скорби и страдания. Сказано: яко послушал еси гласа жены твоея и ял еси от древа, егоже заповедах тебе сего единого не ясти, от него ял еси; проклята земля в делех твоих, в печалех снеси тую вся дни живота твоего; терния и волчцы возрастит тебе, и снеси траву сольную; в поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратишися в землю, от неяже взят еси: яко земля еси, и в землю отъидеши (Быт. 3, 17-19). Все мы подчинены этому приговору, доколе, чрез смерть, не отойдем из этого века. В печали и стенании мы должны проводить все дни жизни своей; в поте и труде нам нужно есть хлеб. Отсюда — каждый из нас, рождаясь и вступая в этот мир, начинает слезами и, ничего еще не ведая при самом рождении; умеет только плакать. Молодая душа, тотчас при появлении своем, по естественному предведению, уже оплакивает бедствия скоропреходящей жизни, плачем и стенанием свидетельствует о тех трудах и треволнениях мира, в которые вступает; потому что нужно проливать пот и трудиться, доколе продолжается здешняя жизнь. Проливающие же лот и трудящиеся только в терпении скорее всего могут найти себе отраду. Это утешение пригодно и необходимо и для всех, живущих в этом мире, но особенно необходимо для нас, на которых преимущественно направляет свои удары напаствующий диавол, для нас, которые, ежедневно стоя на брани, приходим в изнеможение от противоборства с закоренелым и опытным врагом, и которым, по наставлению Господа, кроме различной и постоянной борьбы с искушениями, также в борьбе с гонениями нужно бросать отцовское наследие, попадать в тюрьму, носить цепи, тратить жизнь и, при помощи доблестного терпения, переносить меч, зверей, огонь, кресты и, наконец, вес роды мучений и казней, по слову Господа, сказавшего в наше наставление: сия глаголах вам, да во Мне мир имате; в мире скорбни будете, но дерзайте, яко Аз победих мир (Ин. 16, 33). Если же мы, отвергшись мира и диавола, очень часто подвергаемся оскорблениям и вражеским нападениям со сто-роны мира и диавола, то не тем ли более должны мы дорожить терпением, при помощи и содействии которого можно бы переносить все неприязни! Спасительна заповедь Господа и Учителя: претерпевый, — говорит, — до конца, той спасен будет (Мф. 10, 22); и еще: аще вы пребудете во словеси Моем, воистинну ученицы Мои будете. И уразумеете истину, и истина свободит

вы (Ин. 8, 31-32).

Нужно, возлюбленной иже братья, со всею терпеливостию и усилием заботиться о том, чтобы мы, получивши право на чаяние истины и свободы, могли стяжать самую истину и свободу, так как то самое, что мы христиане, есть дело веры и надежды; но чтобы вера и надежда могли дать плод свой, для этого необходимо терпение. Мы ищем не настоящей славы, но будущей, как о том напоминает апостол Павел, говоря: упованием бо спасохомся, упование же видимое несть упование; еже бо видит кто, что и уповает? Аще ли егоже не видим, надеемся, терпением ждем (Рим. 8, 24-25). Поэтому ожидание и терпение необходимы для того, чтобы исполнить начатое нами и чтобы, при благоноспешении Божием, получить то, во что веруем и чего надеемся. Наконец, в другом месте тот же апостол, научая людей праведных и милосердых, которые, отдавая имущество для приращения Богу, скрывают себе сокровища на небе, чтобы и они также были терпеливы, говорит в научение: тем же убо доидеже время имамы, да делаем благо ко всем, паче же к присным в вере. Доброе же творяще да не стужаем си, во время бо свое пожнем (Гал. 6, 10 и 9). Увещевает, чтобы кто-либо не ослабел в благотворительности по недостатку терпения, чтобы кто-либо, увлеченный, или побежденный искушениями, не остановился на половине поприща хвалы и славы, и чтобы таким образом, когда начатое перестанет быть совершенным, не погибло прошедшее, по Писанию: правда праведника не избавит его, в оньже день прельстится (Иез. 33, 12). И еще: держи, еже имаши, да никтоже приимет венца твоего (Апок. 3, 11). В этих словах содержится увещание — сохранять терпение и мужество, чтобы при помощи неослабного терпения мог увенчаться тот, кто в доблестномстремлении своем стал уже близок к венцу.

Терпение, возлюбленнейшие братья, не только хранит доброе, но и предотвращает злое: благоугождая Духу Святому и прилепляясь к небесному и Божественному, оно, укрепленное своими доблестями, отражает дела плоти и тела, которыми препобеждая и увлекается душа. Из многого обратим внимание на немногое, чтобы из немногого уразуметь и прочее. Прелюбодеяние, ложь, человекоубийство — суть смертные грехи. Но пусть будет в сердце мужественное и неослабное терпение; тогда ни освященное тело — храм Божий — не осквернится прелюбодеянием, ни преданная правде невинность не заразится ложью, ни рука, после принесения Евхаристии, не осквернится мечом и кровью. Любовь есть союз братства, основание мира, крепость и утверждение единства: она больше веры и надежды, она предшествует благотворению и мученичеству, она вечно пребудет вместе с нами у Бога Царстве Небесном. Отними у нее терпение, и она, как разоренная, перестанет существовать. Отними у нее способность переносить и претерпевать, и она останется без корней и сил. Апостол, говоря о любви, соединил с нею переносчивость и терпимость. Любы, — говорит

он, — долготерпит, милосердствует, любы не завидит, не превозносится... не раздражается, не мыслит зла...; вся любит, всему веру емлет, вся уповает, вся терпит (1 Кор. 13, 4-7). Таким образом он показывает, что любовь может пребывать неизменно твердою, потому что умеет переносить все. И в другом месте: терпят, — говорит, — друг друга любовию, тщащеся блюсти единение духа в союзе мира (Ефес. 4, 2-3). Этим подтвердил, что ни единение, ни мир не могут существовать, если братья не будут подкреплять друг друга взаимно снисходительпостию и если, при участии терпения, не будут поддерживать союза согласия. Притом же, будучи не тверд в терпеливости и перепосчивости, мог ли бы ты не клясться, не злословить, не требовать обратно похищенного у тебя, подставлять бийце другую щеку, когда получил от него пощечину, прощать своему брату, согрешающему против тебя, не только семьдесят раз седмерицею, но и вес его прегрешения? Мы знаем, что Стефан так именно сделал, когда, насильственно побиваемый от Иудеев камнями, просил не отмщения за себя, но прощения убийцам. Он говорил: Господи, не постави им греха сего (Деян. 7, 60). Таков действительно долженствовал быть первый Христов мученик, потому что он, предваря славною смертию последующих мучеников, был не только проповедником страдания Господа, но и подражателем Его, исполненным величайшего терпения, кротости. Что сказать о гневе, о раздоре, о притворстве, которых не должно быть в христианине? Пусть будет в сердце терпение, и они не могут иметь в нем места, — а если бы они и попытались взойти в него, то немедленно убегают, не находя там для себя пристанища, так что остается мирным то жилище в сердце, в котором благоугодно обитать Богу. Наконец, апостол увещевая говорит в наше поучение: не оскорбляйте Духа Святаго Божия, имже знаменастеся в день избавления. Всяка горесть, и гнев, и ярость, и клич, и хула да возмется от вас (Ефес. 4, 30-31). Так, христианин, освободившись от ярости и распри плотской, как от волнений мира, и начавши спокойно и мирно пребывать в пристани Христовой, не должен допускать в сердце ни гнева, ни несогласия; — ему не позволительно ни воздавать злом за зло, ни ненавидеть.

Терпение также необходимо при различных повреждениях плоти и при частых и жестоких болезнях тела, которыми ежедневно поражается и страдает род человеческий. Ибо, так как вследствие первого преступления заповеди, погибла, вместе с бессмертием, крепость телесная, и вместе со смертью явилась слабость, и крепость может быть возвращена не иначе, как только с возвращением бессмертия; то необходимо стало бороться с этим бессилием и слабостью, а борьба эта может поддерживаться единственно только терпением. Для нашего также искушения и испытания насылаются различные скорби, и качество искушений бывает многоразлично, каковыущерб в имуществе, жестокие лихорадки, страдание от ран, потеря дорогих сердцу. Праведные же тем особенно и отличаются от нечестивых, что нечестивый вследствие

нетерпения жалуется и богохульствует в несчастиях, а праведный терпением снискивает похвалу, как написано: в болезни будь великодушен, и в уничижении своем долготерпи: як во огни искушается злато и сребро (Сир. 2, 4), Так был искушаем и испытываем Иов — и добродетелию терпения он достиг высочайшей похвалы. Сколько стрел было пущено в него диаволом? Сколько употреблено было пыток? Он поражается потерею имущества, у него отнимается многочисленное семейство; господин, богатый по имуществу, и еще более — отец, богатый в детях, он вдруг перестает быть и господином и Отцом: весь покрывается ранами, да еще и ненасытные черви точат гниющие и распадающиеся суставы его. И чтобы не осталось ничего, чего бы Иов не потерпел в своих испытаниях, диавол вооружает против него и жену. употребивший в дело древний прием своего непотребства, как будто и можно ему соблазнить и обольстить всех чрез жену, как это и сделал при начале мира; и однако ж Иов, пораженный тяжкими и частыми нападениями, не изнемогает до того, чтобы, несмотря на бедствия и скорби свои, с помощию победоносного терпения не благословлять вслух Бога (Иов. гл. 1 и 2). Точно так же Товия, вслед за славными подвигами правды и милосердия своего, искушенный лишением зрения, сколь терпеливо перенес слепоту, столь же великую заслужил и похвалу у Бога за терпение (Тов. 2).

Но чтобы еще очевиднее было для нас благо терпения, размыслим, возлюбленнейшие братья, о том, сколько зла причиняет недостаток терпения. Ибо как терпение есть благо Христово, так, напротив, нетерпение есть зло диавола, и как тот, в ком живет и обитает Христос, является терпеливым, так, напротив, всегда бывает нетерпелив тот, чьим умом владеет непотребство диавола. Обратим внимание на самое начало. Диавол не стерпел того, что человек создан по образу Божию; вследствие чего и сам первый погиб и (его) погубил. Адам, который по нетерпению не мог воздержаться от смертной яди, вопреки Божественной заповеди, подвергся смерти и, не имея стражем терпения, не соблюл полученной свыше благодати. Каин убил брата потому, что не стерпел жертвоприношения его и дара; Исав, не преодолевший страсти к чечевице, потерял свое первородство и ниспал с высоты долу. Что еще? Вероломный при всех благодеяниях Божиих и неблагодарный иудейский народ не потому ли в первый раз отпал от Бога, что имел порок нетерпения? Не могши снести продолжительности собеседования Моисеева с Богом, он дерзнул требовать себе языческих богов, чтобы наименовать вождями в своем путешествии воловью голову и земного идола! У этого народа и всегда было подобное нетерпение, так что, постоянно нетерпеливый к Божественному научению и увещанию, он от убийства своих пророков и праведников дошел ли распятия на кресте и пролития Крови Господа. Нетерпение производит также еретиков в Церкви, и, по уподоблению Иудеям, побуждением к враждебной и яростной ненависти тех, которые возмущаются против мира и любви Христовой. Долго было бы

перечислять частности: вообще все, что терпение делами своими созидает к славе, нетерпение низвергает к погибели. Почему, возлюбленнейшие братья, тщательно исследовавши и блага терпения и зло от нетерпения, со всяким тщанием будем хранить терпение, посредством которого пребываем во Христе, чтобы вместе с Ним можно было нам прийти к Богу; будем хранить терпение, которое, как мпогообъемлющее и многообразное, не заключается в тесных границах и не ограничивается малыми пределами.

Так, далеко простирается добродетель терпения; обильное и плодотворное, оно хотя берет начало из одного источника, — но избытку жил развивается по многим путям, ведущим к славе, так что ни одним из наших действий мы не можем заслужить совершенной похвалы, если оно не получит отсюда твердости совершения. Терпение и делает нас угодными Богу и сохраняет нас для Бога. Оно умеряет гнев, обуздывает язык, управляет умом, хранит мир, поддерживает благочестие, укрощает порыв похоти, смягчает силу гнева, погашает пламень злобы, останавливает насилие богачей, одушевляет бедного в нищете, хранит блаженную непорочность в девах, — многотрудную чистоту во вдовах, — взаимную любовь .между соединенными узами брака. Оно смиряет в счастии, укрепляет в несчастий, соделывает кроткими при обидах и поношениях. Оно учит скоро прощать согрешающим, много и долго умолять, если сам согрешаешь. Оно побеждает искушения, переносит преследования, совершает страдания и мученичества. Оно прочно утверждает основания нашей веры, — высоко поднимает ростки надежды. Оно дает направления нашему шествию, так, чтобы, идя по стезям терпения Христова, мы могли держаться и пути Христова. Оно соделывает то, что, подражая терпению Отца, мы неизменно пребываем чадами Божиими.

Между тем я знаю, возлюбленнейшие братья, что очень многие, или по тяжести жестоких обид, или но ожесточению па тех, которые обижают их и жестоко поступают с ними, желают немедленного отмщения. Почему в конце нашей речи нельзя не высказать того, что, При этих смутах волнующегося мира, нам, подверженным преследованию со стороны как Иудеев, так язычников и еретиков, надлежит терпеливо ожидать дня омщения и поспешною жалобою не ускорять возмездия, тем более, что я Писании сказано: потерпи Мене, глаголет Господь, в день воскресения Моего во Свидетельство; зане суд Мой в сонмища языков, еже прияти царей, еже излияти на ня гнев Мой (Соф. 3, 8). Господь повелевает нам потерпеть и с мужественным терпением ожидать дня будущего отмщения. Он же говорит в Апокалипсисе: не запечатлей словес пророчеству книги сея;яко время близ есть. Обидяй да обидит еще; и скверный да осквернится еще; и праведный правду да творит еще; и святый да святится еще. И се, гряду скоро, и мзда Моя со Мною, воздати коемуждо по делом его (Апок. 22, 10-12). Таким же образом и мученикам, вопиющим и с явною скорбию требующим немедленного

отмщения, повелевается ожидать и терпеть, доколе скончаются времена и исполнится число мучеников. И егда, сказано, отверзе пятую печать, видех под олтарем души избиенных за слово Божие и за свидетельство, еже имеяху. И возопиша гласом великим, глаголюще: доколе, Владыко святый и истинный, не судиши и не мстиши крови пашей от живущих на земли? И даны быта коемуждо их ризы белы, и речено бысть им, да почиют еще время мало, дондеже скончаются и клевреты их и братия их, имущий избиени быти, якоже и тии (Апок. 6, 9-11). О наступлении же Божественного отмщения за кровь праведных Дух Святой объявляет чрез Малахию пророка, говоря: се, день (Господень) грядет горящ, яко пещь... и будут есі иноплеменницы и есі творящий беззаконная яко стеблие, и возжжет я день Господень грядый, глаголет Господь (Мал. 4, 1). То же самое читаем в псалмах, где предвозвещается пришествие Судии Господа, прославляемое величием суда Его: Бог яве приидет, Бог наш, и не промолчит; огнь пред Ним возгорится, и окрест Его буря зелна. Призовет небо свыше, и землю, разсудити люди Своя. Соберите Ему преподобныя Его, завещающий завет Его о жертвах. И возвестят небеса правду Его, яко Бог Судия есть (Пс. 49, 3-6). И Исаия тоже предсказывает, говоря: се бо, Господь, яко огнь, приидет, и яко буря колесницы Его, воздати яростию отмщение... Огнем бо Господним судитися будут и мечем Его уязвятся (Ис. 66, 15-16). И еще: Господь Бог Сам изыдет, и сокрушит рать, воздвигнет рвение, и возопиет на враги Своя со крепостию. Молчах, еда и всегда умолчу? (Ис. 42, 13-14). Кто же это, который говорит, что прежде он молчал, но не всегда молчать будет? Это Тот, Который яко овча на заколение ведеся, и яко агнец пред стригущим его безгласен, тако не отверзает уст Своих (Ис. 53, 7); это Тот, Который не возопиет ... ниже услышится вне глас Его (Ис. 42, 2). Это Тот, Который не противился, не противоглаголал, когда вдал плещи Свои на раны и ланиты Свои на заушения, лица же Своего не отвратил or студа заплеваний (Ис. 50, 5-6); это Тот. Который ничего не отвечал, когда Его судили священники и старцы, и Который, к удивлению Пилата, хранил самое терпеливое молчание. Да, это Он, Который, сохранивши молчание при страдании, не умолчит потом при отмщении. Это Бог наш, то есть не всех, но Бог верных и верующих, Который не умолчит, когда открыто придет во второй раз; потому что, будучи прежде сокровенным в уничижении, Он открыто придет в могуществе. Его, Судию и Отмстителя своего. Который одинаково имеет отметить как за людей Церкви Своего так и за всех от начала мира праведников, Его-то будем ожидать, возлюбленнейшие братья. Кто слишком желает отмщения за себя, пусть помыслит, что не отмщен еще Тот, Кто творит отмщение. Бог Отец повелел чтить Своего Сына, и апостол Павел, помня Божественную заповедь, излагает это следующим образом: Бог Его превознесе и дарова Ему имя, еже паче всякого имене; да о имене Иисусове всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних (Флп. 2, 9). И в Апокалипсисе Ангел Господень остановил Иоанна, когда тот хотел воздать ему Божеское поклонение, говоря: виждь, ни (не делай сего), клеврет 6о твой есмь и братии твоея

Богу поклонися (Апок. 22, 9). Вот каков Господь Иисус! и каково же Его терпение, когда Он, поклоняемый на небесах, еще не отмщевается на земле. Его терпение, возлюбленнейшие братья, будем иметь в виду при напастях и страстях своих. Его пришествия будем ожидать с полною покорностию. И не будем, по нечестивой и бесстыдной поспешности, настаивать на том, чтобы нам — рабам получить защиту прежде своего Владыки. Лучше будем непоколебимы и прилежны к трудам, неослабно бдительны и, твердо пребывая во всяком терпении, будем соблюдать Божественные заповеди, чтобы, когда наступит определенный день гнева и мщения, получить нам не наказание вместе с нечестивыми и грешниками, но — прославление вместе с праведными и боящимися Бога

Св. Григорий Нисский. "Слово на праздник Вознесения Господа нашего Иисуса Христа"

Какой приятный сопутник в человеческой жизни пророк Давид! Мы встречаем его на всех путях сей жизни. Как прилично он применяется ко всем духовным возрастам, приспособляется к всякому разряду стремящихся к совершенству! С детьми по Бозе он вместе играет, с мужами вместе подвизается, юношей руководит, старости служит опорою; всем бывает все: для воинов, — оружие, для подвизающихся, — наставник, для упражняющихся в борьбе, — училище, для победителей, — венец; сотрапезник в радости, утешение в печали. Нет ничего в нашей жизни, что лишено бы было этаго благодатнаго участия (пророка). Есть ли какая сильная молитва, которой не содействовал бы Давид? Есть ли какая радость праздника, которой бы не украсил Пророк?

Это можно видеть и ныне; ибо и нынешний праздник, как ни велик сам по себе, пророк сделал еще больше, предложив и с своей стороны, приличныя предмету онаго, слова радости из псалмов. Ибо в одном из них (Псал. 22) повелевает тебе быть овцею, пасомою Богом, и не лишаемою никакаго блага, — овцею, для которой добрый Пастырь служит всем, и злаком для питания и водою упокоения и пищею и кущею и стезею и водительством, распределяя свою благодать соответственно каждой нужде. Всем этим он научает Церковь, что должно тебе прежде всего быть овцею добраго Пастыря, благим оглашением руководимою к божественным пажитям и источникам учения, дабы спогребстись ему крещением в смерть и не страшиться этой смерти, потому что это не смерть, но тень и отображение смерти; ибо аще пойду говорит посреде сени смертныя, не убоюся того, что будет со мною, как зла, яко Ты со

мною еси (Псал. 22, 4). За тем утешив палицею Духа, ибо Дух есть утешитель, предлагает таинственную трапезу, уготованную сопротив демонской трапезе (Псал. 22, 5); ибо демоны стужали человеческой жизни чрез идолослужение; сопротив им (предлагается) трапеза Духа. Потом помазует главу елеем Духа и, присовокупив к сему вино, веселящее сердце, производит в душе трезвенное упоение, твердо направив помыслы от временнаго к вечному. Ибо вкусивший сего упоения переменяет краткую жизнь на нескончаемую, в долготу дней продолжая обитание в доме Божием (Псал. 22, 6).

Даровав нам это в одном из псалмов, в следуюшем за ним Давид возбуждает душу к большей и совершеннейшей радости. Если угодно объясню вам сокращенно смысл и сего (псалма). Господня земля, и исполнение ея (Псал. 23, 1 и след.). И так чтоже страннаго, о человек, в том, что Бог наш явился на земле и жил с человеками, когда земля есть Его творение и дело? И так нет ничего новаго и неприличнаго в том, что Владыка во своя пришел (Иоан. 1, 11); ибо Он приходит не в чужой мир, но в тот, который Сам устроил, основав землю на морях и соделав ее удобною для течения по ней рек (Псал. 23, 2). Для чегоже пришел Он? Для того, чтобы извлекши тебя из пучины греха, возвести на гору (Псал. 23, 3), если для восхождения ты воспользуешься царскою колесницею, то есть добродетельным образом жизни. Ибо нельзя взойти на оную гору, если не будут сопутствовать тебе добродетели; для сего ты должен быть неповинен рукама, не осквернен никаким лукавым делом, чист сердцем, не обращаясь душею своею ни к чему суетному, и не измышлять против ближняго ни какаго коварства (Псал. 23, 4). Награда за сие восхождение есть благословение; Господь дарует таковому назначенную им милость (Псал. 23, 5). Сей есть род ищущих Его, восходящих на высоту посредством добродетели и ищущих лице Бога Иаковля (Псал. 23, 6).

Следующая же часть псалма, может быть, выше и самаго Евангельскаго учения; ибо Евангелие повествует о пребывании Господа на земле и о возвращении его от нас; сей же высокий Пророк, изшед из себя самаго как-бы неотягощаемый уже бременем тела и присоединившись к небесным силам, передает нам гласы их, как сии силы, торжественно сопровождая Владыку в его нисхождении, повелевают пребывающим на земле ангелам, которым вверена человеческая жизнь, подьять входы, говоря: возмите врата, князи ваша, и возмитеся врата вечная: и внидет Царь славы (Псал. 23, 7). И поелику Содержащий в себе все, куда ни нисходит, везде соразмеряет себя с способностию приемлющих, (ибо бывает не только человеком между людьми, но, конечно соответственно тому, и находясь среди ангелов, низводит Себя до их естества), то вратари спрашивают у вестника: кто есть сей Царь славы? (Псал. 23, 8). В ответ на сие объявляют им, что он есть крепкий и сильный, имеющий сразиться с пленившим человеческое естество и сокрушить имущаго державу смерти (Евр. 2, 14), чтобы по уничтожении последняго врага

возвратить к свободе и миру род человеческий. Опять повторяет теже гласы (Псал. 23, 9-10); ибо таинство смерти уже совершилось, победа над врагами одержана и против них воздвигается победный знак, — крест. И снова возшел на высоту Пленивший плен, давший людям сии благия даяния (Псал. 67, 19), — жизнь и царство. Снова должны отвориться находящияся горе врата; в свою очередь торжественно сопровождают его наши стражи и повелевают отверзть Ему горния врата, чтобы в них опять восприять прославление. Но там не узнают Его, облеченнаго нечистою одеждою (Зах. 3, 4) нашей жизни, багряность одеяния Котораго (происходнт) от точила (Ис. 63, 12) человеческих зол. Посему встречают сопровождающих таким вопросительным гласом: кто есть сей Царь славы? За тем (следует) не прежний уже ответ: крепок и силен в брани, но: Господь сил, приявший власть над всем, возглавивший в себе все, первенствующий во всем, возстановивший все в прежнее состояние творения, Сей есть Царь славы.

Видите как Давид увеличил для нас сладость праздника, присоединив собственную радость к веселию Церкви. И так будем и мы подражать Пророку в том, в чем можно успешно подражать, — в любви к Богу, в кротости жизни, в долготерпении к ненавидящим нас, чтобы наставление Пророка было руководством жизни по Боге, во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава во веки веков. Аминь

"За все благодарите: ибо такова о нас воля Божия во Христе Иисусе" /1Фес. 5:18/

Ропот на свою так называемую «судьбу», недовольство ко всему – является болезнью современного общества, которою болеют и многие «со стажем» верующие. Кто из нас верующих не роптал и не ропщет, кто из нас не высказывал недовольства? К сожалению, мы не понимаем, что из-за ропота и недовольства, то есть из-за неблагодарности к Богу, мы впадаем в осуждение других, гневаемся, злопамятствуем, проклинаем, а самое страшное - хулим Господа Бога.

А Бог, оскорбленный хулою человека ропщущего и недовольного, оставляет его, к которому уже приближается сам дьявол, поэтому такого человека всегда будут преследовать несчастия и бедствия: «не ропщите, как некоторые из них роптали и погибли от истребителя» /1Кор.10:10/.

«Итак, неблагодарный вместе и нечестив; и справедливо, - делает

вывод Св. Златоуст и продолжает, - Каков в самом деле должен быть в отношении к другим тот, кто неблагодарен к благодетелю? Неблагодарный вероломен; неблагодарный недружелюбен». Причиною же ропота и недовольства в христианской среде, как нам кажется, является не осознание важности благодарения и славословия Господа Бога в жизни верующего.

Отцы Церкви учат нас славословить Господа и благодарить Его за все, а после испрашивать у него всяких благ. Так, например, и Св. Татеваци в толковании на молитву «Отче наш», наставляет верующих, чтобы они прежде всяких прошений в восхвалениях прославили бы Бога, пример тому, прежде чего просить у царя сначала хвалят его, чтобы умягчить сердце его, а после молят о своих нуждах. «Ибо это и есть хваление и прославление Бога, когда говорим: Отче наш, сущий на небесах», - говорит Св. Татеваци.

Итак, «душе благочестивой особенно свойственно отрешаться от дел житейских и воспевать хвалебные песни Богу. Подлинно, стыдно было бы человеку, существу разумному и превосходящему все видимое, в деле славословия быть ниже других тварей; и не только стыдно, но и безрассудно. Ибо не безрассудно ли это, когда другие твари каждый день и час воссылают хвалу Господу? «Небеса, - говорит Псалмопевец, - проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь. День дню передает речь, и ночь ночи открывает знание» /Пс.18:2,3/. И солнце, и луна, и разнообразный хор звезд, и стройный состав всего прочего проповедует о Творце своем.

Посему тот, кто превосходнее всех тварей и не делает этого, но даже ведет такую жизнь, какою хулится сотворивший его Бог, может ли удостоиться прощения? Какое может иметь оправдание тот, кто сотворен для богоугождения человеколюбивому Богу и наслаждения благами будущего царствия, но нисколько не заботится об этом, а предается житейским делам и мирским заботам?

Подлинно мы обязаны Ему многим: Он сотворил нас, не существовавших, сотворил нас такими, по сотворении сохраняет нас и каждый день промышляет о всех вообще и о каждом в частности, и тайно и явно, и заметно для нас и не заметно. Можно ли исчислить все видимое, что Он сотворил для нас: служение, которое видимые твари доставляют нам, устройство тела, благородство души, ежедневное попечение о нас посредством чудес, законов и наказаний, разнообразное и непостижимое Его промышление, главнейшие из всех благодеяний, когда Он не пощадил для нас и Единородного Сына, блага уже дарованные нам через крещение и другие таинства, и те неизреченные блага, которые будут дарованы, - царствие, воскресение, жизнь, исполненная всякого блаженства?

Кто стал бы исчислять все это порознь, тот погрузился бы в безмерное море благодеяний и увидел бы, сколь многим он обязан человеколюбивому Богу. И не только по этому, но и по величию славы Его и неизменяемости существа Его подобает Ему от нас хвала, благословение, постоянная благодарность, служение и непрестанное поклонение. Бог не имеет нужды ни в похвалах наших, ни в благословениях, к славе Его ничего ни прибавляется от славословия служащих Ему; ибо существо Его неизменно, вседовольно и не имеет нужды ни в чем другом; но сами славословящие делаются от того более славными», - говорит Св. Златоуст*.

«Бог не требует от нас чего-нибудь тяжкого и трудного, но только того, чтобы мы признавали Его благодеяния и возносили Ему благодарность за них, не потому впрочем, чтобы Он нуждался в этом, - ибо Он ни в чем не имеет нужды; а для того, чтобы мы научились чрез это привлекать к себе Подателя благ, и не были непризнательны, но являли бы добродетель, достойную благодеяний и такой заботливости Его о нас. Ибо этим мы и расположим Его еще к большему о нас попечению».

Вот, что должны сделать мы - научиться славословить Бога и благодарить Его за все. А после, надо постоянно возгревать в себе чувства благодарения к Богу, чтобы не потерять этот дар и тем самым лишиться многих благ. Ибо благодарность к Богу возбуждает в человеке сильнейшее расположение к добродетели, о чем говорит Св. Златоуст: «В самом деле, памятование о благодеяниях сильно возбуждает к подвигам добродетели и располагает человека презирать все настоящее, прилепляться к столь великому Благодетелю и ежедневно выказывать живую любовь к Нему».

Итак, дорогой верующий, благодари Господа Бога твоего с первого момента по пробуждении от сна, весь Божий день, засыпай также со словами благодарения. Утром, открыв глаза, вместе с псалмопевцем обратись к Богу: «Господи! Отверзи уста мои, и уста мои возвеселят хвалу твою» (Пс.50:17), и Господь Сам тебя будет учить прославлять Его и молиться. И пусть эти слова из псалма не оставляют тебя всю твою жизнь.

Далее, если предпринимаешь какое либо дело, то проси Господа, чтобы это дело прославило бы Его, было бы в Его славу. Попросив, что-либо в молитве у Господа, не забудь в конце молитвы сказать: «Дабы прославилась Святая Троица – Отец, Сын и Святой Дух! Во веки вечные! Аминь!», или же «Чтобы удостоились прославить Отца, Сына и Святого Духа! Во веки вечные! Аминь!». Ибо цель нашей жизни и состоит в прославлении Господа Бога нашего, что постоянно делают и воинства небесные: «и ни днем ни ночью не имеют покоя, взывая: свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, Который был , есть и грядет» /Откр. 4:8/.

Далее, для возгревания в нас чувства благодарения поможет следующее. «Рассмотри все благодеяния Божии к роду человеческому, - нашему роду, - и к тебе самому, и чаще проходи их мыслью своею и вращай в памяти своей, и если есть у тебя сердце, то не возможешь не возносить к Богу благодарных песен».

А вот тщательно изучая красоту творения, по нему как по какой-нибудь книге, будем познавать Божий промысел и мудрость, а самое главное, научимся прославлять его Творца. Рассматривая движения небес, небесных светил и их красоту, изменение погоды, т.е. времен года; растительный мир и животный, не говорим уже о жизни человека от зачатия до старости, будем знакомиться с Творцом всего этого, «ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы» (Рим.1:20).

Итак, с одной стороны, мало помалу будем возрастать в богопознании, а с другой стороны каждый день, приводя все это на ум, пребудем в чувствах благодарения и восхваления Богу! «Не будем же беспечны, - взывает Св. Златоуст, - но каждый из вас ежечасно, сколько может, да размышляет не только об общих благодеяниях, но и о частных, ему самому оказанных Богом, не только об известных и явных всем, но и о ведомых ему одному и неизвестных другим: чрез это он в состоянии будет возносить Господу непрестанное благодарение. Это самая великая жертва, это совершенное приношение, это будет для нас источником дерзновения пред Богом».

«Итак, будем чрез Него непрестанно приносить Богу жертву хвалы, то есть плод уст, прославляющих имя Его» /Евр. 13:15/.
Но самое главное дорогой верующий, это остаться постоянным в благодарениях и словословиях Богу, ни только когда ты здоров, все тебе удается и ты счастлив, но и когда тебя постигают всякого рода скорбей и несчастий. В счастье легко благодарить, ибо здесь сущность самого дела побуждает нас к этому. «Достойно удивления то, - говорит Св. Златоуст, - если мы благодарим, находясь в крайних обстоятельствах.

Если мы за то благодарим, за что другие богохульствуют, от чего приходят в отчаяние, - смотри, какое здесь любомудрие: во-первых, ты возвеселил Бога, во-вторых, посрамил диавола, в-третьих – показал, что случившееся ничто». Итак, Бога благодарить надо за все, что ни случится с нами, ибо, если в ветхом завете говорилось: «Все, что ни приключится тебе, принимай охотно, и в превратностях твоего уничижения будь долготерпив, ибо золото испытывается в огне, а люди угодные Богу, в горниле уничижения» /Сир. 2:4,5/, то тем более это надо в новом.

«Хотя бы ты и не понимал причины чего-нибудь, благодари; в том-то и

благодарность, - советует Св. Златоуст, - здесь требуется, чтобы ты благодарил в несчастиях и скорбях. Не говори ничего, кроме слов: Благодарю Тебя, Господи! Но что я говорю о бедствиях, которые случаются здесь на земле? За саму геенну, за наказания, за муки, которые будут там, должно благодарить Бога. Если мы будем внимательны, это дело принесет нам великую пользу, когда страх геенны будет полагать узду на сердце наше.

И не только за явные благодеяния, но и за тайные, посылаемые против желания, мы должны благодарить. Бог много благодетельствует нам, когда мы не хотим или не видим этого. Если не верите, я раскрою вам эту мысль. Подумай, не все ли приписывают солнцу и идолам своим беззаконные и безбожные Эллины? Что же? Разве Он не посылает благодеяний и им? Не Его ли промыслу обязаны они жизнью, здоровьем, детьми и другим подобным? А разве не хулят Его еретики? Что же? Разве не благодетельствует Он и им каждый день? Если тем, без их ведома, благодетельствует, тем более нам. Что другое свойственно Богу, как не благодетельствовать и в наказаниях и в благодеяниях?

Итак, не в счастье только мы должны благодарить, потому что тут нет ничего важного. Это знал и диавол; потому и говорил: «разве даром богобоязнен Иов? Не Ты ли кругом оградил его, и дом его, и все, что у него? Дело рук его Ты благословил, и стада его распространяются по земле» /Иов 1:9-10/. Но злодею этому не было от того никакой пользы… Когда постигают нас бедность, болезни, несчастья, тогда-то сильнее должно благодарить.

Нет ничего святее того языка, который в несчастиях благодарит Бога, - дивится Св. Златоуст, - он, поистине, ничем не отличается от языка мучеников и получает такой же венец, как и тот. Ибо и у него стоит палач, принуждающий отринуться от Бога богохульством, стоит диавол, терзающий мучительными мыслями, помрачающий душу скорбью. Итак, кто перенес скорбь и благодарил Бога, тот получил венец мученический». Наверное, у верующего возникнет вопрос, что же поможет нам оставаться благодарным и во время скорбей, то есть какие именно действия надо проявлять с нашей стороны или же размышления? За ответом на этот вопрос мы опять обратимся к Св. Златоусту.

«Когда постигнет тебя какое-нибудь горе, думай о больших бедствиях и получишь достаточное утешение. Подумай: что если бы пришлось умереть на войне? Что если бы в огне сгореть? Если будем думать о несчастиях больших, чем те, которые мы терпим, то получим достаточное утешение. Будем размышлять или о тех более тяжких бедствиях, которые другие терпели во все времена, или о тех, которые мы сами терпели когда-нибудь прежде. Такое и Павел дает

наставление, когда говорит: Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха /Евр. 12:4/; а в другом месте: Вас постигло искушение не иное, как человеческое /1 Кор. 10:13/.

Итак, - заключает Св. Златоуст, - находясь в беде, будем размышлять о больших бедствиях; а постигнут такие, - и тогда будем благодарны. Но более всего будем усердно благодарить Бога за все. Ибо таким образом и несчастия прекратятся, и жить мы будем в славе Божией, и получим обещанные блага. Да удостоимся оных все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Иеромонах отец Гевонд Оганесян

Св. Василий Великий о том, что Бог не виновник зла

Поэтому, как действительно лишенный ума и смысла, безумен тот, кто говорит, что Бог — виновник зла. Я полагаю, что грех их равно тяжек: потому что оба равным образом отрицают Бога благого, один говоря, что Бога нет, а другой утверждая, что Он не благ. Ибо, если Бог — виновник зла, то, очевидно, не благ. А поэтому и в том и другом случае отрицается Бог.

«От чего же,- говорят,- болезни? От чего безвременная смерть? От чего истребление городов, кораблекрушения, войны, повальные болезни? Это есть зло,- продолжают,- и между тем все это — Божие произведение. Поэтому кого же иного, кроме Бога, признаем ответственным за происходящее?» Итак, поелику коснулись мы сего часто повторяемого вопроса, то, возводя слово к какому-нибудь всеми принятому началу и тщательнее разобрав предложенный предмет, попытаемся сделать на него внятное и несбивчивое объяснение.

Предварительно должны мы утвердить в мыслях своих одно следующее: поелику мы творения благого Бога и состоим во власти Того, Кто устрояет все до нас касающееся, и важное и маловажное, то не можем ничего потерпеть без воли Божией; и если что терпим, оно не вредно, или не таково, чтобы можно было промыслить что-либо лучшее. Ибо, хотя смерть от Бога, однако же, без сомнения, смерть не зло; разве кто назовет злом смерть грешника, потому что для него перехождение отсюда бывает началом мучений во аде. Но опять не Бог причиной зол во аде, а мы сами, потому что началом и корнем греха от нас зависящее, наша свобода. Удержавшись от зла, могли бы мы не терпеть

ничего бедственного. Но поелику уловлены сластолюбием в грех, то можем ли представить какое благовидное доказательство, что мы не сами для себя сделались виновниками горестей?

Поэтому иное зло только в нашем ощущении, а иное зло в собственной своей природе. Зло само в себе зависит от нас, таковы: неправда, распутство, неразумие, робость, зависть, убийства, отравы, лживые дела, и все однородные с сими страсти, которые, оскверняя душу, созданную по образу Сотворшего, обыкновенно помрачают ее красоту. Еще злом называем что для нас трудно и болезненно для ощущения: телесную болезнь, телесные раны, недостаток необходимого, бесславие, ущерб имения, потерю родных. Между тем каждое из сих бедствий мудрый и благий Владыка посылает нам к нашей же пользе. Богатство отнимает у тех, которые употребляют его худо, и тем сокрушает орудие их неправды. Болезнь насылает тем, кому полезнее иметь связанные члены, нежели беспрепятственно устремляться на грех. Смерть насылается на тех, которые достигли предела жизни, какой от начала положен в праведном суде Бога, издалека предусмотревшего, что полезно для каждого из нас.

А голод, засухи, дожди суть общие какие-то язвы для целых городов и народов, которыми наказывается зло, преступившее меру. Посему, как врач, хотя производит в теле труды и страдания, однако же благодетелен, потому что борется с болезнию, а не с больным, так благ и Бог, Который частными наказаниями устрояет спасение целого. Ты не ставишь в вину врачу, что он иное в теле режет, другое прижигает, а другое совершенно отнимает; напротив того, даешь ему деньги, называешь его спасителем, потому что остановил болезнь в небольшой части тела, пока страдание не разлилось во всем теле. А когда видишь, что от землетрясения обрушился на жителей город, или что на море с людьми разбился корабль,- не боишься подвигнуть хульный язык на истинного Врача и Спасителя. Но тебе надлежало разуметь, что в болезнях умеренных и излечимых люди получают пользу от одного об них попечения; а когда оказывается, что страдание не уступает врачебным средствам, тогда необходимым делается отделение поврежденного, чтобы болезнь, распространяясь на соприкосновенные с ним места, не перешла в главные члены. Посему как в резании и прижигании не виновен врач, а виновна болезнь, так и истребления городов, имея началом чрезмерность грехов, освобождают Бога от всякой укоризны.

Но говорят: «Если Бог не виновен в зле, то почему же сказано: Аз устроивый свет и сотворивый тму, творяй мир и зиждяй злая (Ис. 45, 7)? И еще говорится: снидоша злая от Господа на врата Иерусалимля (Мих. 1, 12). И: несть зло во граде, еже Господь не сотвори (Ам. 3, 6). И в великой песни Моисеевой сказано: видите, видите, яко Аз есмь, и несть Бог разве Мене: Аз убию и жити сотворю, поражу и Аз исцелю (Втор. 32,

39)».

Но для разумеющего смысл Писания ни одно из сих мест не заключает в себе обвинения Богу, что Он виновник и творец зла. Ибо Сказавший: Аз устроивый свет и творяй тму, объявляет чрез сие, что он Создатель твари, а не творец зла. Творцом же и Художником того, что в твари кажется противоположным, наименовал Он Себя, чтобы ты не подумал, будто бы иной есть виновник света, и иной — виновник тьмы, и чтобы ты не стал искать иного создателя огня, иного — воды, иного — воздуха, иного — земли; потому что стихии сии, по противным своим качествам представляются несколько одна другой противоборствующими; как и действительно случилось с некоторыми, — от чего совратились они в многобожие.

Творит же мир, зиждет злая. Особенно творит мир в тебе, когда добрым учением умиротворяет ум твой и умиряет страсти, восстающие на душу. Зиждет злая, то есть преобразует зло и ведет к лучшему, чтобы оно, перестав быть злом, приняло в себя свойство добра. Сердце чисто созижди во мне, Боже (Пс. 50, 12). Не вновь сотвори, но обнови обветшавшее от греха. И: да оба созиждет во единаго новаго человека (Еф. 2, 15). Да созиждет не в том смысле, чтобы произвести из небытия, но в том, чтобы преобразовать уже существующих. И: аще кто во Христе, нова тварь (2 Кор. 5, 17). И еще Моисей говорит: не сам ли сей отец твой стяжа тя, и сотвори тя, и созда тя? (Втор. 32, 6). Здесь слово создание, поставленное после слова сотворение, ясным образом дает нам разуметь о себе, что оно весьма часто употребляется в значении улучшения. Посему Творяй мир творит мир чрез созидание зла, то есть чрез образование и приведение зла в лучшее.

Сверх того, если под словом мир будешь разуметь освобождение от войн, а злом назовешь трудности, сопровождающие воюющих — дальние походы, труды, бдения, беспокойства, пролитие пота, раны, убийства, взятие городов, порабощения, отведение в плен, жалкий вид пленных и вообще все скорбные последствия войн, то утверждаю, что сие бывает по праведному суду Божию; Бог в войнах насылает казни на достойных наказания. Или тебе хотелось бы, чтобы Содом не был сожжен после беззаконных его дел? чтобы Иерусалим не был разрушен и храм опустошен после ужасного неистовства иудеев против Господа? Но как же иначе справедливо было совершиться сему, как не руками римлян, которым предали Господа нашего враги жизни своей иудеи? Поэтому иногда справедливость требует, чтобы зло, порождаемое войною, насылаемо было на достойных того.

И слова: Аз убию и жити сотворю, принимай, если угодно, в первом представляющемся тебе смысле. Ибо людей простых назидает и страх. Поражу, и Аз исцелю. И это полезно даже в буквальном значении слов; потому что поражение внушает страх, а исцеление побуждает к любви.

Но тебе можно найти в сказанном и высший смысл. Аз убию - грехом, и жити сотворю — правдою. Ибо в какой мере внешний наш человек тлеет, в такой внутренний обновляется (2 Кор. 4, 16). Посему разумей не так, что одного убивает, а другого жити творит; но что одного и того же оживотворяет тем самым, чем убивает, и исцеляет тем, чем поражает, согласно с притчею, которая говорит: ты побиеши его жезлом, душу же его избавиши от смерти (Притч. 23, 14). Итак, поражается плоть, чтобы исцелилась душа; умерщвляется грех, чтобы жила правда.

А слова: снидоша злая от Господа на врата Иерусалимля, сами в себе заключают объяснение. Какие злая? Шум колесниц и конников (Мих. 1, 13).

Когда же слышишь: несть зло во граде, еже Господь не сотвори,- слово зло понимай так, что Писание разумеет под оным бедствия, посылаемые на грешников к исправлению прегрешений. Ибо сказано: озлобих тя, и гладом заморих, да блага тебе сотворю (Втор. 8, 3, 16), остановив неправду прежде, нежели разлилась она до безмерности, как поток, удерживаемый какою ни есть твердою плотиною и преградою.

Поэтому болезни в городах и народах, сухость в воздухе, бесплодие земли и бедствия, встречающиеся с каждым в жизни, пресекают возрастание греха. И всякое зло такого рода посылается от Бога, чтобы предотвратить порождение истинных зол. Ибо и телесные страдания, и внешние бедствия измышлены к обузданию греха. Итак, Бог истребляет зло, а не от Бога зло. И врач истребляет болезнь, а не влагает ее в тело. Разрушения же городов, землетрясения, наводнения, гибель воинств, кораблекрушения, всякое истребление многих людей, случающееся от земли или моря, или воздуха, или огня, или какой бы то ни было причины, бывают для того, чтоб уцеломудрить оставшихся; потому что Бог всенародные пороки уцеломудривает всенародными казнями. Посему в собственном смысле зло, то есть грех,- это зло, наиболее достойное сего наименования, зависит от нашего произволения; потому что в нашей воле — или удержаться от порока, или быть порочным. А из прочих зол иные как подвиги бывают нужны к показанию мужества, например, Иову — лишение детей, истребление всего богатства в одно мгновение времени и поражение гнойными струпами; а иные посылаются, как врачевство от грехов, например, Давиду — домашний позор служит наказанием за беззаконное вожделение. И еще знаем страшные казни другого рода, насылаемые праведным судом Божиим, чтобы поползновенных на грех соделать целомудренными. Например, Дафан и Авирон были пожраны землею в разверстые под ними бездны и пропасти. Ибо здесь таковым родом наказания не сами они приводились к исправлению (возможно ли это для сошедших во ад?), но примером своим сделали целомудренными прочих. Так и фараон потоплен был со всем войском. Так истреблены и прежние жители Палестины.

Посему, хотя Апостол называет таковых в одном месте сосудами гнева совершенными в погибель (Рим. 9, 22), однако же не должны мы думать, что устроение фараона было чем-нибудь (в таком случае вина справедливо падала бы на устроившего); а напротив того, когда слышишь о сосудах, разумей, что каждый из нас сотворен на что-нибудь полезное. И как в большом доме один сосуд золотой, другой серебряный, иной глиняный и иной деревянный (2 Тим. 2, 20), и от произволения каждого из нас зависит сходство с тем или другим веществом (человек чистый по нравственности и нековарный есть сосуд золотой, а низший его по достоинству — сосуд серебряный, мудрствующий же земное и годный к сокрушению — сосуд глиняный, а удобно оскверняющийся грехом и делающийся пищею для вечного огня — сосуд деревянный); так и сосудом гнева бывает тот, кто в себе, как в сосуде, вместил всю силу диавола, и по происшедшему в нем от порчи зловонию не может быть взят на какое-нибудь употребление, но достоин одного истребления и погибели. Поелику же надобно было его сокрушить, то разумный и мудрый Домостроитель душ устроил, чтобы он соделался знаменитым и для всех известным, а чрез сие, когда сам по чрезмерной порочности стал неисцелен, своим бедствием принес пользу другим. Ожесточил же его Бог, Своим долготерпением и замедлением в наказании дав усилиться его греху, чтобы открылась на нем правда суда Божия, когда лукавство его возросло до крайнего предела. Почему, начав с меньших язв и непрестанно умножая и усиливая казни, не смягчил его упорства, но нашел, что он и Божие долготерпение презирает и насылаемые на него бедствия переносит как нечто обычное. Даже и после этого не предал его смерти, пока он сам себя не потопил, в кичении сердца своего отважившись идти путем праведным, и возмечтав, что Чермное море как для народа Божия, так и для него будет проходимо.

Итак, наученный сему Богом, получив понятие о раздельных видах зла, зная, что такое — зло действительное, именно, грех, которого конец — погибель, и что такое — зло мнимое, зло по болезненности для ощущения, но имеющее силу добра, как, например, злострадания, насылаемые к обузданию греха, которых плоды — вечное спасение душ,- перестань огорчаться распоряжениями Божия домостроительства, и вообще не почитай Бога виновным в существовании зла, и не представляй себе, будто бы зло имеет особенную свою самостоятельность. Ибо лукавство не самостоятельно, подобно какому-нибудь животному, и сущности его не должны мы представлять себе чем-то самостоятельным. Зло есть лишение добра. Сотворен глаз, а слепота произошла от потери глаз. Поэтому, если бы глаз по природе своей не подлежал порче, не имела бы места слепота. Так и зло не само по себе существует, но является за повреждениями души. Оно не есть нерожденно, как говорят нечестивые, которые благому естеству делают равночестным естество лукавое, признавая то и другое безначальным и

высшим рождения; оно не есть и рожденно, потому что, если все от Бога, то как злу быть от Благого? Безобразное не от прекрасного, порок не от добродетели. Прочти историю мироздания, и найдешь, что там вся добра, и добра зело (ср.: Быт. 1, 31). Поэтому зло не сотворено вместе с тем, что добро. Но и умная тварь, происшедшая от Создателя, не с примесью лукавства приведена в бытие. Ибо если телесные твари не имели в себе присозданного зла, то умным тварям, которые столько отличны чистотою и святостию, как иметь общую с злом самостоятельность?

Однако же зло есть, и действие показывает, что его много разлито в целом мире. Поэтому говорят: «Откуда же ему быть, если оно и не безначально, и не сотворено?» Доискивающихся чего-либо подобного спросим: откуда болезни? откуда телесные повреждения? Болезнь не что-либо нерожденное, она и не создание Божие. Напротив того, животные сотворены с таким устройством, какое им прилично по естеству, и введены в жизнь с совершенными членами, бывают же больны, уклонившись от того, что им естественно; либо лишаются здоровья или от худого корма, или от другой какой болезнетворной причины. Следственно, Бог сотворил тело, а не болезнь. Поэтому же Бог сотворил душу, а не грех. Повредилась же душа, уклонившись от того, что ей естественно. А что было для нее преимущественным благом? Пребывание с Богом и единение с Ним посредством любви. Отпав от Него, она стала страдать различными и многовидными недугами. Почему же в ней есть общая приемлемость зла? по причине свободного стремления, всего более приличного разумной природе. Не будучи связана никакою необходимостию, получив от Творца жизнь свободную как сотворенная по образу Божию, она разумеет доброе, умеет им наслаждаться, одарена свободой и силой, пребывая в созерцании прекрасного и в наслаждении умопредставляемым, может соблюдать жизнь, какая ей естественна; но имеет также свободу и уклониться иногда от прекрасного. А сие бывает с нею, когда пресытившись блаженным наслаждением, и как бы во отягчении какою-то дремотою ниспав с высоты горнего, входит в общение с плотию для гнусных наслаждений сластолюбием.

Горе был некогда Адам, не местопребыванием, но произволением; горе он был, когда, получив душу, воззрел на небо, восхитился видимым, возлюбил Благодетеля, Который даровал ему наслаждение вечною жизнию, поставил его среди утех рая, дал ему начальство по подобию Ангелов, соделал его подобожителем Архангелов и слышателем Божественного гласа. При всем том, находясь под защитою Бога и наслаждаясь Его благами, скоро пресытился он всем, и как бы надмившись от своего пресыщения, умной красоте предпочел показавшееся приятным для плотских очей и выше духовных наслаждений поставил наполнение чрева. Вскоре стал он вне рая, вне оной блаженной жизни, соделавшись злым не по необходимости, но по

безрассудству. Поэтому он как согрешил по причине худого произволения, так умер по причине греха. Оброцы бо греха, смерть (Рим. 6, 23). В какой мере удалился от жизни, в такой приблизился к смерти; потому от Бога — жизнь, а лишение жизни — смерть. Поэтому Адам сам себе уготовал смерть чрез удаление от Бога, по написанному: яко се, удаляющии себе от Тебе, погибнут (Пс. 72, 27). Так, не Бог сотворил смерть, но мы сами навлекли ее на себя лукавым соизволением. Бог не воспрепятствовал нашему разрушению по причинам, объясненным выше, чтобы самого недуга не сохранить в нас бессмертным, как и горшечник такого глиняного сосуда, который течет, не захотел бы положить в огонь, пока переделкою не будет исправлен находящийся в нем недостаток.

Но говорят: «Почему в самом устройстве не дано нам безгрешности, так что нельзя было бы согрешить, хотя бы и хотели?» Потому же, почему и ты не тогда признаешь служителей исправными, когда держишь их связанными, но когда видишь, что добровольно выполняют перед тобою свои обязанности. Поэтому и Богу угодно не вынужденное, но совершаемое по добродетели. Добродетель же происходит от произволения, а не от необходимости; а произволение зависит от того, что в нас; и что в нас, то свободно. Посему, кто порицает Творца, что не устроил нас по естеству безгрешными, тот не иное что делает, как предпочитает природе разумной неразумную, природе, одаренной произволением и самодеятельностию,- неподвижную и не имеющую никаких стремлений.

Сие сказано в виде отступления, однако ж по необходимости, чтобы ты, впав в бездну помыслов, при утрате вожделеваемого тобою, не утратил вместе и Бога. Посему перестанем поправлять Премудрого. Перестанем доискиваться того, что было бы лучше Им сотворенного. Хотя сокрыты от нас причины частных Его распоряжений, однако же утвердим в душах своих следующее положение: от Благого не бывает никакого зла.

К сему вопросу, по связи понятий, привходит другой: о диаволе. «Откуда диавол, если зло не от Бога?» Что скажем на сие? То, что и на сей вопрос достаточно нам того же рассуждения, какое представлено о лукавстве в человеке. Ибо почему лукав человек? По собственному своему произволению. Почему зол диавол? По той же причине, потому что и он имел свободную жизнь, и ему дана была власть или пребывать с Богом, или удалиться от Благого. Гавриил — Ангел и всегда предстоит Богу. Сатана — ангел и совершенно ниспал из собственного своего чина. И первого соблюло в горних произволение, и последнего низринула свобода воли. И первый мог стать отступником, и последний мог не отпасть. Но одного спасла ненасытимая любовь к Богу, а другого сделало отверженным удаление от Бога. И это, отчуждение от Бога, есть зло. Небольшое обращение глаза производит, что мы или на стороне солнца, или на стороне тени своего тела. И там просвещение

готово тому, кто взирает прямо; необходимо же омрачение тому, кто отвращает взор к тени. Так и диавол лукав, имея лукавство от произволения, а не природа его противоположна добру.

«Отчего же у него брань с нами?» Оттого, что, став вместилищем всякого порока, принял в себя и болезнь зависти и позавидовал нашей чести. Для него несносна была наша беспечальная жизнь в раю. Коварством же и хитростями обманув человека и употребив средством к обману то самое вожделение, какое имел человек уподобляться Богу, показал он древо и обещал, что чрез вкушение сего плода человек станет подобен Богу. Ибо сказал: аще снесте… будете яко бози, ведяще доброе и лукавое (Быт. 3, 5). Поэтому он не создан нашим врагом, но завистию приведен во вражду с нами. Ибо видя, что сам низринут из Ангелов, не мог равнодушно смотреть, как земнородный чрез преуспеяние возвышается до ангельского достоинства.

А поелику стал он врагом, Бог соблюл в нас противление ему, когда, относя угрозу к нему самому, сказал зверю, который служил ему орудием: вражду положу между тобою… и между семенем тоя (Быт. 3, 15). Ибо, действительно, вредны сближения с пороком; потому что у сближающихся такой союз дружбы возникает обыкновенно вследствие уподобления друг другу. Поэтому справедливо сказанное: тлят обычаи благи беседы злы (1 Кор. 15, 33). Как в странах нездоровых понемногу вдыхаемый воздух неприметно зарождает в жителях болезнь, так дурное сообщество вносит в душу великое зло, хотя вред в настоящее время и неприметен для ощущения. Посему-то непримирима вражда со змием. Если же орудие достойно такой ненависти, то не тем ли паче должны мы враждовать на действовавшего орудием?

Но говорят: «Для чего было в раю дерево, с помощию которого диавол мог успеть в злоумышлении против нас? Ибо если бы не было у него обольстительной приманки, то как бы ввел нас в смерть чрез преслушание?» Оно было для того, что нужна была заповедь для испытания нашего послушания. Для того было растение, приносившее красивые плоды, чтобы мы, в уклонении от приятного показав превосходство воздержания, по праву удостоились венцов за терпение. За вкушением же последовало не только преслушание заповеди, но и познание наготы. Ибо сказано: ядоста, и отверзошася очи их, и разумеша, яко нази беша (Быт. 3, 6-7). А наготы знать не надлежало, чтобы ум человека, придумывая себе одежды и защиты от наготы, не развлекался заботою о восполнении недостающего и чтобы вообще попечением о плоти не был он отвлекаем от внимательного устремления к Богу.

Но почему не устроено ему одежд тотчас по сотворении? Потому что не были приличны ни естественные, ни искусственные одежды. Одежды естественные свойственны бессловесным; таковы: перья, волосы и

грубая кожа, способная защищать от холода и переносить зной. И в этом одно животное ни мало не преимуществует пред другим, потому что во всех природа одинакового достоинства. А человеку прилично было, по мере любви к Богу, получать отличные дарования благ. Упражнения же в искусствах произвели бы недосуг, чего наипаче надлежало избегать как вредного для человека. Посему и Господь, снова призывая нас к райской жизни, истребляет в душах наших заботу, говоря: не пецытеся душею вашею, что ясте… ни телом вашим, во что облечетеся (Мф. 6, 25). Поэтому не прилично было человеку иметь как естественные, так и искусственные покровы. Напротив того, если бы показал свою доблесть, для него приуготовлены были иные покровы, которые бы, по Божией благодати, украсили человека, и стали сиять на нем в виде светлых одежд, подобных ангельским, превосходящих пестроту цветов, светлость и лучезарность звезд. По сей-то причине человеку не вдруг даны одежды, потому что они назначались ему в награду добродетели, но злость диавола не дозволила человеку получить их.

Итак, диавол стал нашим противоборником вследствие падения, до которого доведены мы древле его злобою. И по Господню домостроительству у нас с ним борьба, чтобы преобороли его послушанием и восторжествовали над противником. Иное дело, если бы он не сделался диаволом, но пребыл в том чине, в каком вначале поставил его Чиноначальник! Но поелику стал он отступником, врагом Бога и врагом человеков, сотворенных по образу Божию (по той же причине он человеконенавистник, по какой и богоборец: он ненавидит нас как тварей Владыки, ненавидит и как Божия подобия), то мудрый и благопромыслительный Домостроитель дел человеческих воспользовался его лукавством к обучению душ наших, как врач употребляет яд ехидны в состав спасительного врачевства.

«Кто же такое диавол? Какой его чин? какое достоинство? И почему, собственно, называется он сатаною?» Он — сатана, потому что противоборствует добру. Ибо такое значение еврейского слова, как знаем из книги Царств. Ибо сказано: воздвиже Господь на Соломона противника (satan), Адера, царя сирского (3 Цар. 11, 14). Диавол же он потому, что бывает и пособником, и обвинителем нашим в грехе; радуется нашей погибели и выставляет на посмешище наши деяния. А природа его бесплотна, по словам Апостола, сказавшего: несть наша брань к крови и плоти, но… к духовом злобы (Еф. 6, 12). И достоинство его начальственное. Ибо сказано: к началом, и ко властем, и к миродержителем тмы сея (Еф. 6, 12). Место же начальствования в воздухе, как говорит тот же Апостол: по князю власти воздушныя, духа, иже ныне действует в сынех противления (Еф. 2, 2). Поэтому называется и князем мира, потому что начальство его в странах надземных. Так и Господь говорит: ныне суд есть миру сему: ныне князь мира сего изгнан будет вон (Ин. 12, 31). И еще: грядет князь мира сего, и во Мне не обретет ничесоже (Ин. 14, 30). Когда же говорится о воинстве

диавола, что это духи злобы в поднебесных (ср.: Еф. 6, 12), то надобно знать, что Писание обычно называет небом воздух; например: птицы небесныя (Мф. 6, 26); и: восходят до небес (Пс. 106, 26), то есть высоко поднимаются в воздухе. Поэтому и Господь видел сатану яко молнию с небесе спадша (Лк. 10, 18), то есть свергнутого с собственного своего начальства, поверженного долу, чтобы попирали его возложившие упование на Христа. Ибо Он дал ученикам Своим власть наступати на змию, и на скорпию, и на всю силу вражию (Лк. 10, 19).

Поелику же лукавое его мучительство свергнуто и надземные места очищены спасительным страданием Умиротворившего яже на земли, и яже на небеси (ср.: Кол. 1, 16), то нам проповедуется уже Царствие Божие. Так Иоанн говорит: приближися Царствие Небесное (Мф. 3, 2); и Господь повсюду проповедует Евангелие Царствия (Мф. 4, 23); и еще прежде возглашают Ангелы: слава в вышних Богу, и на земли мир (Лк. 2, 14); и веселящиеся о вшествии Господа нашего во Иерусалим восклицают: мир на небеси и слава в вышних (Лк. 19, 38). И вообще тысячи есть победных гласов, свидетельствующих о конечном низложении врага; почему нам не остается никакой борьбы и никакого подвига в горних, никто не противится и не отклоняет нас от блаженной жизни, но беспечально можем простираться вперед, чтобы всегда наслаждаться древом жизни, которого приобщиться воспрепятствовало нам вначале коварство змия; потому что пристави Бог пламенное оружие… хранити путь древа жизни (Быт. 3, 24). И сей-то путь совершив невозбранно, да внидем в наслаждение благами о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава во веки! Аминь.

Свт. Афанасий Великий. "Слово на язычников"

В произведении доказывается ложь и ничтожность язычества и намечается путь восхождения к истинному познанию Бога и Слова от самонаблюдения и созерцания внешнего мира в его гармонии и красоте.

1) Ведение богочестия и вселенской истины не столько имеет нужды в человеческом наставлении, сколько познается само собою; потому что едва не вопиет о себе ежедневно в делах, и светлее солнца открывает себя в Христовом учении. Но поелику тебе, блаженный, желательно слышать о сем; то, по мере сил своих, предложу нечто о вере Христовой; тем паче, что, хотя и сам ты можешь найдти это в Божием Слове, однако же с любовию слушаешь, что говорят и другие. Ибо как святых и богодухновенных Писаний достаточно к изъяснению истины, так и блаженными нашими Учителями сочинены об этом многия книги. И

если кто будет читать их, то найдет в них некоторым образом истолкование Писаний, и прийдет в состояние приобрести желаемое им ведение. Но поелику не имеем в руках теперь сочинений этих Учителей; то, чему научился я из них, — разумею же о вере во Христа Спасителя, — необходимо изложить и сообщить это тебе письменно, чтобы учения, заключающагося в слове нашем, не почел кто маловажным, и не стал предполагать, будто бы вера во Христа не разумна.

Такия же клеветы в укоризну нашу слагают язычники. Они громко смеются над нами, указывая не на иное что, а только на крест Христов. Но тем паче можно пожалеть о безчувствии их. Клевеща на крест, не видят они силы креста, наполнившей целую вселенную, не видят, что крестом стали явны для всех дела боговедения. Ибо если бы сами они искренно вникли умом в Божество Христово, то не стали бы столько насмехаться; а напротив того, познали бы сего Спасителя миру, познали бы, что в кресте — не вред, но врачевство твари. Если с явлением креста уничтожено всякое идолослужение, и крестным знамением прогоняется всякое бесовское мечтание; если единому Христу покланяются, и чрез Него познается Отец; если противоречущие постыждаются, и Христос с каждым днем невидимо преклоняет к Себе души прекословов; то вправе мы сказать язычникам: как же можно это дело признать человеческим, а не исповедать паче, что Возшедший на крест есть Божие Слово и Спаситель мира? Мне кажется, что с язычниками делается тоже, что и с человеком, который бы стал унижать солнце закрытое облаками, и потом — дивиться его свету, видя, что озаряется им вся тварь. Как прекрасен свет, а еще прекраснее виновник света — солнце; так, поелику наполнение целой вселенной боговедением есть Божие дело, необходимо виновником и вождем в таком успешном действии быть Богу и Божию Слову.

Итак, сперва обличу, сколько могу, невежество неверующих, чтобы, по обличении лжи, сама собою возсияла, наконец, истина, и для тебя несомненно было, что уверовал ты в истину, и, познав Христа, не впал в обман. Думаю же, что с тобою, как с христолюбцем, прилично разсуждать о Христе. Ибо уверен, что ведение о Нем и веру в Него предпочитаешь всему.

2) В начале не было зла; потому что и теперь нет его во святых, и для них вовсе не существует оно. Но люди впоследствии сами против себя начали примышлять и воображать злое. Отсюда же, конечно, образовали себе и первую мысль об идолах, не сущее представляя как сущее.

Создатель мира и Царь царей Бог, превысший всякой сущности и человеческаго примышления, как благий и все превосходящий добротою, сотворил род человеческий по образу Своему, собственным Словом Своим, Спасителем нашим Иисусом Христом, и чрез

уподобление Себе соделал его созерцателем и знателем сущаго, дав ему мысль и ведение о собственной Своей вечности, чтобы человек, сохраняя это сходство, никогда не удалял от себя представления о Боге, и не отступал от сожития со святыми, но, имея в себе благодать Подателя, имея и собственную свою силу от Отчаго Слова, был счастлив и собеседовал с Богом, живя невинною, подлинно блаженною и безсмертною, жизнию. Ни в чем не имея препятствия к ведению о Боге, человек, по чистоте своей, непрестанно созерцает Отчий образ, Бога-Слова, по образу Котораго и сотворен, приходит же в изумление, уразумевая Отчее чрез Слово о всем промышление, возносясь мыслию выше чувственнаго и выше всякаго телеснаго представления, силою ума своего касаясь божественнаго и мысленнаго на небесах. Когда ум человеческий не занят телесными предметами и не примешивается к нему со-вне возбуждаемое ими вожделение, но весь он горе и собран в себе самом, как было в начале: тогда, преступив за пределы чувственнаго и всего человеческаго, парит он в горних, и взирая на Слово видит в Нем Отца Слову, услаждаясь созерцанием Его и обновляясь в любви к Нему. Так и священныя Писания о первом сотворенном человеке, который на еврейском языке назван Адамом, говорят, что в начале с непостыдным дерзновением устремлен был он умом к Богу, и сожительствовал со Святыми в созерцании мысленнаго, какое имел в том месте, которое святый Моисей, в переносном смысле, наименовал раем (Быт. 2, 8). А к тому, чтобы видеть в себе Бога, достаточно душевной чистоты, как и Господь говорит: блажени чистии сердцем; яко тии Бога узрят (Матф. 5, 8).

3) Таким, по сказанному, Создатель соделал род человеческий, и желал, чтобы таким же и пребыл он. Но люди, вознерадев о совершеннейшем и поленившись постигнуть его, охотнее взыскали того, что ближе к ним; ближе же к ним были тело и телесныя чувства. Посему уклонили они ум свой от мысленнаго, начали же разсматривать самих себя. А разсматривая себя, занявшись телом и иными чувственными вещами, и обольщаясь этим, как своею собственностию, впали в самовожделение, предпочетши собственное созерцанию божественнаго, и закоснев в этом, не хотя оставить ближайшаго к ним, смятенную и возмущенную всякими вожделениями душу свою подавили плотскими удовольствиями; наконец же, забыли о своих силах, дарованных Богом в начале. Что это истинно, — можно видеть то и на первосозданном человеке, как говорят о нем священныя Писания. Пока ум его устремлен. был к Богу и к созерцанию Бога, — он отвращался от воззрения на тело. Когда же, по совету змия, оставил мысль о Боге и начал разсматривать себя самого; тогда впал в плотское вожделение. И уразумеша, яко нази беша (Быт. 3, 7), и уразумев, устыдились. Узнали же наготу свою не столько по недостатку одежд, но и потому, что совлеклись созерцания Божественнаго и обратили мысль к противоположному. Ибо, уклонившись от мысленнаго устремления к Единому и Сущему (разумею Бога) и от любви к Нему, вдались уже в

различныя и частныя пожелания тела. Потом, как обыкновенно бывает, допустив в себя вожделение каждой вещи и вдруг многих вещей, начали иметь привязанность и к самым вожделениям; а потому стали бояться оставить их.

Отсего произошли в душе и боязнь, и страх, и удовольствие, и мысли свойственныя смертному. Душа, не желая оставить вожделений, боится смерти и разлучения с телом; снова же вожделевая и не достигая подобнаго прежнему, научается убивать и делать неправду. А почему и это делает душа, — уместно будет объяснить это по мере сил.

4) Уклонившись от созерцания мысленнаго, употребляя во зло частныя телесныя силы, услаждаясь разсматриванием тела, замечая, что удовольствие для нея есть нечто доброе, душа в обольщении своем злоупотребила наименованием: доброе, и подумала, что удовольствие есть самое существенное добро; как и человек, помешавшийся в уме, просит меча на всякаго встречнаго, и думает о себе, что поступает в этом благоразумно. Полюбив же удовольствие, душа начала различными способами воспроизводить его; потому что, по природе будучи деятельною, хотя отвращается от добраго, однако же не прекращает своей деятельности, и потому обращает свою деятельность уже не на добродетель, и не на то, чтобы созерцать Бога, но остановясь мыслию на не-сущем, употребляет способности свои превратно, пользуясь ими для измышленных ею вожделений; ибо сотворена свободною, может как преклоняться на доброе, так и отвращаться от добраго; отвращаясь же от добраго, непременно останавливается мыслию на противном тому. Но не может вовсе прекратить свою деятельность, будучи, как сказано выше, деятельною по природе, и сознавая свободу свою, видит в себе способность употреблять телесные члены на то и на другое, и на сущее и на не-сущее. Сущее же — добро, а не сущее — зло. И сущее называю добром, поколику оно имеет для себя образцы в сущем Боге; а не-сущее называю злом, поколику не-сущее произведено человеческими примышлениями. Тело имеет у себя глаза, чтобы взирать на тварь и из примечаемаго в ней всестройнаго порядка познавать Создателя. У него есть слух для слышания Божиих словес и Божиих законов. У него есть руки для произведения ими необходимаго и для молитвеннаго воздеяния их к Богу. Но душа, уклонившись от созерцания того, что добро, и от обращения на то своей деятельности, в заблуждении своем обращает уже ее на противоположное. Потом, как сказано выше, усматривая свои способности и злоупотребляя ими, воображает, что может обратить и телесные члены на противоположное. Посему, вместо того, чтобы разсматривать тварь, обращает она глаз на вожделения, доказывая сим, что и это ей возможно; и думает, что, однажды устремив свою деятельность, сохраняет она свое достоинство и не погрешает, делая, что можно; не знает же, что сотворена не просто устремлять свою деятельность, но устремлять, на что должно. Посему-то и Апостольское

слово заповедует: вся леть суть, но не вся на пользу (1 Кор. 10, 23).

5) Но человеческая дерзость, имея в виду не то, что полезно и прилично, а что возможно, начала делать противоположное. Потому и руки подвигнув на противное, стала ими убивать, и слух употребила на преслушание, и иные члены, вместо законнаго чадородия, — на прелюбодеяния, и язык, вместо благохваления, — на хулы, злословие и ложныя клятвы, опять и руки — ка татьбу, и на то, чтоб бить подобных нам человеков, и обоняние — на разнообразие благовоний, возбуждающих к похотливости, и ноги — на скорость излияти кровь (Притч. 1, 16), и чрево — на пиянство и на пресыщение без меры.

Все же это — порок и душевный грех, и не иное что сему причиной, как отвращение от совершеннейшаго. Представь, что ездок, сев на коней на ристалище, не обратит внимания на цель, к которой ему должно направить свой бег, а поворотив в другую сторону, просто погонит коня, сколько может (а может он, сколько хочет); и иногда направит коней на встречных, а иногда погонит их по стремнине, несясь, куда увлекается быстротою коней, между тем как думает, что и при таком беге не минует цели, потому что в виду у него одна скорость езды, а не смотрит на то, что далеко он от цели. Так и душа, совратившись с пути к Богу, и сверх меры понуждая телесные члены, лучше же сказать, гоня с ними и себя, погрешает и делает себе зло, не примечая, что сбилась с дороги и удалилась от истинной цели, на которую взирая христоносный муж, блаженный Павел сказал: к преднамеренному теку, к почести выитяго звания Христа Иисуса (Фил. 3, 14). Так Святый, имея целию добро, никогда не делал зла.

6) Некоторые из эллинов, уклонясь с пути и не познав Христа, утверждали, что зло существует самостоятельно и само по себе: и в этом погрешают они по двум отношениям. Или Создателя лишают достояния быть Творцем сущаго. Ибо не будет Он Господом сущаго, если зло, как они говорят, само по себе имеет самостоятельность и сущность. Или опять, желая, чтобы Он был творцем всяческих, по необходимости делают Его и творцем зла; потому что, по словам их, и зло — в числе существ. А это окажется нелепым и невозможным; потому что зло не от добра, не в нем и не чрез него. Ибо не будет уже то и добром, чтб имеет смешанную природу или стало причиною зла.

И некоторые еретики, отпав от церковнаго учения и потерпев крушение в вере, в безумии своем приписывают также злу самостоятельность. Кроме же истиннаго Отца Христова, воображают себе иного бога, и сего нерожденнаго творца зла и виновника злобы признают и создателем твари. Но не трудно опровергнуть их божественным Писанием и тем же самым человеческим разумом, которым, измыслив сие, приводятся они в беснование. Так Господь и Спаситель наш Иисус Христос, подтверждая слова Моисеевы, что Господь Бог един есть (Втор. 6, 5),

говорит в Евангелии Своем: исповедаютися, Отче, Господи небесе и земли (Матф. 11, 25). Если же един Бог, и Он — Господь неба и земли; то как быть иному Богу, кроме Его? Где будет признаваемый ими бог, когда в целом обеме неба и земли все наполняется единым истинным Богом? И как иному быть творцем того, над чем Господь есть сам Бог и Отец Христов, по Спасителеву слову? Разве скажут, что злый может быть господом и принадлежащаго благому Богу, какбы в равновесии с Ним. Но если станут утверждать это, то смотри, в какое впадут нечестие. Между равномощными невозможно будет найдтись превосходнейшему и совершеннейшему. Ибо если без воли одного существует другое, то в обоих — равная сила, и в обоих — немощь; в обоих — равная сила, потому что бытием своим превозмогают изволение друг друга; и в обоих — немощь, потому что, когда не хотят они, против воли выходит дело; и благий существует против воли злаго, и злый — против воли благаго.

7) С другой стороны, можно сказать и сие. Если ви димыя вещи суть произведения злаго; — что будет произведением благаго? Ибо ничего не видим, кроме единой твари Создателя. Что же служит и признаком бытию благаго, когда нет Его произведений, по которым бы можно было познать Его? Ибо Создатель познается из дел. Да и вообще, как будут два существа противоположныя друг другу? Или что будет разделять их, чтобы существовали они одно вне другаго? Вместе им быть невозможно; потому что разрушительны одно для другаго; не могут же существовать и одно в другом, потому что не соединимо и не подобно естество их. Следовательно, разделяющим их окажется нечто третие; и оно будет также бог. Но неизвестным останется, к какому естеству принадлежит сие третие, к естеству ли добраго, или к естеству злаго; к естеству же того и другаго принадлежать ему невозможно.

Итак, поелику такая мысль их оказывается нетвердою, — необходимо просиять истине церковнаго ведения, а именно, что зло не от Бога и не в Боге, что его не было в начале, и нет у него какой либо сущности; но люди, с утратою представления о добре, сами себе, по своему произволу, стали примышлять и воображать несущее. Как смежающий глаза, когда солнце взошло и вся земля осиявается светом его, вымышляет себе тьму, хотя и нет тьмы, и потом ходит, блуждая как во тьме, не редко падая, приближаясь к стремнинам, сам же остается в той мысли, что нет света, а есть тьма; ибо думая, что смотрит глазами, вовсе ничего ими не видит: так и душа человеческая, смежив око, которым может созерцать Бога, измыслила себе злое, и на него обратив свою деятельность, не знает, что, представляя себя делающею нечто, ничего она не делает; потому что воображает не-сущее, и не такою уже остается, какою сотворена; но в какое смешение сама себя привела, такою и оказывается. Ибо сотворена была созерцать Бога и озаряться Им; она же, вместо Бога, взыскала тленнаго и тьмы, как негде и Дух говорит в писмени: Сотвори Бог человека праваго. И сии взыскаша помыслов многих (Еккл. 7, 30).

Так произошло и образовалось в начале изобретение и примышление зла людьми. Но нужно сказать уже и о том, как люди дошли до идолобесия. Из сего узнаешь, что изображение идолов было вовсе не от благаго, но от злобы. А что имеет худое начало, то, будучи всецело худо, никогда ни в чем не может быть признано добрым.

8) Душа человеческая, не удовольствовавшись примышлением зла, постепенно начала вдаваться еще в худшее. Познав различия удовольствий, утвердившись в забвении божественнаго, услаждаясь же телесными страстями, и имея в виду одно настоящее и уважение к нему, душа помыслила, что нет уже ничего, кроме видимаго, но одно преходящее и телесное — для нея добро. Совратившись же с пути, и забыв о себе, что сотворена по образу благаго Бога, не созерцает уже, при помощи данных ей сил, того Бога-Слова, по Которому и сотворена, но, став вне себя самой, останавливается мыслию на не-сущем и воображает его. И это какбы зерцало, в котором одном могла видеть Отчий образ, закрыв в себе множеством столпившихся телесных вожделений, не видит уже того, что должно умопредставлять душе, а носится повсюду и видит одно то, что подлежит чувству. Отсего, исполнившись всяких плотских вожделений, и смущаемая уважением к чувственному, наконец, того Бога, Котораго предала забвению в уме, воображает в телесном и чувственном, имя Божие присвоив видимому, и то одно прославляя, что ей кажется угодным и на что взирает она с приятностию. Итак, идолослужению предшествует зло как причина. Люди, научившись примышлять себе не сущее зло, вообразили себе также и не сущих богов. Представь, что погрузившийся в глубину не видит уже света и вещей, видимых при свете, потому что глаза его обращены вниз и над ним лежит глубокий слой воды; ощущая же одно то, что находится во глубине, думает он, что кроме сего нет уже ничего, а, напротив того, эти видимыя им вещи составляют все в собственном смысле существующее. Так и в древности обезумевшие люди, погрузившись в плотския пожелания и мечтания, предав забвению и понятие и мысль о Боге, при слабом своем разсудке, лучше же сказать, при отсутствии разума, видимыя вещи вообразили себе богами, прославляя тварь паче Творца, и обожая скорее произведения, нежели их виновника и создателя — Владыку Бога.

Но как, в приведенном выше примере, погружающиеся в глубину, чем более сходят вниз, тем в большую стремятся тьму и глубь; так было и с человеческим родом. Ибо не просто впали люди в идолослужение, и не остановились на том, с чего начали; но в какой мере закосневали в прежнем, в такой же изобретали себе новыя суеверия, и не зная сытости в прежних своих худых делах, пресыщались новыми, преуспевая в срамоте, далее и далее простирая свое нечестие. Об этом свидетельствует и божественное Писание, говоря: егда приидет нечестивый во глубину зол, нерадит (Притч. 18, 3).

9) Как скоро ум человеческий отступил от Бога, люди, ниспадая в понятиях и помыслах, прежде всего воздали божескую честь небу, солнцу, луне и звездам, подумав, что они — не только боги, но и виновники всего прочаго. Потом, еще ниже нисходя омраченными помыслами, наименовали богами эфир, воздух, и что в воздухе. Поступив же далее во зле, возвеличили уже богами стихии и начала телеснаго состава: теплоту, холод, сухость и влажность. И как совершенно упадшие влачатся по земле, подобно земляным улиткам, так злочестивейшие из людей, пав и унизившись в представлении о Боге, в число богов включили, наконец, людей и изображения людей, как еще живых, так уже и умерших. А возжелав еще худшаго и останавившись на том мыслию, божественное и премирное Божие имя перенесли уже на камни, на дерева, на пресмыкающихся в воде и на суше, и из безсловесных — на животных свирепых; им стали воздавать всякую божественную честь, отвратились же от истиннаго, действительно сущаго, Бога Отца Христова. И, о если бы хотя на этом остановилась дерзость неразумных, и не сквернили они себя б?льшим злочестием, простираясь еще далее! Ибо некоторые до того унизились мыслию и омрачились умом, что измыслили себе, и вместе обоготворили, даже то, что вовсе никогда не существовало, и чего не видно между сотворенными вещами. Смешав и разумное и безсловесное, сочетав между собою несходное по природе, кланяются они тому, как богам. Таковы у египтян боги с песьими, змеиными и ослиными головами, а у ливиян Аммон с головою овна. Иные же, взяв отдельно телесные члены: голову, плеча, руки, ноги, — каждый член включили в число богов, и стали обожать, как будто не довольствуясь поклонением целому телу в его совокупности. Другие простерли далее свое нечестие, и обоготворив то, что было предлогом к изобретению сих богов и к собственному их злонравию, то есть, сластолюбие и вожделение, — и сему кланяются. Таковы у них Эрот и Афродита в Пафосе. Другие же, как-бы соревнуя друг другу в худом, дерзнули причесть к богам своих государей и детей их, или из почтения к властвовавшим, или страшась их самоуправства; таковы в Крите пресловутый у них Зевс, в Аркадии — Гермес, у индов — Дионис, у египтян — Изида, Озирис и Ор. И ныне Антиноя, любимца римскаго царя Адриана, хотя знают, что он человек, и человек не благонравный, но весьма развратный, чтут, страшась того, кто дал о сем повеление. Ибо Адриан, находясь в Египте, когда умер служитель его сластолюбия Антиной, любя юношу и по смерти, повелел воздавать ему божескую честь; а тем и сам себя обличил, и вместе дал знать вообще об идолослужении, что не иначе изобретено оно у людей, как из вожделения к воображаемому. Об этом свидетельствует и Божия премудрость, говоря: начало блужения умышление идолов (Прем. 14, 12).

И не дивись тому, что говорю, не почитай сего превосходящим вероятие.

Не так давно бывало (а может быть, и до-ныне это соблюдается), что сенат римский о своих от начала бывших царях, или о всех, или о ком изволит и заблагоразсудит он, делал постановление: «быть им в числе богов»; и предписывал воздавать им божескую честь. Если которые ненавистны сенату, то объявляет он природу их, и как врагов именует людьми; а которые угодны ему, тем за доблестныя дела повелевает воздавать божескую честь, как будто сенаторы имеют власть делать богами, хотя сами они — люди, и не отрицают о себе, что они — смертные. А между тем надлежало бы, чтоб делающие других богами тем паче сами были боги; потому что творящее должно быть совершеннее творимаго; и кто судит, тот необходимо выше подсудимаго; и кто дает, тот, без сомнения, чем одаряет других, то и сам имеет; как и всякий царь, конечно, что имеет, то и дарит, и сам — лучше и выше приемлющих дар. Посему, если и они, о ком хотят, о тех и делают поставления: «быть им в числе богов»; то прежде самим бы им надлежало быть богами. Но это-то и достойно удивления, что они, умирая как люди, тем самым показывают лживость своего приговора о тех, которые обоготворены ими.

10) Но обычай этот не нов, и не в римском начался сенате, напротив же того, с давних времен получил начало и наперед замышлен с понятием об идолах. Ибо древние, пресловутые у эллинов, боги: Зевс, Посейдон, Аполлон, Гефест, Гермес, и — женскаго пола: Гера, Деметра, Афина, Артемида, удостоены именования богов по указам известнаго по истории у эллинов Фесея. И давшие указы, умирая, оплакиваются как люди; о ком же дали они указы, тем покланяются как богам. Какое противоречие и умоизступление! Зная давшаго указ, предпочитают ему тех, о ком дан указ.

И пусть бы еще идолобесие их ограничилось только мужами, и не перенесло божескаго именования и на женский пол! Ибо и женам, которых не безопасно принимать в общее совещание о делах, воздают божескую честь, и чтут их. Таковы те, которых, по сказанному выше, указано чтить Фесеем; у египтян же: Изида, Кора и Неотера, а у иных: Афродита; ибо имена других, как исполненныя всякаго позора, не почитаю позволительным и повторять.

Не только в древности, но и в наши времена, многие, утратив самых любимых ими братьев, сродников и жен, и жены, утратив мужей, — когда сама природа показала, что утраченные были смертные люди, — но по причине великой о них скорби, изобразив их на картине, и выдумав жертвы, поставили на показ, а жившие впоследствии, ради изображения и художникова искусства, стали таковым кланяться как богам, поступив вовсе неестественно. Ибо родители оплакивали изображенных на картине вовсе не как богов; а если бы признавали их богами, то не плакали бы о них, как об утраченных. Поелику они не признавали их не только богами, но даже и вовсе существующими; то изобразили их на

картине, чтобы, видя напоминаемое картиною, утешиться в их несуществовании. И сим-то безразсудные молятся как богам, и воздают им честь, подобающую истинному Богу! В Египте и до-ныне еще совершается плач об утрате Озириса, Ора, Тифона и других. Додонския утвари и кориванты в Крите доказывают, что Зевс не бог, а человек, и рожден плотоядным отцем. И удивительно то, что самый мудрый и много похваляемый у эллинов за то, что уразумел Бога, т. е. Платон, идет с Сократом в Пирей, поклониться изображению Артемиды, сделанному человеческим искусством!

11) О таковых и подобных этим изображениях идолобесия давно, и задолго прежде, научило Писание, говоря: Начало блужения умышление идолов: изобретение же их, тление живота. Ниже бо быша от начала, ниже будут во веки: тщеславием бо человеческим внидоша в мир, и сего ради краток их конец вменися. Горьким бо плачем сетуя отец скоро восхищеннаго чада образ сотворив, егоже тогда человека мертва, ныне яко жива почте; и предаде подручным тайны и жертвы: потом временем возмогший нечестивый обычай, аки закон храним бысть, и мучителей повелением почитаема бяху изваянная. Ихже бо в лице не могугце чествовати человецы далняго ради обитания, издалеча лице изобразивше, явный образ почитаемаго царя сотвориша, яко да отстоящаго аки близ сущаго ласкают с прилежанием. В продолжение же нечестия и не разумеющих понуди художниково искусство. Сей бо хотя угодити державствующему, произведе хитростию подобие на лучшее: множество же человек привлечено благообразием дела, прежде вмале чествованнаго человека, ныне в бога вмениша. И сие бысть житию в прельщение, яко или злоключению, или мучительству послуживше человецы, несообщно имя камению и древам обложиша (Прем. 14, 12-21).

Так, по свидетельству Писания, началось и произошло у людей изобретение идолов. Время уже представить тебе и обличение идолопоклонства, заимствовав доказательства не столько отвне, сколько из того, что сами язычники думают об идолах.

Если кто возьмет во внимание деяния так называемых ими богов (начну сперва с сего); то найдет, что они не только не суть боги, но даже гнуснейшие были из людей. Ибо каково видеть у стихотворцев описанныя распутства и непотребства Зевсовы? Каково слышать, что Зевс похищаеть Ганимеда, совершает тайныя прелюбодеяния, боится и мучится страхом, чтобы против воли его не были разорены троянския стены? Каково видеть, что он скорбит о смерти сына своего Сарпедона, хочет помочь ему и не может, что против него злоумышляют другие так называемые боги, именно: Афина, Гера и Посейдон, а ему помогают женщина Фетида и сторукий Эгеон; что Зевс преодолевается сластолюбием, раболепствует женщинам, и для них вдается в опасности, принимая на себя мечтательный вид безсловесных

животных, четвероногих и птиц; и что еще укрывают его от отцева злоумышления, Крон же, который сам обрезал отца, связан им? Посему, справедливо ли предполагать богом того, кто совершил такия черныя дела, каких общие римские законы не дозволяют делать и простым людям?

12) По обилию примеров напомню из многаго немногое: видя беззаконные и безнравственные поступки Зевса с Семелой, Ледой, Алкменой, Артемидой, Латоной, Майей, Европой, Данаей и Антиопой, или зная его безстыдное отношение к собственной сестре, которая была ему и сестрою и женою, кто не предал бы его поруганию и смертной казни? При том же, он не только прелюбодействовал, но и возводил в ряд богов своих детей, рожденных от прелюбодеяния, прикрывая видом обоготворения собственное беззаконие. Так сделались богами Дионис, Геракл, Диоскуры, Гермес, Персей и Сотейра.

Также, зная непримиримую между собою вражду так называемых богов в Илионе за эллинов и троян, кто не осудит их в безсилии, потому что из ревности друг к другу раздражали и людей? Или, зная, что Диомедом ранены Арей и Афродита, а Гераклом — Гера и преисподний, котораго называют адским богом, Персеем же — Дионис, Аркадом — Афина, что Гефест сринут и стал хромым, — кто не заключит худо об их природе, и не откажется утверждать, что они — боги? Слыша же, что подлежат они страданию и тлению, не признает ли их не более как людьми, и людьми немощными, и не станет ли скорее дивиться тем, которые наносили им раны, нежели им раненым?

Или видя прелюбодеяние Арея с Афродитой и Гефеста, устраивающаго ловушку для них обоих, видя также, что другие так-называемые боги, призванные Гефестом посмотреть на это прелюбодеяние, идут и смотрят на их безстыдство, кто не посмеялся бы и не признал бы их недостоинство? Или кто не посмеялся бы, видя бражничанье и дурачество Геракла с Омфалой?

Нет нужды и обличать с усилием сластолюбивые их поступки, превосходящие всякую меру любодейства, — также изваяние богов из золота, серебра, меди, железа, камней и дерева; потому что все это само в себе ненавистно и само собою показывает в себе признак заблуждения. А поэтому, жалеть наипаче должно о тех, которые вводятся этим в обман. Ненавидят они любодея, который приступает к женам их, но не стыдятся боготворить учителей любодейства; сами воздерживаясь от кровосмешения, они молятся тем, которые делают это; и признавая деторастление злом, они чтут тех, которые повинны в нем; и что по законам непозволительно у людей, то не стыдятся приписывать так называемым богам своим.

13) Притом, кланяющиеся камням и деревам не примечают, что ногами

они попирают и жгут подобныя вещи, а часть тех же вещей именуют богами. Что не задолго прежде употребляли на свои нужды, то самое, сделав из сего изваяние, в безумии своем чествуют, вовсе не примечая и не разсуждая, что кланяются не богам, но искусству ваятеля. Пока не обтесан еще камень и не обделано вещество, — до тех пор попирают их, и пользуются ими на потребы свои, часто и низкия; а когда художник, по науке своей, приведет их в соразмерность и напечатлеет на веществе образ мужа или жены; тогда, свидетельствуя благодарность свою художнику, и купив их у ваятеля за деньги, кланяются уже им как богам. Не редко же и сам делатель истуканов, какбы забыв, что им они сработаны, молится собственным своим произведениям, и что недавно обтесывал и обрубал, то, по искусственной обделке, именует богами. Ежели бы и следовало удивляться чему в истуканах; то надлежало бы похвалить художество искусника, и сделавшему не предпочитать того, что сделано им; потому что не веществом украшено и обоготворено искусство, но искусством — вещество. Посему гораздо было бы справедливее, чтоб кланялись они художнику, а не произведениям его; потому что он был еще прежде сделанных искусством богов, и как ему хотелось, так и сделаны они. Теперь же, отринув справедливое, не уважив науки и искусства, кланяются тому, что сделано по науке и искусству. И когда сделавший человек умирает, — его произведения чествуют, как нечто безсмертное, хотя они, если бы не прилагать о них ежедневнаго попечения, без сомнения, по природе своей, уничтожились бы со временем.

Как же не пожалеть о них и по той причине, что, сами видя, кланяются не видящим; сами слыша, возсылают мольбы к неслышащим; сами по природе — одушевленные и разумные люди, именуют же богами вовсе не движущихся и не-одушевленных? Удивительно также, что сами их охраняют, имея у себя под властию, и служат им, как владыкам! И не подумай, что говорю это без основания или лгу на них. Достоверность этого сама собою падает в глаза; и всякому желающему можно видеть это.

14) Но лучшее об этом свидетельство находится в божественном Писании, которое издревле учит и говорит: Идоли язык сребро и злато, дела рук человеческих: очи имут, и не узрят: уста имут, и не возглаголют: ушы имут, и не услышат: ноздри имут, и не обоняют: руце имут, и не осяжут: нозе имут, и не пойдут: не возгласят гортанем своим. Подобни им да будут творящии я (Псал. 113, 12. 16). Согласна с этим и пророческая укоризна; в том же и Пророки обличают идолов, когда Дух говорит: Посрамятся созидающии Бога, и ваяющии вси суетная. И вси, отнюдуже быша, изсхоша: и глусии от человек да соберутся вси, и да станут вкупе: и да посрамятся, и устыдятся вкут. Яко наостри древоделатель сечиво, теслою содела оное, и свердлом сострои е, и состави е крепостию мышцы своея: и взалчет, и изноможет, и не напиется воды. Древо бо избрав древоделя, постави е в меру, и клеем

сострои е, и сотвори е яко образ мужеск, и аки красоту человечю, поставити е в дому. Посече древо вь дубраве, еже насади Господь, и дождь возрасти, да будет человеком на жжение, и взяв от него, согреся, и изжегше я, испекоша им хлебы, из оставшаго же сотвориша боги, и покланяются им. Пол его сожгоша огнем, и и на пол его, испече мясо, и яде, и насытися, и согревся, рече: сладко мне, яко согрехся, и видех огнь. Оставшему же покланяется, глаголя: избави мя, яко бог мой еси ты. Не уведаша смыслити, яко отемнеша очи их, еже видети, и разумети сердцем своим. И не помысли в сердце своем, ни помысли в душе своей, ни уведе смышлением, яко пол его сожже огнем, и испече на углиях его хлебы, и испек мяса снеде, и оставшее его в мерзость сотвори, и покланяются ему. Уведите, яко пепел есть сердце их, и прельщаются, и ни един может души своея избавити: видите, не рцыте яко лжа в деснице моей (Исаи. 44, 10-20). Как же не признать всякому безбожными тех, кого и божественное Писание обвиняет в нечестии? Не злосчастны ли — так явно обличаемые в том, что вместо истины служаг вещам неодушевленным? Какая у них надежда? Или какое будет извинение возложившим упование на тварей безсловесных и не имеющих движения, которых чествуют они вместо истиннаго Бога?

15) Пусть художник соорудил бы им богов, не придавая никакого образа, чтоб не иметь им явнаго обличения в несмысленности! Скрыли бы они от людей простых и возможность предположения, что идолы чувствуют, если бы у идолов не было указания на чувства, как то: глаз, ноздрей, ушей, рук, уст, остающихся в бездействии, так что не могут воспользоваться чувством и насладиться чувствуемым. Теперь же, имея их, вместе и не имеют; стоя, не стоят, сидя, не сидят; потому что не действуют ими; но какое положение захотел дать им соорудитель, в таком и пребывают неподвижно, не представляя в себе ни одного признака божественности, но оставаясь совершенно неодушевленными, и только от искусства человеческаго приявшими свой вид.

Пусть также провозвестники и провещатели таковых лжебогов (разумею стихотворцев и бытописателей) просто написали бы, что они — боги, а не описывали бы их деяний в обличение небожественности и срамнаго жития! Одним именем Божества могли бы они скрыть истину, лучше же сказать, отвратить многих от истины. Теперь же, повествуя о любодеяниях и непотребствах Зевсовых, о деторастлении других богов, о сладострастной похотливости на женский пол, о страхе и робости и об иных пороках, не иное что делают, как изобличают самих себя, что не только не о богах они повествуют, но даже слагают свои басни не о честных, а о гнусных и далеких от совершенства, людях.

16) Но, может быть, злочестивые прибегнут в этом случае к свойству стихотворцев, говоря, что отличительная черта стихотворцев изображать не-существующее, и лгать, слагая басни в удовольствие слушателей. Посему-то скажут, сложили они басни и о богах. Но предлог

этот всего более для них ненадежен, как докажется это тем самым мнением, какое имеют и предлагают они о богах. Ибо, если у стихотворцев все — вымыслы и ложь, то ложно будет и самое именование, когда говорится о Зевсе, Кроне, Гере, Арее и о других. Может быть, как говорят они, вымышлены и имена, и вовсе нет ни Зевса, ни Крона, ни Арея; стихотворцы же на обольщение слушателей изображают их, как существующих. Но если стихотворцами вымышлены боги, которых нет; то почему же покланяются им, как существующим? Или, может быть, скажут еще, что имена стихотворцами не вымышлены, деяния же приписаны богам ложно. Но и это не более надежно к их оправданию. Ибо если солганы ими деяния, то, без сомнения, солганы и имена тех, чьи деяния описывались. Или, если соблюдена ими истина в именах, то по необходимости соблюдена и в деяниях. С другой стороны, сложившие баснь, что они боги, верно знали, что и делать должно богам, и не стали бы приписывать богам человеческих понятий; как действий огня никто не припишет воде, потому что огонь жжет, а вода, напротив, в сущности холодна. Посему, если деяния достойны богов, то и деятели будут боги. Если же людям, и людям злонравным, свойственно прелюбодействовать и делать все выше изчисленное; то и делавшие это будут люди, а не боги; потому что сущность и деяния должны быть соответственны между собою, чтобы образ действования свидетельствовал о том, кто действовал, и по сущности познавалось деяние.

Св. Ипполит Римский. "Слово о Христе и антихристе"

Так как ты усердно желал знать (ниже) предложенные тебе от меня главы, возлюбленный мой брат Феофил, то я счел благопотребным, обильно почерпая, как от священного источника, от самого священного писания, представить очам твоим то, о чем вопрошаешь, дабы ты, не только слухом уха прияв сие, возрадовался, но по сим, исследовав самые вещи, за все мог прославить Бога.

Да будет тебе сие от нас безбедным напутствием в настоящей жизни, дабы ты для многих неудобопознаваемое и неудобопринимаемое, взяв из готового слова, посеял на пространство твоего сердца как бы на тучной и чистой земле. Сим ты посрамишь и противящихся и противоглаголющих спасительному слову. Но смотри, не передавай сих слов неверным и хульникам (не малая будет опасность), но сообщай их благочестивым и верным человекам, хотящим жить свято и праведно, со страхом. Не напрасно блаженный апостол, поучая Тимофея, говорит: о Тимофее, предание сохрани, уклонялся скверных суесловий и прекословий лжеименного разума, о нем же нецыи хвалящиеся о вере

погрешиша (1 Тим. 6, 20, 21). И еще: ты убо, чадо мое, возмогай во благодати, яже о Христе Иисусе, и яже слышал еси от мене многими свидетели, сия предаждь верным человеком, иже довольни будут иных научити (2 Тим. 2, 1, 2). Итак, если блаженный апостол с осторожностью передавал то, что не всем можно было знать, провидя духом, что не всех есть вера (2 Сол. 3,2), сколь большей опасности подвергаемся мы, если нерассудительно и как случится будем передавать словеса Божий нечестивым и недостойным людям.

2. Блаженные пророки были для нас очами, поколику презирали верою тайны Слова, которые послужили и после бывшим родам, говорили не только о прошедшем, но и о настоящем, и возвещали будущее, чтобы пророк не являлся только пророком для своего времени, но, предрекая будущее для всех родов, был признаваем действительно за пророка. Ибо сии отцы, уготованные духом пророческим и достойно почитаемые от Самого Слова, наподобие музыкальных органов в себе заключенные, имели в себе всегда Слово, как ударяющее орудие, – и движимые им пророки возвещали то, что было угодно Богу. Не своею силою они говорили (не обманывайся), и не то, что сами хотели, возвещали другим (2 Петр. 1, 21), но во-первых, прямо были умудряемы Словом, потом в видениях хорошо преднаучаемы о будущем, и таким образом с твердою уверенностью говорили то, что им одним открыто было от Бога. Иначе как бы пророк мог именоваться пророком, если бы духом не провидел будущего? Если бы о чем прошедшем говорил пророк, то не был бы пророком, говоря о том, что у всех находится пред глазами; но возвещающий будущее по справедливости нарицается пророком, посему благоразумно пророки издревле называются видящими (1 Цар. 9, 9 и 1 Цар. 29, 29). Потому и мы, хорошо изучивши их предсказания, говорим не от своего собственно измышления и не позволяем себе другими новыми словами заменять древле сказанное пророками, коих писания, предлагая (в церкви), читаем могущим право веровать: поелику отсюда бывает общая для тех и других польза: для говорящего та, что он, удерживая в памяти предлагаемое, правильно изъясняет оное, а для слушающего та, что он прилагает ум свой к тому, что говорится. Итак когда и теперь предлежит общий нам обоим труд, – говорящему безошибочно передать, а слушающему, верно услышав, принять предлагаемое, то прошу тебя вместе со мною вознести о сем молитву Богу.

3. Ты желаешь знать: как же древле блаженным пророкам открывало Себя Слово Божие, которое есть Сын Божий, древле именуемый Словом? Именно так, что Слово чрез всех святых показывает свое милосердие и нелицеприятие, просвещая их и направляя, как опытный врач, к тому, что для нас спасительно, потому что Оно знает человеческую немощь. Неверующих Оно старается научить, заблуждающихся обращает на истинный путь Свой, теми, кои с верою ищут Его, легко обретается, а коли с светлым взором и чистым сердцем

усильно желают стучать в дверь, тотчас отверзает ее (Мф. 7, 7, 8). Никого из Своих рабов не отверзает Оно, как недостойного божественных тайн, не предпочитает богатого бедному, ни уничижая бедного за его скудость, ни порицая варвара, ни отлучая скопца, как не человека, ни ненавидя жены, за ее вначале бывшее преслушание, но всех приемлет и всех желает спасти, всех хочет сделать сынами Божиими и всех святых призывает в единого совершенного человека. Ибо едино есть Слово и Сын Божий, чрез которое и мы, получив возрождение Духом Святым, все желаем прийти в единого совершенного и небесного человека (Ефес. 4, 13).

4. Поелику Слово Божие было бесплотно, но Оно облеклось в святую плоть от Святой Девы, как жених, искав Себе одежду в крестном страдании, дабы, растворив смертное наше тело Его силою и смешав тленное с нетленным, немощное с сильным, спасти гибнущего человека.

Таким образом крест, на котором совершалось страдание Господа, есть ткацкий стан, основа на нем – сила Духа Святаго, уток – святая плоть, сотканная Духом, ниченки – благодать, любовию Христовою скрепляющая и соединяющая то и другое воедино, челноки – Слово, а трудящиеся ткачи – патриархи и пророки, исткавшие Христу красивый подир и совершенный хитон: проходя чрез (ряд) их, Слово, как челнок, ткет то, что хочет Отец.

5. Но как время уже нам приступить к самому предмету нашему, так довольно того, что доселе в предисловии сказано во славу Божию, то прилично нам теперь, взявши священное писание, показать из него: что такое и каково будет пришествие антихриста? в какое время и в каких годах явится сей беззаконник? откуда он будет и из какого племени и какое его имя, числом (букв) указываемое в писании? каким образом произведет он в людях обольщение, собрав их от конец земли? как воздвигнет скорбь и гонение на святых и будет величать себя, как Бога? каков будет конец его? каким образом следует с небес явление Господа, и как сгорит весь мир? каково будет славное и небесное царство святых, царствующих со Христом, и каково будет мучение в огне нечистых?

6. Господь Иисус Христос Бог, по царскому достоинству Своему и славе, предсказан был как лев (Апок. 5, 5); подобным образом антихриста священное писание предъявило львом, по его тиранству и насилию. И по всему имеет уподобиться сей обольститель Сыну Божию. Лев Христос, лев и антихрист; царь Христос (Иоан. 18, 37), царь и антихрист; Спаситель показал Себя агнцем (Иоан. 1, 29), подобным образом и он явится, как агнец, будучи внутри волком (Мф. 7, 15). В обрезании пришел Спаситель в мир, так и он придет; Господь послал апостолов во все языки, подобным образом пошлет и он лжеапостолов. Спаситель собрал расточенные овцы (Иоан. 11, 52), и он также соберет расточенный народ. Господь дал печать верующим в Него, и он также

даст; в образе человеческом явился Спаситель, и он придет в образе человека. Спаситель воздвиг (от смерти) и показал святую плоть Свою, как храм (Иоан. 2, 19), и он воздвигнет в Иерусалиме каменный храм. Обольстительные хитрости его мы покажем далее, а теперь обратимся к рассмотрению того, что следует.

7. Блаженный Иаков, в благословениях своих предвозвещая о Господе и Спасителе нашем, говорит так: Иудо, тебе похвалят братия твоя: руце твои на плещу враг твоих: поклонятся тебе сынове отца твоего. Скимен львов Иуда: от леторасли, сыне мой, возшел еси: возлег, уснул еси яко лев, и яко скимен: кто возбудет его? Не оскудеет князь от Иуды, и вождь от чресл его, дондеже приидут отложенная ему: и той чаяние языков. Привязуяй к лозе жребя свое, и к винничию жребца осляте своего: исперет вином одежду свою, и кровию гроздие одеяние свое. Радостотворны очи его паче вина, и белы зубы его паче млека (Быт. 49,8-12).

8. Я мог передать тебе это другими словами, однако рассудил предложить самый текст; но как слова его требуют объяснения, то я не оставлю и этого. Подлинно это слова божественные и славные, могущие принести пользу душе. Скимном Львовым назвал пророк Христа, происшедшего по плоти от Иуды и Давида, не от семени, однако, Давидова родившегося, но зачатого от Святаго Духа, тогда как происходил от святой отрасли – от земли. Ибо Исаия говорит: изыдет жезл из корене Иессеова, и цвет от корене его взыдет (Ис. 11,1). Этот, названный Исаиею цвет, Иаков назвал отраслью. Ибо сперва Он как отрасль возник, потом процвел в мире. А когда говорится: возлег, уснул еси яко лев и яко скимен, то сим показывается тридневное успение Христа, как и Исаия говорит: како бысть блудница град верный, Сион полн суда? в нем же правда почиваше, ныне же в нем убийцы (Ис. 1,21). Подобно и Давид: аз уснух и спах; возстах, яко Господь заступит мя (Пс. 3, 6), показуя в этом изречении и успение Его и последовавшее восстание. А Иаков говорит: кто возбудит его? То-есть говорит то же самое, что и Давид, как и Павел: и Богом Отцем воскресившим Его из мертвых (Гал. 1, 1).

9. Когда говорит: не оскудеет князь от Иуды и вождь от чресл его, дондеже приидут отложенная ему: и той чаяние языков, то показывает пророчество, исполнившееся на Христе. Ибо Он есть наше чаяние: мы чаем Его и верою нашею видим грядущего с небеси в силе.

10. Привязуяй к лозе жребя свое, то-есть людей сущих от обрезания к званию своему, ибо Сам был лоза (Иоан. 15, 1). И к винничию жребца осляте своего, – людей из язычников, призывая обрезание в одну веру.

11. Исперет вином одежду свою – разумеет благодать Святаго Духа, от Отца нисшедшую на Иордани. И кровию гроздия одеяние свое, – кровию

какого гроздия, как не своей плоти, подобно виноградной кисти, выжатой на древе? Из ребра ее исторглись два источника – воды и крови: ими омываясь, очищаются народы, которые Он считает Своею одеждою.

12. Радостотворны очи его паче вина. Какие у Христа очи, как не блаженные пророки? Они, провидя Духом и провозвещая имеющие быть Ему страдания, видя Его при этой силе духовными очами, радовались (Иоан. 8, 56), будучи совершаемы самим Словом и Его благодатию.

13. Словами: и былы зубы его паче млека означает исходящие из святых уст Христовых заповеди, чистые как млеко.

14. Итак, когда Христа провозгласило писание львом и скимном Львовым, то подобное сказано и об антихристе. Моисей говорит так: Дан, скимен львов, и изскочит от Васана (Втор. 33, 22). Но дабы кто не погрешил, думая, что это слово сказано о Спасителе, пусть обратит на него внимание. Дан, говорит, скимен львов; назвав колено Даново, объявляет, что из него имеет родиться антихрист. Ибо как от колена Иудова рождается Христос, так от колена Данова родится антихрист. А что это так – Иаков говорит: да будет Дан змий, на земли седяй, угрызая пяту конску (Быт. 49, 17). Какой же это змий, как не антихрист, обольститель, о котором говорится в книге Бытия (3, 1), обольстивший Еву и запнувший Адама? Но как это надобно доказать еще многими свидетельствами, то мы от сего и не отказываемся.

15. Что действительно от Данова колена имеет родиться и восстать тиран и царь, судия ужасный, сын дьявола, об этом говорит пророк: Дан судиши имать люди своя, яко и едино племя во Израили (Быт. 49, 16). Но возразит кто-нибудь, что это сказано о Сампсоне, который, родившись от колена Данова, судит народ двадцать лет. Это сбылось на Сампсоне только отчасти, и вполне сбудется на антихристе. Ибо Иеремия говорит: от Дана услышим глас ржания коней его: от гласа ржания яждения коней потрясеся вся земля (Иер. 8, 16). Говорит и другой пророк: соберет всю силу свою от востока солнца до запада, те, коих звал и коих не звал, пойдут с ним. Море он сделает белым от множества парусов на кораблях, и поле сделает черным от больших щитов тяжело вооруженной пехоты, и всякий, кто встретится с ним на брани, падет мечом. Что это сказано не о ком-либо другом, а об оном тиране бесстыдном и богопротивном, покажем ниже.

16. И Исаия говорит так: и будет, егда скончает Господь вся творя в горе Сионе и во Иерусалиме, наведет на ум великий, на князя Ассирийска, и на высоту славы очию его. Рече бо: крепостию сотворю и премудростию разума отъиму, пределы языков и силу их пленю. И сотрясу грады населенныя, и вселенную всю обьиму рукою моею, яко гнездо и яко оставленная яйца возьму; и несть, иже убежит мене или противу мнеречет: и не тако. Но послет Господь Бог Саваоф на твою честь

безчестие и на твою славу огнь горя возгордится. И будет свет Израилев во огнь, и освятит его огнем горящим, и поястяко сено вещество (Ис. 10, 12-14, 16, 17).

17. Также и в другом месте: како проста истязуяй, и како преста понуждаяй? Сокруши Бог ярем князей грешников, поразив язык яростию и язвою неисцельною, поражая язвою неисцельною, чюже не пощади, почи уповающи. Вся земля вопиет с веселием, и древа Ливанова возвеселишася о тебе и кедр Ливанский: отнеле же ты уснул еси, не взыде посекаяй нас. Ад доле огорчися, срет тя, возсташа с тобою еси исполина, обладавшие землею властители от престолов своих, все цари язычески, еси вкупе отвещают и рекут: и ты пленен еси, якоже и мы, и в нас вменен еси. Сниде в землю слава твоя, многое веселие твое: под тобою поселют гнилость, и покров твой червь. Как спаде с небесе денница, восходящая заутра? сокрушися на земли посылаяй ко всем языком. Ты же рекл еси во уме твоем: на небо взыду, выше звезд небесных поставлю престол мой, сяду на горах высоких яже к северу, взыду выше облак, буду подобен Вышнему. Ныне же во ад снидите, и во основания земли. Видевший тя удивятся о тебе и рекут: сей человек раздражаяй землю, потрясаяй цари, положивый вселенную всю пусту и грады разсыпа, пленых не разреши. Вси цари языков успоша в чести кийждо в дому своем. Ты же повержен будеши в горах, яко мертвец мерзкие со многими мертвецы, изсеченными мечем, исходящими во ад. Якоже риза в крови намочена не будет чиста, такожде и ты не будеши чист: зане землю мою погубил еси и люди моя избил еси. Не пребудеши в вечное время, семя злое: уготови чада твоя на убиение грехами отца твоего, да не возстанут и не наследят землю мою (Ис. 14, 4-22).

18. Подобным образом и Иезекииль говорит о нем так: сия глаголет Господь Бог; понеже вознесеся сердце твое, и рекл еси: аз семь Бог, в селение Божие вселихся в сердце мерстем: ты же человек еси, а не Бог и положил еси сердце твое, яко сердце Божие. Еда премудрее ты еси Даниила? премудрии не наказаша тебя хитростию своею. Еда хитростию твоею или смыслом твоим сотворил еси себе силу, и сребро и злато в сокровищах твоих? Или во мнозей хитрости твоей и в купле твоей умножил еси силу твою? вознесеся сердце твое в силе твоей. Того ради сия глаголет Господь Бог: понеже дал еси сердце свое, яко сердце Божие, вместо сего се Аз наведу на тя чуждыя губители от языка, и извлекут мечи своя на тя и на доброту хитрости твоя, и постелют доброту твою в погубление, и сведут тя, и умреми смертию язвенных в сердце мерстем. Егда речеши глаголя пред убивающим тя: Бог семь аз? ты же человек еси, а не Бог в руце убивающих тя. Смертми необрезанных умреши в руках чуждых: яко Аз реках, глаголет Господь (Иезек. 28,2-10).

19. По изложений сих слов, посмотрим частнее, что говорит Даниил в видениях. Он, говоря раздельно о имеющих быть затем царствах,

показал в последних временах и пришествие антихриста и кончину сего мира. Он говорит, объясняя видение Навуходоносорово: ты, царю, видел еси: и се тело велико, стоящее пред лицем твоим, егоже глава от злата чиста, мышцы его и раме серебрены, чрево и стегна медяны, голени железны, ног часть убо некая железна и часть некая скудельна. Видел еси, дондеже отторжеся камень без рук, и удара тело в нози железна и скудельны, и истни их до конца. Тогда сотрошася вкупе скудель, железо, медь, сребро и злато, и бысть яко прах от гумна летня: и взят я премногий ветер, и место не обретеся им, камень же, поразивый тело, бысть гора велика и наполни всю землю (Дан. 2, 31-35).

20. Присовокупляя к сему и собственные видения Данииловы, тому и другому сделаем одно объяснение, показывая, как они между собою согласны и истинны. Он говорит так: аз Даниил видех, и се четыре ветри небеснии налегоша на море великое, и четыре звери велицыи исхождаху из моря, различны между собою. Первый аки львица, и криле его аки орли: зрях, дондеже исторжена была крыла его, и воздвижеся от земли и на ногу человечу ста, и сердце человече дадеся ему. И се зверь вторый подобен медведице, и на стране единой ста, и три ребра во устех его. Видех, и се зверь, аки рысь, тому же крила четыре птичия над ним, и четыре главы зверю. Созади сего видех, и се зверь четвертый страшен и ужасен и крепок излиха; зубы же его железни и ногти его медяны, ядый и истончевая, останки же ногами своими попираше, той же различаяся излиха паче всех зверей прежних: и рогов десять ему. Разсмотрех в розех его, и се рог другий мал взыде среде их, и трие розе преднии его исторгнушася от лица его: и се очи аки человечи в розе том и уста глаголюща великая (Дан. 7, 2-8).

21. Зрях дондеже престолы поставишася, и Ветхий денми седе, и одежда его бела аки снег, и власы главы его аки волны чиста, престол его пламень огненный, колеса его огнь палящ. Река огненная течаше пред ним: тысяча тысящ служаху ему, и тмы тем предстояху ему: судити седе, и книги отверзошася. Видех тогда от гласа словес великих, яже рог оный глаголаше, дондеже убися зверь и погибе, и тело его дадеся в сожжение огненное, и прочих зверей преставися власть (Дан. 7, 9-12).

Видех во сне нощию, и ев на облацех небесных, яко Сын чеповечь идый бяше и даже во Ветхого денми дойде, и пред него приведеся: и тому дадеся власть и честь и царство, и вси людие, племена и языцы тому поработают: власть его власть вечная, яже не прейдет, и царство его не рассыплется (Дан. 7, 13-14).

22. Поелику же некоторым это таинство сказанное кажется неудобопонятным, то ничего мы не скроем нужного к уразумению для имеющих здравый ум. Сказавши о львице, выходящей из моря, пророк означил вавилонское царство в мире, равно как и тем, что у онаго тела глава была златая. Тем что криле у львицы аки орли, означается, что

возвысился царь вавилонский и вознесся против Бога. А что криле ея были исторжены, значит, что слава у него была отнята: ибо он был изгнан из царства своего. А словами: и сердце человека дадеся ему и на ногу человечу ста, показывается, что он раскаялся, познав себя, что он человек, и воздал славу Богу.

23. После львицы видел второго зверя, подобного медведице: это были персы, ибо после вавилонян владычествовали персы. Словами: три ребра во устех его – показывает трех народов: персов, мидян и вавилонян; то же показывает в (виденном) теле после золота упоминаемое серебро. Потом третий зверь – рысь: это были эллины. Ибо после персов принял власть Александр Македонский, победивший Дария: он в теле означается медью. Замечая, что у него четыре крила птичия (и четыре главы), очевидно указывает, как разделится царство Александрове: ибо в четырех главах разумеет четырех царей, восставших из него, так как Александр, умирая, разделил свое царство на четыре части.

25. Потом говорит: зверь четвертый страшен и ужасен: зубы его железны и ногти его медяны.

Кто это как не римляне? Это есть железо – стоящее ныне царство (Римское): ибо голени его железны. После сего остается (объяснить) нам ступни ног в теле, в коих часть некая железна и часть глиняна, смешанные между собою. Чрез пальцы ног его пророк таинственно показал царей, имеющих возстать из него, о чем говорит Даниил: разсмотрех зверь того, и се десять рогов позади его, в них же взыде другий малый рог, как отрасль, и три рози преднии его исторгнет. Сим показывается не кто другой, как антихрист, который также восстановит царство Иудейское. Три рога, говорит, будут исторгнуты им: это три царя: египетский, ливийский и эфиопский, которых он убьет на войне в сражении (слич. Дан 11,43). И сильно завладев всем, он, будучи жестокий тиран, воздвигнет скорбь и гонение на людей, над коими вознесется. Ибо Даниил говорит: зрях в розе том, и се рог твой творяше брань со святыми, и укрепися на них дондеже убися зверь и погибе и тело его дадеся в сожжение огненное (Дан. 7,21, 11).

26. Спустя немного, придет с небес Камень, поразивший тело и сокрушивший оное, представивший все царства и давший царство святым Вышняго. Он сделался в гору великую, и наполнил всю землю, о нем говорит Даниил: видех во сне нощию, и на облацех небесных яко Сын человечь идый бяше, и даже до Ветхого денми дойде и пред него приведеся: и тому дадеся власть и честь и царство и всu людие, племена и языцы тому поработают: власть его власть вечная, яже не прейдет, и царство его не рассыплется (Дан. 7, 13, 14). Показывает власть, данную Отцом Сыну (Мф. 28, 18), который поставлен царем небесных, земных и преисподних (Филип. 2, 10) и судиею всех.

Небесных потому, что Слово Отца существовало прежде всех, земных – потому, что Оно родилось человеком в человеках, обновляя Собою Адама, преисподних – потому, что Оно в мертвых вменилось, благовествуя душам святых (1 Петр. 3, 19) и смертию Своею побеждая смерть.

27. Когда же сбудется то, что и десять пальцев (у ног) истукана образуются в народные державы, и десять рогов четвертого зверя разделятся на десять царств: тогда яснее увидели бы мы все вышеуказанное и усмотрели бы это наглядно.

28. Глава тела златая и (по другому видению) львица были вавилоняне; плеча и мышцы сребряные и медведица – персы и мидяне; чрево и стегна медные и рысь – эллины, приявшие власть со времен Александра; голени железные и зверь страшный и ужасный – римляне, ныне обладающие; ступни ног из глины и железа и десять рогов означали имеющие быть (царства); рог один малый, возникающий в них – антихрист; камень, поражающий (тело и наполняющий) землю и несущий суд миру – Христос.

29. Сие тебе, возлюбленный, предаем со страхом, но благосклонно, по избыточествующей любви Христовой. Ибо если бывшие прежде нас блаженные пророки, видя это, не хотели проповедывать открыто, дабы не возмутить душ человеческих, но излагали таинственно в притчах и гаданиях, говоря: зде ум, иже имать мудрость (Апок. 17, 9): то сколько более подвергаемся опасности мы, дерзая говорить явно, сказанное ими втайне? Посмотрим теперь, что, наконец, имеет случиться над сею нечистою (римскою) блудницею, какое и коликою по гневу Божию будет ей прежде (всеобщего) суда частное мучение?

30. Прииди, блаженный Исаия, возстани, скажи ясно то, что ты пророчествовал о великом Вавилоне. Ибо ты сказал и о Иерусалиме, и это сбылось. Ты сказал о нем ясно: земля ваша пуста, града ваши огнем пожжена, страну вашу пред вами чуждии поядают, и опусте низвращена от людей чуждих. Оставится дщерь Сиона, яко куща в винограде, и яко овощное хранилище в вертограде, яко град воюемый (Ис. 1, 7, 8). Что же? не сбылось ли уже это? не исполнилось ли сказанное тобою? не опустошена ли их Иудейская земля? не сожжено ли святилище? не ниспровергнуты ли их стены? не разорены ли города? не чуждые ли поядают страну? не римляне ли обладают землею? И вот нечестивые, возненавидев тебя, распилили, равно и Христа распяли. Умер ты в мире, но теперь живешь во Христе.

31. Кого же из вас более возлюблю, тебя ли? но и Иеремия камением побивается. Если более Иеремию, то и Даниил свидетельствует мученически. Даниил, – больше всех похвалю тебя; но и Иоанн не лжет. Какими устами и языком прославляю вас, паче же говорившее в вас

Слово? Умерли вы со Христом, но и оживете со Христом. Послушайте и возрадуйтесь: вот сказанное вами по времени сбылось. Вы видели это сперва и возвестили потом всем родам, словесами Божиими послужили всем родам. Вы наречены пророками, дабы могли спасти всех. Ибо тогда подлинно пророк (является пророком), когда, предвозвестивши будущее, наконец покажет это исполнившимся. Вы были ученики доброго Учителя. Сие по достоинству возглашаю вам, как живым: ибо вы уже имеете соблюдаемый вам на небесах венец жизни нетления (2 Тим. 4,8).

32. Скажи мне, блаженный Даниил, уверь меня, прошу. Ты пророчествуешь о львице в Вавилоне, ибо был там пленником; открываешь будущее о медведице: ты тогда еще жил в мире и видел это исполнившимся. Потом говоришь мне о рыси: и откуда тебе это знать? ибо тогда ты уже почил. Кто научил тебя сказать сие, как не Создавший тебя во чреве матери (слич. Иерем. 1, 5)? Бог, говоришь. Ты сказал и не солгал: восстала рысь (Дан. 7,6), пришел козел козий, поразил овна, сокрушил его рога, попрал его ногами, вознесся в падении его, восстали четыре рога под ним (Дан. 8,2-8). Возрадуйся, блаженный Данииле: ты не погрешил, – сбылось все это.

33. После сего еще поведай мне о четвертом звере, страшном и ужасном: зубы его железны и ногти его медяни, ядый и истончевая, останки же ногами своими попираше. Подлинно ныне господствует это железо, вот оно смиряет и утончивает все, вот всех невольно покоряет себе. Это мы видим теперь, и теперь тобою наученные прославляем Бога.

34. Но поелику у нас было намерение сказать о блуднице (слич. глав. 29), то приди, блаженный Исаия, послушаем мы, что ты говоришь о Вавилоне. Сниди, сяди на землю дево, дщи Вавилоня, сяди на земли дщи Халдейска, яко не приложиши к сему прозватися мягка и юна. Возми жерновы, мели муку, открый покрывало твое, открый седины, возсучи голени, прейди реки: откроется стыд твой, явятся укоризны твоя: праведное от тебе возму, к тому не придам человеком, (рече) избавивый тя Господь Саваоф, имя ему святый Израилев: сяди умиленна, вниди во тму, дщи Халдейска, к сему не прозовешися крепость царства (Ис. 47, 1-5).

35. Разгневался на люди моя, осквернила еси наследие мое: Аз вдах в руку твою, ты же не дала им милости, старчий ярем отягчила еси зело. И рекла еси: в век буду владычица: не помыслила еси сих в сердце твоем, ниже помянула еси последних. Ныне же спиши сив юная, седящая, уповающая, глаголющая в сердце своем: аз есмь, и несть иныя, не сяду вдовою, и не познаю сиротства. Ныне же приидут на тя два сия в один день, безчадие и вдовство внезапу приидет на тя, в волшебстве твоем, и в крепости волхвов твоих зело, в надеянии блуда твоего. Ты борекла

еси: аз есмь. И приидет на тя пагуба, и не увеси пропасть, и впадеши в ню: и приидет на тя печаль, и не возможеши чиста быти: и приидет на тя внезапу пагуба, и не увеси. Стана ныне с волхвы твоими и со многими чары твоими, им же научилася еси из юности твоея, аще возмогут ти помощи. Утрудилася еси в советех твоих: да станут и спасут тя звездочетцы небесе, смотрящий звезд, да возвестят ти, что имать на тя прийти. Се вси яко хврастие огнем тако погорят, и не изъимут души своея из пламене, понеже имаши углие огненное, сяди на них. Сии будут тебе помощь: трудилася еси в преложение от юности, человек сам в себе прельстися, тебе же не будет спасения (Ис. 47, 6-15).

Вот что предсказывает тебе Исайя; посмотрим, не подобное ли что сказал и Иоанн.

36. Ибо он, находясь на острове Патмосе, видел откровение страшных тайн, кои обильно излагая, и других научает. Скажи мне, блаженный Иоанне, апостол и ученик Господень, что ты видел или слышал о Вавилоне? Возбудись и скажи: ибо и он тебя сослал в ссылку. И прииде един от седми ангел, имущих седмь фиал, и глаголами, глаголя: прииди, да покажу ти суд любодейцы великая, седящия на водах многих, с нею же любодеяша царие земстии, и упишася живущий на земли от вина любодеяния ея. И веде мя в пусто место духом: и видех жену седящу на звери червлене, исполненем имен хульных иже имеяше глав седмь и рогов десять. И жена бе облечена в порфиру и червленицу, и позлащена златом и камением драгим и бисером, имущи чашу злату в руце своей полну мерзости и скверн любодеяния землм. И на челе ея написано имя: тайна: Вавилон великий, мати любодейцам и мерзостям земским (Апок. 17, 1-5).

37. И видех жену пиану кровми святыми кроема свидетелей Иисусовых: и дивихся, видев ю, дивом великим. И рече ми ангел: что дивишися? аз ти реку тайну жены сия, и зверя носящаго, седмь глав имуща и рогов десять. Зверь, его же видел еси, бе и несть, и имать взыти от бездны, и в пагубу пойдет; и удивятся живущия на земли, им же имена не написано суть в книгу животную от сложения мира, видяще, яко зверь бе и несть, и предстанет (Апок. 17, 6-8).

38. Зде ум, иже имать мудрость: седмь глав горы суть седмь, идеже жена седит на них. И цари седмь суть: пять их пало, и един есть, а другий еще не прииде, и егда приидет, мало ему есть пребыти. И зверь, иже бе и несть, и той осмый есть, и от седми есть, и в пагубу идет. И десять рогов, яже видел еси, десять царей суть, иже царства еще не прияша, но область, яко цари на един час приимут со зверем. Сии едину волю имут, и силу и область их зверю дадут. Сии со Агнцем брань сотворят и Ангец победит я, яко Господь господом есть и Царь царем: и сущий с ним званный и избранный и верни (Апок. 17, 9-14).

39. И глагола ми: воды, яже еси видел, идеже любодейца седит, людие и народы суть, и племена и языцы: и десять рогов, яже видел еси на звери, сии любодейцу возненавидят, и запустевшу сотворят ю, и нагу, и плоть ея снедят, сожгут ю огнем. Бог бо дал есть в сердце их, сотворити волю его и сотворити едину волю, и дати царство свое зверю, дондеже скончаются глаголы Божия. И жена, иже видел еси, град есть великий, иже имать царство над цари земными (Апок. 17, 15-18).

40. По сих видех ина ангела, сходяща с небесе, имуща область велию: и земля просветися от славы его. И возопих крепости, гласом велиим глаголя: паде, паде, Вавилон великий, и бысть жилище бесом, и хранитель всякому духу нечисту, и хранилище всех птиц нечистых и ненавидимых: яко от вина ярости любодеяния своего напои вся языки: и царие земстии с нею любы деяша, и купцы земстии от силы сластей ея разбогатеша. И слышах глас ин с небесе глаголющ: изыдите из нея, людие мои, да непричаститеся грехом ея, и от язв ея да невредитеся. Яко прилепишася греси ея даже до небесе, и помяне Бог неправды ея (Апок. 18, 1-5).

41. Воздадите ей, якоже и та воздаде, и усугубите ей сугубо по делом ея: чашею, ею ж черпа вам, черплите ей сугубо. Елико прославися и насладися, толико дадите ей мук и рыданий: яко в сердце своем глаголет: сежу царицею, и вдова несмь, и рыдания не имам видети. Сего ради в един день приидут язвы ей, смерть и плач и глад: и огнем сожжена будет, яко крепок Господь Бог, судяй ей. И возрыдают и восплачутся ея цари земстии, любы деявшие с нею и наслаждавшийся, егда узрят дым запаления ея, издалеча стояще за страх мук ея глаголяще: горе, горе, град великий Вавилон, град крепкий, яко в един час прииде суд твой. И купцы земстии возрыдают и восплачутся о нем, яко бремен (товаров) ихже никтоже купует ктому, бремен злата и сребра, и камения драгого и бисера, и виссы и порфиры, и шелка и червени, и всякого древа фиинна (благовоннаго), и всякого сосуда из кости слоновыя, и всякого сосуда от древа честного, и медяна и железна и мраморна, и корицы и фимиама и мира и ливана и вина и елея, и семидала и пшеницы, и скота и овец и козлов, и коней и колесниц, и телес и душ человеческих. И овощи похотей души твоея отъидоша от тебе, и ктому не имати обрести их. Купцы сими обогащашеся, издалеча станут за страх мучения ея, рыдающе и плачущеся, и глаголюще: горе, годе, град великий, облеченный виссом и порфирою и червленицею, и позлащенный златом и (украшенный) камением драгим и бисером, яко во един час погибе толико богатство. И всяк кормчий, и весь в кораблех народ, и корабельницы и елицы в мори делают, издалеча сташа, и вопияху, видяще дым рождения его, глаголюще: кий подобен граду великому? и положиша персть на главах своих, и возопиша плачущеся и рыдающе, глаголюще: горе, горе, град великий, в нем же обогатишася еси имущия люще горе, корабли в мори от богатства его яко единым часом запусте (Апок. 18, 6-19).

42. Веселися о сем, небо и святии, и апостолы и пророцы, яко суди Бог суд ваш от него. И взят един ангел крепок камень велик яко жернов, и верже в море, глаголя: тако стремлением ввержен будет Вавилон, град великий, и не имать обрестися ктому: и глас гудец мусикий, и пискателей и труб (свирельщиков и трубачей) не имать слышатися ктому в тебе; и всяк хитрец всякия хитрости не обрящется ктому в тебе: и свет светильника не имать светити в тебе ктому, и глас жениха и невесты не имать слышан быти в тебе ктому: яко купцы твои быша вельможи земстии, яко волхвовании твоими прельщени быша вси языцы, и в нем кровь пророческа и святых обретеся и всех избиенных на земли (Апок. 18, 20-24).

43. В сих словах весьма ясно сказано о частом осуждении на мучения, в последние времена грядущие на Вавилон, от имеющих тогда быть мучителей. Но надлежит нам теперь по тщательном испытании изложить время, в которое те мучения случатся, и как между мучителями возникнет малый рог. Это будет, когда железные голени, доселе содержащия власть, дойдут до ступеней ног и до пальцев, согласно явлению истукана и виду страшного зверя, как объяснено выше, когда железо и глина сместятся в одно. А (точнее) сие покажет нам Даниил. Он говорит: и утвердит завет мнозем седмина едина: в пол же седмин отнимется Моя жертва и возлияние (Дан. 9.27). Он означил одну седмицу лет, последнюю, имеющую быть в последних временах, при конце всего мира: половину этой седмицы возьмут пророки Енох и Илия. Они, облеченные во вретища, будут проповедывать дней тысячу двести и шестьдесят (Апок. 11, 3), возвещая людям и всем народам покаяние.

44. Ибо как священным писанием показаны два пришествия Господа и Спаса нашего: одно их них, первое, по плоти бывшее, бесчестно по причине унижения Его, как это провозгласил Исаия, говоря: и видехом его, и не имяше вида, ни доброты, но вид его безчестен, умален паче всех человек: человек в язвы сый и ведый терпети болезнь, яко отвратися лице его, безчестно бысть, и не вменися (Ис. 53, 2, 3). Второе же пришествие Его показано славным, когда Он приидет с небес с силою ангелов и славою Отчею (Лук. 9, 26), как говорил пророк: царя со славою узрите (Ис. 33, 17), (и другое) видех на облацех небесных, яко Сын человечь идый бяше, и даже до Ветхого денми дойде и пред него приведеся и тому дадеся: власть и честь, и слава, и царство, вси людие, племена и языцы тому поработают: царство его царство вечное, еже не рассыплется (Дан. 7, 13, 14). Так и два предтечи показаны. Первый – Иоанн, сын Захарии, был во всем предтеча и провозвестник Спасителя нашего: благовествуя небесный свет, явившийся в мире, он предшествовал Ему от самой утробы матерней, быв зачат Елисаветою прежде Него, дабы и сущим от утробы матерней младенцам показать грядущее к ним новое рождение (Христа) от Духа Святаго и Девы.

45. Он услышал приветствие (Марии) Елисавете, взыграйся во чреве матери (Лук. 1, 41), радовался, видя во чреве Девы зачатого Бога-Слово. Потом явился в пустыне с проповедью, возвещая людям крещение покаяния, предъявляя спасение живущим в пустыне мира язычникам. После сего на Иордане он указывает лично на Самого Спасителя и говорит: се Агнец Божий, вземляй грех мира (Иоан. 1, 29). Он первый, убиенный от Ирода, благовестил и сущим во аде, сделавшись и там предтечею, открывая и туда имеющее быть сошествие Спасителя, чтобы избавить души святых от руки смерти.

46. Но поелику началом воскресения всех людей был Спаситель, то нужно было, чтоб Господь один воскрес из мертвых: так как от Него имеет быть суд всему миру, дабы достойно подвизавшиеся достойно и увенчаны были от Него, доброго подвигоположника, первого, прошедшего поприще, вознесшегося на небеса и седшего одесную Бога и Отца и опять при кончине мира имеющего явиться судиею. Необходимо при этом надлежало сперва явиться предтечам Его, как говорил Господь чрез Малахию ангела: послю вам Илию Фесвитянина прежде пришествия дне Господня великого и просвещенного: иже устроит сердца отцев к чадам, и противныя в мудрости праведных, да не пришед поражу землю в конец (Мал. 4, 5. 6. Лук. 1, 17). Они, пришедши, будут проповедывать имеющее быть с небес явление Христа, сотворят и чудеса и знамения, дабы хотя им тронуть и обратить людей к покаянию по причине усилившегося их беззакония и нечестия.

47. Ибо Иоанн говорит: и дам обема свидетелема моима, прорицати будет дней тысящу двести и шестьдесят, оболчена во вретище (Апок. 11, 3), то-есть половину седмины, о которой сказал Даниил (Дан. 9,27): сии суть две маслицы и два свещника пред Господем земли стояща. И иже им неправду сотворит, огнь изыдет из уст их и пояст враги их, и иже восхощет обидети их, сему подобает убиену быти. Сии имут область затворите небо, да не снидет дождь на землю во дни прорицания их: и область имут на водах, обращати я в кровь и поразити землю всякою язвою, елижды аще восхощут. И егда скончают течение свое и свидетельство свое, что говорит пророк? Зверь, иже исходит от бездны, сотворит с ними брань, и победит их и убиет я (Апок. 11, 4-7), потому что они не хотели дать славы антихристу. Это есть оный малый возникший рог. Он, надмившись потом сердцем, начнет возносить и прославлять себя как бога, гоня святых и хуля Христа, как говорит Даниил: рассмотрят в розе, и се очи, аки очи человечи в розе, и уста глаголюща великая.

Святитель Григорий Богослов. "На Святую Пятидесятницу"

Кратко полюбомудрствуем о празднике, чтобы нам праздновать духовно. У всякого свой способ торжествовать; а у служителя слова состоит он в слове, в таком слове, которое всего приличнее времени. И не увеселяет так ни одна красота любителя красот, как любителя праздников духовное празднование.

Но рассудим о сем так. Празднует и иудей, но по букве: ибо он, гоня закон телесный, в закон духовный не постиже (Рим. 9, 31). Празднует и еллин, но телесно, сообразно с своими богами и демонами, из которых одни, по собственному признанию язычников, виновники страстей, а другие почтены богами за страсти; почему и празднование у них состоит в удовлетворении страстей, и грешить — значит чтить Бога, к которому под защиту прибегает страсть, как достохвальное дело. Празднуем и мы, но празднуем, как угодно Духу; а Ему угодно, чтобы мы или говорили, или делали что-либо подобающее. И праздновать — значит у нас приобретать для души блага постоянные и вечно обладаемые, а непреходящие и скоро гибнущие, которые, по моему рассуждению, мало услаждают чувство, а более растлевают его и вредят ему. Довлеет телу злоба его. Нужно ли в пламень подкладывать больше сгараемого вещества, или зверю давать обильнейшую пищу, чтобы он сделался неукротимее и взял силу над разумом? Итак, праздновать должно духовно... Мы празднуем Пятидесятницу, пришествие Духа, окончательное совершение обетования, исполнение надежды, таинство, и притом сколь великое и досточтимое! Оканчиваются дела Христовы телесные, или, лучше сказать, дела, относившиеся к телесному пребыванию Его на земле (помедлю говорить, что оканчиваются дела, относящиеся к телу, пока не убедит меня

какое-либо слово, что лучше совлечься тела); а начинаются дела Духа. Что же относилось ко Христу? Дева, рождение, ясли, повитие пеленами, прославляющие ангелы, приходящие пастыри, течение звезды, поклонение и дары волхвов, детоубийство Иродово, Иисус, убегающий во Египет, возвращающийся из Египта, обрезанный, крещаемый, свидетельствуемый свыше, искушаемый, побиваемый камнями для нас (Ин. 10, 32), которым нужно было дать образец злострадания за слово, предаваемый, пригвождаемый, погребаемый, воскресающий, возносящийся. Многое из сего приемлет Христос и ныне, а именно, бесчестное от христоненавистников, что и переносит, потому что долготерпелив, а досточестное от христолюбцев. И он медлит как первым явить Свой гнев, так нам показать Свою благость, — и им дает, может быть, тем время на покаяние, а нас испытывает в любви, не ослабеем ли в скорбях и подвигах за благочестие. Таков издревле закон Божьего домостроительства и неисследимых Божиих судеб, по которым премудро управляются дела наши. Таковы дела Христовы, последующие же славнейшие еще узрим. О, если бы и сами мы были узрены Христом!

А чтобы говорить о делах Духа, да приидет на меня Дух, и да даст слово, сколько сего желаю, а если и не в такой мере, сколько соразмерно времени, — приидет же, без сомнения, владычественно, а не рабски, и не повеления ожидая, как думают некоторые. Ибо Он дышит, где хочет, на кого, когда и сколько Ему угодно. Так мыслить и говорить внушает нам Дух.

Кто Святого Духа низводит в ряд тварей, тот ругатель, злой раб и злейший из злых. Ибо злым рабам свойственно отвергать владычество, восставать против господства и свободное делать подобным себе рабом. Кто признает Его Богом, тот божествен и светел умом. А кто даже и именует Богом, тот, если делает сие пред людьми

Благоразумными, высок; а если пред низкими, неосмотрителен; потому что бисер доверяет грязи, громовый звук — слабому слуху, солнечный луч — больным глазам, твердую пищу — вкушающим одно молоко. Постепенно надлежит вести их вперед и приближать к высшему, чтобы свету даруем был свет и истина награждалась истиною. Посему и мы, оставив совершеннейшее слово, для которого не пришло еще время, побеседуем с ними так.

Если вы не исповедуете Святого Духа ни несозданным, ни неподлежащим времени, то (дозвольте ревности выразиться несколько и смело) в вас явно действует противный дух. Если же вы до такой степени здравы, что избегаете явного нечестия, и вне рабства ставите Того, Кто и нас делает свободными, то и со Святым Духом и вместе со мною рассмотрите сами и последующее: ибо я уверен, что вы уже в некоторой мере причастники Духа, и буду рассуждать с вами, как с своими. Или укажите мне среднее нечто между рабством и владычеством, где мог бы я дать место достоинству Духа, или, избегая рабства, не оставляйте неизвестным, куда причисляете Того, о Ком вопрос.

Но вас затрудняют слоги, останавливает одно речение, и оно делается для вас камнем претыкания и камнем соблазна, чем для некоторых был и Христос. Это — человеческая немощь. Сойдемся между собою духовно, будем лучше братолюбивыми, нежели самолюбивыми. Признайте силу Божества, и мы сделаем вам снисхождение в речении. Исповедуйте естество под другими наименованиями, какие наиболее уважаете, и мы уврачуем вас как немощных, даже скрыв иное к вашему удовольствию. Ибо стыдно и довольно безрассудно быть здравыми по душе и ставить в великое звуки, утаивать сокровище, как бы завидуя другим, или опасаясь, чтобы не освятить языка. Но еще стыднее нам подвергаться тому же, в чем других обвиняем, и осуждая

споры о звуках, самим стоять за букву. Исповедуйте в Троице единое Божество, или, если угодно, единое естество, — и я испрошу вам у Духа слово: Бог. Ибо очень знаю, что Давший первое дает и второе, и тем паче, если причиною спора какаято духовная робость, а не диавольское упорство. Скажу еще яснее и короче: ни вы не обвиняйте нас за речение более возвышенное (ибо не должно завидовать возвышению), ни мы не будем вас осуждать за то речение, которое вам до времени по силам, пока не достигните, хотя другим путем, того же с нами пристанища. Мы домогаемся не победы, а возвращения братьев, разлука с которыми терзает нас.

Сие говорим вам, в которых находим несколько жизни, которые здраво рассуждаете о Сыне. Удивляясь вашей жизни, не вполне одобряем учение. Имея дары Духа, примите и Духа, чтобы не только подвизаться, но и подвизаться законно (2 Тим. 2, 5). От него, в награду за жизнь, да будет вам дарован и сей венец — исповедывать Духа совершенно, и с нами, и прежде нас проповедывать Его достойно. Дерзаю за нас и на нечто большее, именно дерзаю сказать с апостолом: столько люблю вас, столько уважаю сию благочинную вашу одежду, и сей цвет воздержания, и священные сонмы, и честное девство, и чистоту, и всенощное псалмопение, и нищелюбие, и братолюбие, и страннолюбие, что готов отлучен быти от Христа (Рим. 9, 3) и пострадать, как осужденный, только бы вы стояли с нами и вместе прославляли мы Троицу. Ибо нужно ли говорить о других, явно умерших, которых воскресит разве один Христос, Своею силою животворящий мертвых? Они злонамеренно отделяются друг от друга местом, будучи связаны учением, и столько же несогласны между собою, сколько и косые глаза, устремленные на один предмет, и не в зрении, но в положении имеющие разность, если их должно винить за сей один недостаток, а не вместе и за слепоту. Поелику же я достаточно изложил, что относится к вам, то возвращусь опять к Духу. Думаю же, что и вы уже последуете за мною.

Дух Святый всегда был, и есть, и будет: Он не начал и не прекратит бытия, но всегда со Отцем и Сыном вчиняется и счисляется. Ибо неприлично было или Отцу когда-либо быть без Сына, или Сыну без Духа: крайне было бы бесславно для Божества, как бы вследствие изменения советов Своих придти в полноту совершенства. Итак, Дух всегда был приемлемым, а не приемлющим; совершающим, а не совершаемым; наполняющим, а не наполняемым; освящающим, а не освящаемым; приводящим к обожению, а не вводимым в обожение. Он всегда один и тот же Сам для Себя и для Тех, с Которыми счиняется; невидим, не подлежит времени, невместим, неизменяем, не имеет ни качества, ни количества, ни вида, неосязаем, самодвижен, приснодвижим, свободен, самовластен, всесилен (хотя, как все принадлежащее Единородному, так и все принадлежащее Духу, возводится к первой Вине); Он — жизнь и животворящ; Он — свет и света Податель; Он — источная благость и источник благости; Он — Дух правый владычнии (Пс. 50, 12, 14), Господь (2 Кор.3, 17), посылающий (Деян. 13, 4), отделяющий (Деян. 13, 2), созидающий Себе храм (Кол. 2, 22), наставляющий (Ин. 16, 13), действующий, якоже хощет (1 Кор. 12, 11) разделяющий дарования, Дух сыноположения (Рим. 8, 15), истины (Ин. 14, 17), премудрости, разума, ведения, благочестия, совета, крепости, страха, по исчисленному (Ис. 11. 3, 4). Чрез Него познается Отец и прославляется Сын (Ин. 16, 11), и Сам Он Ими одними знаем, единое счинение, служение и поклонение, единая сила, единое совершенство и освящение. Но к чему распространяться? Все, что имеет Отец, принадлежит и Сыну, кроме нерожденности; все, что имеет Сын, принадлежит Духу, кроме рождения. А нерожденность и рождение не сущности различают, по моему мнению, но различаются в одной и той же сущности.

Ты мучишься нетерпением возражать мне, а я спешу продолжить слово. Почти день Духа, удержи не надолго язык свой, если можешь: теперь слово об иных языках, — устыдись, или убойся сих языков, являющихся в огненном виде. Ныне будем учить, а завтра рассуждать о словах: ныне будем праздновать, а завтра отложим приличие. Одно таинственно, другое свойственно зрелищам; одно прилично церквам, а другое — упившимся; одно прилично рассуждающим о Духе с благоговением, а другое — посмеивающимся над Духом. Отринув же чуждое, устроим свое.

Дух Святый действовал во-первых в ангельских и небесных силах, в тех, которые первые по Боге и окрест Бога; ибо их совершенство и озарение, и неудободвижимость или неподвижность ко злу не от иного кого, как от Святого Духа; а потом действовал в отцах и в пророках, из которых одни в образах видели или познал Бога, другие же и предузнали будущее, поколику Дух напечатлевал сие в уме их, и имеющее быть видели они пред собою, как настоящее; ибо такова сила Духа; после же сего действовал в учениках Христовых (не скажу во Христе, в Котором Он пребывал не как действующий, но как сопутствующий равночестному), и в них троекратно, по мере их удобоприемлемости, и в три различные времена — до прославления Христова страданием, по прославлении воскресением и по вознесении на небо, или по устроении (Деян. 3, 21), или как иначе должно назвать сие; как показывает первое очищение от болезней и духов, производившееся конечно не без Духа, также по совершении домостроительства дуновение Христово, которое, очевидно, было Божественным дохновением, и, наконец, нынешнее разделение огненных языков, которое и празднуем. Но первое было не ясно, второе явственнее, а нынешнее совершеннее; ибо не действием уже, как прежде, но существенно присутствует и, как сказал бы иной, сопребывает и

сожительствует Дух. Ибо как Сын беседовал с нами телесно, так и Духу приличествовало явиться телесным образом; и когда Христос восшел во славу Свою, тогда Ему надлежало низойти к нам, надлежало придти, потому что Он Господь, и быть посланным, потому что Он непротивник Богу. Ибо таковые речения более показывают единомыслие, чем разделение естества.

Для того приходит Дух после Христа, чтобы не остаться нам без Утешителя; и для того именуется иным, чтобы дать тебе понятие о равночестии; ибо слово: иный поставлено вместо: другой я, это же именование означает единовладычество, а не унижение, ибо слово: иный, сколько известно мне, употребляется не об инородных, но об единосущных. Является же в виде языков, по сродству с Словом; и в виде огненных языков (почему думаешь?) или по причине очищения (ибо по писанию известен и огнь очистительный, что желающие везде могут увидеть), или по существу своему: ибо Бог наш огнь и огнь поядаяй (Евр. 12, 29) нечестие. Но ты опять негодуешь недовольный словом: единосущен! Является в виде разделенных языков, по причине разных дарований; в виде языков седших, в означение царского достоинства и почивания во святых; ибо и херувимы суть Божий престол. Является в горнице (если только не почтут меня пытливым чрез меру) в означение восхождения и возношения от земли тех, которые приимут Духа; ибо и водами Божиими покрываются какие-то превыспренния (горницы), которыми песнославится Бог (Пс. 103, 3). И Сам Иисус посвящаемых в высшее служение приобщает таинству в горнице, показывая тем, что нужно и Богу снисходить к нам (как, сколько известно, и снисходил к Моисею), и нам восходить к Нему, и что, таким образом, при срастворении достоинства, должно происходить общение Бога с человеками. Доколе же пребывают они в собственном достоинстве, Бог в достоинстве высоты, а человек — низости, дотоле благость несоединима, человеколюбие несообщимо, и посреди великая и

непроходимая пропасть, которая отделяет не богатого только от Лазаря и от вожделенных недр Авраамовых, но сотворенное и преходящее естество от несотворенного и постоянного.

Дух Святый проповедан был пророками, например, в следующих местах: Дух Господень на мне (Ис. 61, 1); и почиют на нем седмь духов (Ис. 11, 1); и сниде Дух от Господа и настави их (Ис. 63, 14). Дух ведения наполни Веселеила, строителя скинии (Исх. 31, 3). Дух бывает разгневан (Исх. 63, 10); Дух взя Илию на колеснице, и сугубый испрошен Елисеем (4 Цар. 2, 9, 15), Дух благий и владычний наставляет и утверждает Давида (Пс. 142, 10; 50, 14). Святый Дух обетован сперва Иоилем, который говорит: и будет в последния дни, излию от Духа Моего на всяку плоть, то есть верующую, на сынов ваших и на дщерей ваших и т. д. (Иоиля 2, 28; Деяний 2, 17), а впоследствии Иисусом, Который Сам прославляет Духа и прославляется Духом, так же, как прославляет Отца и прославляется Отцем. И какое щедрое обетование! Дух вечно сопребывает и ныне с достойными во временной жизни и после с удостоившимися тамошних благ, если всецело сохраним Его доброю жизнию, а не будем удалять от себя в такой же мере, в какой. грешим.

Сей Дух созидает с Сыном в творении и воскресении, в чем да уверит тебя сказанное: словом Господним небеса утвердищася, и Духом уст Его вся сила их (Пс. 32, 6); Дух, сотворивый мя, дыхание же Вседержителево научающее мя (Иов. 33, 4); и еще: послеши Духа Твоего, и созиждутся и обновиши лице земли (Пс. 103, 30). Он созидает в духовном возрождении, в чем да уверит тебя сказанное, что никто не может видети или получить царствие, аще кто не родится свыше Духом (Ин. 3, 3; 5), и от первого рождения, которое есть тайна ночи, не очистится дневным и светлым воссозданием (Пс. 138, 16), каким воссозидается каждый в отдельности.

Сей Дух, как премудрый и человеколюбивый, поемлет ли пастыря, — творит его псалмопевцем, отгоняющим злых духов, и указует в нем царя Израилю. Поемлет ли пастыря овец, егодичия обирающаго, — делает его пророком (Амос. 7, 14). Припомни Давида и Амоса! Поемлет ли остроумного отрока, — еще прежде совершенного возраста делает его судиею старейшин. Свидетель Даниил, победивший львов во рве. Обретет ли рыбарей, — уловляет в Христову мрежу целый мир объемляющих сетию слова. Возьми в пример Петра и Андрея и сынов громовых, возгремевших о духовном. Обретет ли мытарей, — приобретает в ученики, и творит купцами душ, Свидетель Матфей, вчера мытарь, а ныне евангелист. Обретет ли пламенных гонителей, изменяет ревность, и Савлов делает Павлами, столько же ревнующими о благочестии, сколько нашел их ревнующими о зле.

Он вместе и Дух кротости, и гневается на согрешающих. Итак, изведаем Его кротость, а не гнев, исповедуя Его достоинство и бегая хулы, не пожелаем увидеть Его без помилования гневающимся. Он и меня ныне делает дерзновенным пред вами проповедником. И если ничего не постражду, благодарение Богу! А если и постражду, также благодарение Богу! Первое желательно, да пощадит ненавидящих нас, второе, да освятит меня, в награду за священнодействие евангелия приемлющего то, чтобы совершиться кровию.

Апостолы стали говорить на чужих языках, а не на отечественном, и, что особенно чудно, стали говорить не учившись. Это знамение для неверных, а не для верующих, и оно долженствовало послужить к обвинению неверных, как написано: иными языки, и устны иными, возглаголю людем сим, и ни тако послушают Мене, глаголет Господь (1 Кор. 14, 21; Ис. 28, 11). Слышаху же (Деян. 2, 6), Остановись здесь не надолго и подумай, как разделить речь. Ибо в речении есть

обоюдность, устраняемая знаком препинания. Так ли слышали, каждый на своем наречии, что, так сказать, глас исходил один, а слышны были многие гласы, по причине такого сотрясения в воздухе, или, яснее скажу, из одного гласа происходили многие? Или, остановившись на слове: слышаху, слова: глаголющих своими гласами, отнести должно к последующему, чтобы вышел смысл: произносящих гласы, которые были свои для слушающих, а сие значит, гласы иноязычные. С последним я более согласен; потому что первое было бы чудом, которое относилось бы более к слушающим, нежели к говорящим, а последнее относится прямо к говорящим, которых и укоряют, что они пьяны, из чего видно, что по действию Духа сами они чудодействовали в произнесении гласов.

Правда, достохвально было и древнее разделение гласов, когда строили столп злонамеренно и безбожно единогласные (на что и ныне дерзают некоторые); ибо единомыслие, нарушенное различием гласов, разрушило и предприятие. Но гораздо достохвальнее разделение, совершенное чудесно ныне; ибо от единого Духа излившись на многих, опять возводится к единому согласию. И есть различие дарований, требующее нового дарования, чтобы уметь отличить превосходнейшие из них, потому что все имеют нечто похвальное. Можно бы назвать прекрасным и то разделение, о котором говорит Давид: потопи Господи, и раздели языки их (Пс. 54, 10). За что же? За то, что возлюбили вся глаголы потопныя, язык льстив (Пс. 51, 6). Почти явно обличает здесь Давид те языки, которые рассекают Божество. Но о сем довольно. Поелику же языки вещали живущим в Иерусалиме благоговейным иудеям, парфянам, мидянам, еламитам, египтянам, критянам, жителям Ливии, Аравии, Месопотамии и моим каппадокийцам и оть всего языка, иже под небесем. Иудеям (если кому угодно так представить), собранным во Иерусалиме, то достоин внимания вопрос: какие это были иудеи и которого пленения? Ибо пленение Египетское и

Вавилонское было временное и давно окончилось возвращением плененных; пленения же Римского еще не было, а имело оно только быть, в наказание за дерзость противу Спасителя. Остается разуметь пленение, бывшее при Антиохе и случившееся не задолго до сих времен. Если кто не соглашается на такое толкование, как на неестественное (потому что пленение сие не древнее и иудеи рассеяны в оном не по многим странам вселенной), но ищет толкования более вероятного; то, может быть, лучше принять следующее. Поелику народ иудейский, как повествуется у Ездры, многократно и многими был переселяем, то иные племена возвратились в отечество, а другие остались в пленении, и, вероятно, некоторые из сих последних, рассеянных по многим народам, пришли тогда в Иерусалим и были участниками чуда. Такое исследование предложил я для любознательных: и, может быть, оно не будет излишним. И что ни предложил бы кто приличное настоящему дню, все будет приобретением и для нас. Но время уже мне распустить собрание, ибо беседа моя довольно продолжительна. А торжества никогда не должно прекращать, всегда же надобно праздновать, ныне даже и телесно, а впоследствии и скоро совершенно духовно, когда чище и яснее узнаем и сему основания в самом Слове и Боге и Господе нашем Иисусе Христе — истинном празднике и радовании спасаемых, с Которым да будет слава и чествование Отцу со Святым Духом, ныне и во веки веков. Аминь.

Маркиан Аристид, философ из Афин. "Апология"

Произведение Аристида ("Апология") считается первым апологетическим произведением, дошедшим до нашего времени. В 1878 г., венецианским мхитаристам из монастыря св. Лазаря в одной рукописи X века удалось обнаружить отрывок (первые две

главы) на армянском языке из Апологии. Перевод, по всей видимости, восходит к V в. Конибер нашел в одной рукописи XI в. вторую армянскую версию фрагмента Апологии Аристида, который почти идентичен первому.

Апология,которую афинский философ Аристид держал пред императором Адрианом "О почитании Бога Всемогущего"

I

1. Я, царь, по соизволению Бога явился в мир и, созерцав здесь небо, землю и море, солнце, луну и прочее, удивился красоте мира.

2. Но я понял, что этот мир и все, что в нем есть, приводится в движение посторонней силою, которая и есть Бог; а известно, что все движущее — сильнее движимого и содержащее — крепче содержимого. Допытываться же о Промыслителе и Руководителе всего, каков Он есть, как кажется мне, бездельно и выше меры трудно, а потому и рассуждать об этом бесполезно, ибо Сущность Его бесконечна и непостижима для всех тварей.

3. О двигателе же мира я говорю, что Он есть Бог всего, сотворивший все ради людей; и, как кажется мне, полезно почитать и бояться Бога, но не стеснять и человека.

4. Далее, в пределах дозволительного, надлежит знать о Боге, что Он нерожден, несотворен, безначален и бесконечен, бессмертен, совершен и непостижим.
Поскольку Он совершен, Он не имеет никакого недостатка и не терпит нужды ни в чем; наоборот, все имеет нужду в Нем. Он безначален, ибо все, что имеет начало, имеет и конец, а имеющее конец разрушается.

5. Он не имеет имени, ибо наименование есть общее свойство тварных существ. Он не имеет ни окраски, ни внешнего вида, так как владеющий ими тем самым приобщается к разряду сотворенных предметов. В Нем нет различия мужеского и женского начала, так как тот, в ком это есть, бывает подвержен страстям. Небо Его не обнимает, но Он небо и все видимое и невидимое содержит Собою.

6. У Него нет противника, так как не существует никого, кто бы был сильнее Его. Им не владеют зависть и гнев, так как нет ничего такого, что бы могло оказать Ему сопротивление. Ошибки и неведение чужды Его натуре, которая вся есть совершенная мудрость и знание. Им все содержится. И Он не нуждается в жертве или возлиянии и ни в чем видимом, но в Нем все имеет нужду.

II

1. Итак, после всего сказанного о Боге, насколько уделено мне об этом говорить, перейдем к человеческому роду, чтобы увидать, кто из людей участвует в истине (вышеуказанного богопознания) и кто разделяет заблуждение.

2. Нам известно, царь, что в этом мире существуют четыре рода людей: Варвары и Эллины, Иудеи и Христиане.

3. Варвары ведут свое происхождение по религии от Бэла, Хроноса, и Реи и прочих богов.

4. Греки — от Эллена, о котором говорят, что он произошел от Зевса. От Эллена рождены Эол и Ксуф; остальная Эллада ведет происхождение религии от Инаха и Феронея, наконец — от Даная Египетского, Кадма Сидонского и Диониса Фивского.

5. Иудеи ведут свое происхождение от Авраама и Исаака и Иакова и его двенадцати сыновей, которые переселились из Сирии в Египет и там от своего законодателя были названы Евреями: позднее же стали называться Иудеями.

6. Христиане же ведут начало своей религии от Господа Иисуса Христа. Он исповедуется Сыном Бога Вышнего; снизшедши в Духе Святом с неба и рожденный от Еврейской девы(**), Он принял плоть и Сын Божий стал человеком. О пребывании Его ты, царь, если угодно, можешь узнать из называемого нами «Евангельского Писания».

8. Итак, Иисус рожден из народа Еврейского. Он имел двенадцать учеников и, завершив свое удивительное домостроительство, был распят иудеями. После трех дней Он воскрес и вознесся на небо. Двенадцать же учеников вышли в пределы вселенной и учили о Его величии с большим успехом и достоинством, откуда внимающие их проповеди и называются христианами, которые хорошо известны.

9. Итак, как я сказал прежде, суть четыре рода людей: Варвары и Греки, Иудеи и Христиане.

10. Богу служит ветер, ангелам — огонь, демонам — вода, людям — земля.

III

1. Итак, посмотрим, кто из них (четырех вышеуказанных религиозных групп) участвует в истине и кто в заблуждении.

2. Варвары, не познав Бога, уклонились к стихиям и начали почитать тварь вместо Творца; и изображениям тварных предметов, ими же

сделанным (как то: изображениям неба, земли и моря, солнца, луны и прочих стихий, или светил), заключивши их в храмы, они поклоняются, тщательно однако охраняя, чтобы не выкрали их воры. И не поняли они, что все охраняющее — более охраняемого и делающий выше того, что им сделано; и если боги их бессильны относительно собственного спасения (т.к. приходится сторожить их от воров), то как же они доставят спасение другим? Посему в великое заблуждение впали варвары, почитая бездушные и бесполезные статуи.

3. И для меня, царь, является удивительным, как эти, так называемые их философы, совершенно не поняли, что все это суть тленные стихии? Если же они тленны и подчинены необходимости, то какие же они боги? Если же стихии не боги, то зачем же изображения, сделанные в честь их, считают за богов?

4. Итак, велико то заблуждение, в которое философы вводят своих последователей.

IV

1. Поэтому приступим, царь, к рассмотрению этих стихий, чтобы показать, что они не боги, но тленны и подвержены ухудшению, они вызваны из небытия повелением истинно Сущего Бога, Который един нетленен, неизменяем и невидим; Сам же все видит и сообразно с тем, как желает, изменяет и превращает. Итак, что же я скажу о стихиях?

2. Заблуждаются считающие богом небо. Ибо мы видим, что оно обращается, движимое по принуждению и составлено из многих частей, почему и называется убранство, украшение (космос — ред.). Всякое же устройство имеет устроителя, а все устроенное — начало и конец. Небо же со всеми своими светилами движется по необходимости; и звезды в строгом порядке движутся от одного края к другому: одни из них исчезают, другие восходят, и в положенное время проходят свой путь и определяют лето и зиму сообразно с тем, как завещано им Богом, и они не нарушают определенных им направлений по неотвратимой необходимости природы, вместе со всем небесным миром, откуда ясно, что небо не бог, а дело Бога.

3. И считающие землю богиней, впали в заблуждение, ибо мы видим, что она подчинена господству людей, бывает вскапываема и загрязняема и делается негодной: будучи же пережженной, становится как бы мертвой, ибо из черепка ничего не произрастет; когда же еще более выветрена, то портится сама и плоды ее; она попирается людьми и прочими живыми существами, оскверняется кровью убиваемых, перекапывается, наполняется трупами, превращается в кладбище мертвых.

4. Невозможно, чтобы святая, блаженная и нетленная природа Бога приняла все это. Итак, из всего этого следует, что земля не богиня, но произведение Бога, сотворенное Им для употребления людей.

V

1. И считающие божеством воду ошиблись, ибо и она существует для употребления людей и находится у них в подчинении, и грязнится, и портится, и изменяется под влиянием тепла, холода или окраски, и служит для мытья всяких нечистот.

2. Посему невозможно, чтобы вода — дело Бога была самим Богом.

3. И считающие огонь за Бога точно также заблуждаются, ибо огонь явился тоже для употребления людей и находится в полном их распоряжении, будучи переносим с одного места на другое и употребляем для варки и жаренья различных мяс, а также и для сожжения трупов. Он даже и вовсе уничтожается, будучи различными способами гасим людьми; откуда следует, что огонь не Бог, но дело рук Его.

4. Не менее ошибаются также и те, которые за божество принимают веяние ветров, ибо очевидно, что оно служит другому и даровано Богом на употребление людей, служа для плавания кораблей, произрастания хлебных злаков и удовлетворения прочих людских нужд. Оно (это веяние ветров) усиливается и ослабевает по повелению Бога; посему пусть не думают, что дуновение ветров есть Бог, но считают это делом рук Его.

VI

И считающие божеством солнце, жестоко ошибаются. Ибо мы видим, что оно движется по необходимости и вращается, переходя от одного конца к другому, заходит и снова восходит, чтобы оживлять деревья и растения, служащие для употребления людей, и имеет также вместе с остальными звездами деления на части, и будучи меньшим неба, оно постепенно убывает в силе света и не имеет никакой самодержавной власти. Вследствие сего, пусть считают солнце не Богом, но делом Его. Тоже с еще большим правом должно сказать о луне и звездах.

VII

1. Сильно заблуждаются также и те, кто за богов считают первобытных людей. Ибо, как известно тебе, царь, (всякий) человек состоит из четырех элементов и из души и духа, ради чего и (малым) миром (микрокосмос), называется. Он имеет начало и конец — родится и умирает.

2. И мы видим, что человек подвержен той же необходимости — он нуждается в питании и стареет, хотя бы и не хотел этого. И он то радуется, то печалится, становится то завистлив и раздражителен, то жаден и переменчив — словом, имеет многие недостатки.

3. Уничтожается же он различными способами и от стихий, и от животных, и от предлежащей ему смерти; посему человек пусть не принимается за Бога, но за дело Его.

4. Итак, царь, в большее заблуждение впали варвары, ходя в след похотей своих, ибо почитают они тленные стихии и мертвые образы и не замечают, что все это Богом сотворенные предметы.

VIII

1. Перейдем же теперь к Эллинам, чтобы посмотреть, что они думают о Боге.

2. Но Эллины, называющиеся мудрыми, объюродели хуже варваров, вводя множество рожденных богов мужского и женского пола. Их они сами выставляют исполненными всевозможных страстей и творцами всяческих безобразий, так что одни из этих богов — прелюбодеи, убийцы, гневливы, ревнивы, отцеубийцы и братоубийцы, воры и грабители; другие — хромые и увечные, чародеи и гадатели.

3. Про одних из своих богов греки рассказывают, что они убиты молнией, про других, — что они сами померли; иные из богов находились в услужении у людей, или обращались от них в бегство; некоторые были ранены людьми, и многие превращались в живые существа, чтобы соблазнять к падению смертных женщин или даже вступать в мужеложство.

4. Про некоторых из богов рассказывают, что они входили в преступные связи с матерями, дочерьми и сестрами; и говорят, что боги пали с дочерьми человеческими, следствием чего было греховное, смертное потомство.

5. И про богинь говорят, что они в спорах о своей красоте представали на суд людей.

6. Откуда следует, царь, что Эллины сочиняют смешные, глупые и нечестивые сказки, выводя несуществующих богов, следуя дурным своим влечениям, чтобы иметь их своими сообщниками в дурном, и безнаказанно прелюбодействовать, убивать и все ужасное делать; ибо, если боги их все это совершают, то как же и они того же самого не сделают?

7. И вследствие этого заблуждения в образе жизни и поведения произошло, что существуют у людей междоусобия, убийственные войны и тягостные плены.

IX

Но и в каждом из этих богов, если пожелаем рассказать, ты увидишь большую нелепость.

2. Так, прежде всего, выводится ими бог Хронос, в жертву которому они приносят собственных детей. И говорят, что он имел жену Рею и многих детей от нее (и в том числе) Зевса и, будучи одержим манией, съел своих детей.

4. Зевс спасся от него бегством; позднее же, связавши своего отца, он (Зевс) оскопил его и бросил детородные члены в море, откуда, как рассказывается в мифах, и родилась Афродита; Хроноса же, связанного, бросил в тартар(***).

5. Ты видишь заблуждение и нечестие, которое они выставляют относительно главы своих богов? Очевидно, что бог их связуем и усекаем; о, неразумие! кто из имеющих ум скажет что-либо такое?!

6. Вторым выводится Зевс, о котором они говорят, что он царствует над всеми богами и превращается в животных и другие предметы, чтобы прелюбодействовать со смертными женщинами; так, говорят, что, превратившись в быка, он имел связь с Европой, (и Пасифеей), в золото — с Данаей, в лебедя — с Лидой, в сатира — с Антионой и в молнию — с Селеной (луной). От них родилось у него много детей: от Антионы — Зет и Амфион, от Селены — Дионис, от Алкмены — Геракл, от Леты — Аполлон и Артемида, от Данаи — Персей, от Лиды — Кастор, Эллен и Полидевк, от Мнемосины — девять дочерей, названных музами, от Европы — Миной, Радамант и Сарпидон; наконец, он превратился в орла из любви к пастуху Ганимеду.

8. Поэтому случилось, царь, что люди стали подражать всему этому и сделались прелюбодеями, осквернявшимися с матерями и сестрами, мужеложцами и отцеубийцами; ибо если царь их богов делает это, то как же почитающие его не станут подражать ему?

9. Посему, велико безумие, которое создают Греки в своих рассказах о нем (Зевсе); ибо немыслимо, чтобы бог был прелюбодеем, мужеложцем, или отцеубийцей; иначе он был бы гораздо хуже гнусного демона.

X

1. Вот выводят они (Греки) другого бога, некоего Гефеста и говорят о нем, что он хром, носит шлем на своей главе и держит в руках своих раскаленные щипцы и молот, так как он занимается искусством ковки, с целью добыть себе пропитание.

2. Но что же это за бог, такой жалкий? Ибо немыслимо, чтобы Бог был хромым или нуждающимся.

3. И снова выводят они другого бога, по имени Гермеса, о котором говорят, что он жаден, корыстолюбив, чародей, расслабленный и атлет, и прорицатель.

4. Но невозможно, чтобы бог одновременно был чародеем и прорицателем, и жадным грабителем, атлетом и расслабленным (увечным); иначе было бы без смысла.

5. После этого выводят они еще бога — Асклепиада, о котором говорят, что он врач и приготовляет лекарства и состав мазей, ради собственного пропитания; впоследствии же он был ранен Зевсом через Тиндарея, сына Лакедемона, и умер.

6. Если же бог Асклепиад, будучи ранен, не мог помочь самому себе, то как же он помог бы другим? И совершенно невозможно, чтобы божественная природа нуждалась, или могла бы быть убита молнией.

7. И еще выводят они бога — Арея, о котором говорят, что он воинственен, и задорен, и охотник до чужих стад и вещей, которые он приобретает чрез свое оружие. Впоследствии же, впавши в любодеяние с Афродитой, он был связан отроком Эросом и Гефестом. Каким же богом был этот искатель чужого, браннолюбец, связанный и любодей?!

8. Называют богом также и Диониса, того, который устраивал ночные оргии, был учителем пьянства, соблазнял окружающих его женщин, бесновался. Позднее он был съеден Титанами. Итак, если Дионис, снедаемый Титанами, не был в состоянии помочь самому себе, но был беснующимся, пьяницей и беглецом, то какой же он был бог?

9. И выводят также Геркулеса за бога, о котором говорят, что он пьянствовал, бесновался, пожирал собственных своих детей; потом был

истреблен огнем и, таким образом, умер. Как же мог быть богом пьяница, детоубийца и подверженный влиянию огня, и каким образом мог помочь другим тот, кто не мог спасти самого себя?

XI

1. После этого выводят еще бога и называют его Аполлоном; о нем говорят, что он завистлив и переменчив: держит то лук и колчан, то цитру и бубен, и он предсказывает людям, ради заработка. Следовательно, и он нуждается? Совершенно не мыслимо, чтобы Бог нуждался, или искал чего-либо, или играл на цитре!

2. И рассказывают, далее, что сестра его — Артемида, будучи охотницей, имеет спереди лук, а сзади колчан и одна с собаками блуждает по горам, чтобы охотиться на оленя, или кабана. Как же может быть богом эта женщина, и охотница, и окруженная собаками?

3. И об Афродите говорят; что она богиня распутная: ибо она имела связь с Ареем, потом с Анхизом, потом с Адонисом, смерть которого она оплакивала, ища своего возлюбленного; о ней говорят, что она сходила в Ад, чтобы отнять Адониса у Персефоны. Знаешь ли ты, царь, что-либо худшее этой безумной, преступной, стонущей и сетующей богини?!

4. И об Адонисе говорят, что он бог, тоже охотник и прелюбодей; о нем рассказывают, что он помер насильственно, так как будучи поражен диким зверем, не мог помочь себе в своем несчастии. Как же, таким образом, сделается попечителем людей любодейца, охотник и насильственно убитый?!

5. Далее говорят о Реи, что она мать всех их богов; и рассказывают о ней, что она имела своим возлюбленным Аттиса; она радовалась о погибших людях, но сильно сетовала и плакала по своем Аттисе. Если же эта мать богов не могла помочь своему возлюбленному и вырвать его из рук смерти, то как же может она помогать другим? Да и постыдно богине сетовать и плакать, или радоваться о погибших людях.

6. Выводят еще в качестве богини Кору, она была похищена Плутоном и не могла спастись. Если же богиня не может себя спасти, то как же станет она помогать другим?

7. Все это и многое другое, гораздо постыднейшее и худшее рассказывают Эллины, царь, относительно своих богов, чего непозволительно не только говорить, но даже и вовсе в мыслях носить.

Откуда люди, взявши пример нечестия от своих богов, творили всякое безобразие и непристойность, оскверняя землю и воздух ужасными своими деяниями.

XII

1. Египтяне же, будучи глупее и безрассуднее их, вдались в заблуждение хуже всех народов. Ибо они не удовлетворились предметами почитания варваров и эллинов, но объявили за богов еще и бессловесных животных, обитающих как на суше, так и в воде, а также деревья и растения; и погрязли во всяком безумии и нечестии хуже всех народов на земле.

2. Прежде же всего, почитали они Изиду, о которой говорят, что она истинная богиня и что она мужем своим имеет брата — Озириса. Но так как муж ее был убит другим своим братом — Тифоном, то Изида убежала с сыном своим — Гором в Библос Сирийский и оставалась там до тех пор, пока сын ее не вырос; после чего он сразился с своим дядей — Тифоном и умертвил его. Тогда Изида, вместе с сыном своим ходила повсюду и искала труп своего мужа Озириса и горько оплакивала его смерть.

3. Если же теперь, Изида действительно богиня и не могла помочь Озирису, своему брату и мужу, то возможно ли, чтобы она помогла кому-либо другому? Невозможно, чтобы божественная природа боялась и бегала, или плакала и жаловалась; иначе она была бы очень жалка.

4. Но и об Озирисе говорят, что он был благодетельным богом. Однако он был убит Тифоном и не мог помочь себе;

вестно, что подобного нельзя сказать об истинном Боге.

5. И о брате его — Тифоне говорят, что он бог, тот, который убил своего брата; но он был умерщвлен сыном своего брата и своей невесткой и не мог себе помочь. Какой же он после этого бог?

6. И так как Египтяне были неразумнее остальных народов, то они не довольствовались этими и им подобными богами, но именами богов называли и одушевленных животных.

7. Ибо некоторые из них обоготворили овцу, другие — козла, иные — тельца и свинью; одни — ворона и сокола, другие — коршуна и орла; прочие — крокодила, собаку, вола, обезьяну, дракона и змею, наконец,

некоторые — лук, чеснок, шиповник и прочие творения.

8. И не заметили, несчастные, относительно всех этих предметов, что они не имеют никакой силы. И видя, что эти божества постоянно снедаются людьми, сжигаются, приносятся в жертву и подвергаются гниению, они все же не поняли, что таковые не суть боги. Итак, в великое заблуждение впали Египтяне, введя подобных богов, в сильнейшее, чем все народы земли.

XIII

1. Но удивляюсь я, царь, на Эллинов, как они, отличаясь от прочих народов обычаями и образованностью, заблудились, дошедши до поклонения бездушным идолам и бесчувственным изображениям?

2. Удивляюсь, как они, видя своих богов, обделываемыми от мастеров, привязываемыми и вращаемыми ими, стареющими от времени, разрушающимися и уничтожимыми, не поняли относительно их, что это не боги? Ибо, когда они не были в состоянии ничего сделать для собственного спасения, то как же могут они промышлять о людях?

3. Поэты же и философы их, желая своими творениями и сочинениями почтить своих богов, говорят, что они (идолы) сделаны в честь Бога — Вседержителя и подобны Ему, Тому, Кого никогда никто не видал, чтобы судить, на что он похож, и никто увидеть не может.

4. И они рассуждают о Нем, как об имеющем некоторый недостаток, когда говорят, что Он нуждается в жертве и возлиянии, в убийствах (людей) и в храмах. Но Бог ни в чем не нуждается и ничего из этого не ищет и заблуждаются люди, так ошибающиеся.

5. Поэты же их и философы, утверждая, что одна природа всех богов их, не поняли, какова именно истинная природа Бога. Ибо, если тело человека, будучи многочастно, не расстраивается в собственных частях, но гармонируя все части, имеет их у себя в неделимом единстве, то как же в природе бога допущена эта самая борьба и разногласие? Если бы существовала единая природа богов, то невозможно было бы, что бог преследовал бога, или умерщвлял, или бы вредил ему.

6. Когда же одни боги преследуются другими, заколаются, похищаются и убиваются молнией, то, очевидно, тут уже не единая природа, а различные понятия, все плохо составленные; так что никто из них не есть Бог.

7. Поэтому очевидно, царь, вся наука о природе богов есть заблуждение. Ибо не должно считать богами видимых и невидящих, но невидимого и все видящего, и все устрояющего, должно почитать за Бога.

8. Каким так же образом мудрецы и ученые из Эллинов не поняли, что у них учредители законов осуждаются своими собственными законами? Ибо, если законы справедливы, то боги их, творящие преступление закона всецело нечестивы, будучи взаимоубийцами, волшебниками, ворами, любодеями и мужеложцами. Если же они (боги) хорошо поступают, то, следовательно, нечестивы законы, учрежденные богами. Если теперь законы, одобряющие доброе и порицающие дурное, хороши и справедливы, то дела богов их есть преступление; следовательно, боги их, как преступники, все подлежат смерти, а выводящие таких богов — нечестивы.

9. Ибо если истории о богах — мифы, то они ни что иное, как только слова; если они натуралистического характера, то уже это делающие и так страдающие суть не боги; если же они — аллегории, то они ничто иное, как и мифы.

XIV

1. Приступим теперь, царь, к иудеям, чтобы посмотреть, что мыслят и они о Боге?

2. Иудеи, именно, говорят, что существует единый Бог, всемогущий Творец всяческих и что не должно почитать что-либо иное, кроме одного только Бога.

3. И в том они, по-видимому, приближаются к истине выше всех народов, что более почитают Бога, а не Его творения и что подражают Богу в человеколюбии, помогая бедным, выкупая пленных, погребая мертвых и творя подобное этому, угодное пред Богом и славное пред людьми, что они получили от своих предков.

4. Однако же и они уклонились от истинного познания и, хотя в мыслях своих думали, что служат Богу, по делам оказывалось, что служение их относится к ангелам, а не к Богу, хотя они и соблюдают субботы и новомесячия и опресноки и великий праздник (Пасху?) и обрезание и воздержание в пище, впрочем, и это все не особенно строго сохраняют.

XV

1. Христиане же, царь, так как они всюду ходили и искали, обрели истину и, насколько можно судить из их писаний, подошли к ней и к правильному познанию гораздо ближе всех остальных народов.

2. Ибо они познали Бога Творца и устроителя всяческих и кроме Его не почитают никакого иного Бога.

3. От Него они получили заповеди, которые имеют начертанными в сердцах и их они сохраняют, ожидая воскресения мертвых и жизни будущего века.

4. Ради этого они не прелюбодействуют, не распутствуют, не лжесвидетельствуют, не ищут чужого, почитают отца и мать, справедливо судят.

5. Чего не хотят себе, не делают того другому, обижающих их увещевают и делают их полезными себе самим, стараются благодетельствовать даже врагам.

6. И жены их, царь, чисты, как девы, и дочери их благовоспитанны, и мужья их воздерживаются от всякого беззаконного сожития и всякой нечистоты в надежде на будущее воздаяние в том свете. Рабов же и рабынь, и детей, если их имеют, они, из любви к ним, убеждают сделаться христианами и когда они становятся ими, они без различия называют их братьями.

7. Они кротки и услужливы, ненавидят ложь и любят друг друга; вдовиц призирают, сирот не покидают. Имея, охотно жертвуют неимущему. Когда увидят иноземца, выходят из жилища и приветствуют его, как истинного брата, ибо и самих себя они называют братьями, не по плоти, но по духу.

8. И когда кто-либо из бедных помирает, и его увидит кто-нибудь из христиан, то он, по силе возможности, берет на себя заботу об его погребении. И если они услышат, что кто-либо из них пленен, или терпит несправедливость за имя Христа, они все заботятся о нем и, если возможно, освобождают его.

9. И если кто-либо из них беден или нуждается, они же не имеют лишних жизненных припасов, то постятся в течении двух или трех дней, чтобы восполнить его нужду (удовлетворить ее). И заповеди Христа твердо

сохраняют, живя благочестиво и правосудно, сообразно с тем, как повелел им Господь Бог,

10. Благодаря Его на всякий час за всякую пищу и питье и прочие блага.

11. И когда кто-либо праведный из них умирает, они радуются и благодарят Бога и провожают тело его, как бы переселяющегося из одного места в другое. И когда у кого-либо из них рождается дитя, они славословят Бога; когда же умирает младенец, они еще более прославляют Бога за то, что он (младенец) прожил в мире безгрешным. Если же видят, что кто-либо из них умирает во грехах, то горько плачут и стенают о нем, как об идущем на осуждение.

12. Таковы, царь, законы христиан и их нравы.

XVI

1. Как люди, познавшие Бога, они просят Его только о том, что прилично Тому дать, а им получить; и таким образом проводят жизнь. И так как они познали на себе благодеяния Бога, то убеждены, что все прекрасное в мире существует для них.

2. О добрых же делах, ими совершаемых, они не трубят в уши толпы, боясь, напротив, что бы кто-либо не заметил этого, так что скрывают свой дар, как кто-либо, обретший сокровище. И они стараются быть справедливыми, как люди, ожидающие видеть Христа и с большой похвалой получить от него обещанное. Итак, воистину это есть путь истины, который идущих по нему вводит в вечное царство, обещанное Иисусом Христом в будущей жизни.

3. Учения же их и заповеди, и священное служение, и ожидание будущей жизни ты, царь, можешь узнать из их писаний.

4. С меня же достаточно, что я вкратце познакомил Ваше Величество с христианской истиной и их обычаями. Ибо, действительно, велико и достойно удивления есть учение их для того, кто желает вникнуть и уразуметь его; воистину, это новый народ и в нем божественное примешение.

5. И чтобы узнать тебе, царь, что все это я говорю не от самого себя, ты вникни в писания христиан, и тогда найдешь, что, кроме истины, я ничего не говорю. И прочитав их писания, я уверовал в это и в будущее; и ради этого вынужден открыть истину тем, которые имеют к ней

склонность и ищут будущего мира.

6. И для меня несомненно, что ради молитв христиан стоит мир. Прочие же народы и сами заблуждаются и других вводят в заблуждение, преклоняясь (повергаясь) пред стихиями мира и блуждают во тьме, как бы ощупью, сталкиваются друг с другом и падают как опьяненные.

XVII

1. Здесь конец моего слова к тебе, царь! Ибо об остальном, находящемся, как сказано, в их писаниях трудно даже и говорить; ими же это не только говорится, но и делается.

2. Эллины же, царь, сами творя постыдное, до беззаконных связей с мужьями, матерями, сестрами и дочерьми, вину своего нечестия обращают на христиан. Христиане, наоборот, праведны и благочестивы, друзья истины и великодушны.

3. Так что, зная заблуждение их, они переносят насмешки и удары их и даже еще более оказывают им сострадания, как людям, не ведущим истины, и молятся за них, чт«обы они обратились от своего заблуждения.

4. Если же случится кому-либо из них снова отпасть, то он, стыдясь пред христианами своих поступков, снова исповедует Бога, говоря: в неведении я сотворил это», и он очищает свое сердце и прощаются ему грехи его, так как он согрешил в то прошлое время, когда хулил и смеялся над познанием христиан.

5. И действительно счастлив народ христианский выше всех народов земли.

6. Пусть же перестанут клевещущие и злословящие христиан и пусть они возвестят истину. Ибо гораздо полезнее почитать Бога — Творца, чем пустой звук.

7. Ибо сказанное христианами есть божественная истина, и учение их есть дверь света.

8. Итак, пусть приступят все, неведущие Бога, и приимут Его нетленные и вечные глаголы, чтобы, избегнувши наказания в грядущем страшном суде, явиться участниками новой жизни.

Конец апологии философа Аристида

Св. Григорий Нисский о цели жизни по Боге

Если кто, хотя немного, отрешив свой разум от тела и став чужд рабству страстям и неразсудительности, ясною и проницательною мыслию взглянет на свою душу, тот в естестве ея во всей чистоте увидит любовь Божию к нам и намерение, какое Он имел при создании ея. Ибо разсматривая ее таким образом, он найдет, что с самою сущностию и природою человека соединено стремление желания к добру и совершенству, и что с самым естеством его сопряжена безстрастная и блаженная любовь к тому умопостигаемому и блаженному Образу, котораго человек есть подобие. Но некое блуждание сих видимых и вечно текущих вещей, посредством неразумной страсти и горькаго удовольствия обольщая и очаровывая небрежную и нерадивую от безпечности душу, влечет ее к тяжкому пороку, раждающемуся от удовольствий жизни и раждающему смерть для своих любителей. По сему, благодать Спасителя нашего даровала любовию приемлющим, познание истины, как спасительное врачество душам, им разрушается обольщение чарующее человека, угашается безчестное мудрование плоти, когда душа приявшая единение, светом истины путеводится к Божеству и собственному спасению.
Итак, кто намерен душу и тело по закону благочестия привести Богу и воздавать Ему непорочное и чистое служение, тот, соделав руководительницею жизни благочестивую веру, которую возглашают по всему Писанию уста святых, с доверчивою и послушною душею, должен предаться течению добродетели, отрешив себя от уз жизни, всецело и единственно предав себя вере и жизни Божией, ясно зная, что в ком благочестивая вера и непорочная жизнь, тому присуща и сила Христова, а в ком Христова сила, от того бежит зло. Велико, истинно велико святое крещение для приемлющих оное со страхом, в деле стяжания умопостигаемых благ. Ибо богатый и независтный Дух, присно текущий для всех приявших благодать, исполненные которою святые апостолы явили Христовым церквам плоды полноты, — сей Дух, для всех искренно приявших дар, по мере веры каждаго из приемлющих, пребывает помощником и сожителем, создавая в каждом все благое для споспешествования душе в делах веры.
Итак, каждый из нас, чрез преуспеяние в добродетели, должен доводить себя до меры возраста мужа совершеннаго, по слову апостола: дондеже достигнем вси в соединение веры и познания Сына Божия, в мужа

совершенна, в меру возраста исполнения Христова (Ефес. 4, 13). Приращение тела в его возрастании нисколько не зависит от нас; ибо природа не соразмеряет величины тела с мыслию и желанием человека, но с своими стремлениями и необходимыми законами. А в обновленном рождении, мера и красота души, даруемыя благодатию Духа по мере заботы о том восприемлющих оную, зависят от нашего желания; ибо до какой меры простираем подвиги благочестивой жизни, до такой меры вместе с ними простирается и величие души. И вечную жизнь и неизреченеую радость на небесах дает благодать Духа; а достоинство принять дар и вкусить благодать получает любовь по вере трудами.

Достигнув до сего, правда дел и благодать Духа взаимно исполняют блаженною жизнию душу, в коей стеклись; находясь же в разединении друг с другом, не доставляют никакой пользы душе. Ибо как благодать Божия не может привитать в душах бегущих спасения; так и сила человеческой добродетели сама по себе недостаточна, чтобы души непричастныя благодати возвести к совершенному виду жизни: аще не Господь созиждет дом и сохранит град, всуе (Псал. 126, 1) трудятся заботящиеся о том; отсюда научаемся, что не должно думать, будто венец всецело зависит от человеческих стараний, но надежду достигнуть онаго должно возлагать на волю Божию. А воля Божия состоит в том, чтобы очистить душу благодатию, и чистою привести ее к Богу; ибо таких ублажает Господь, говоря: блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят (Матф. 5, 8). Видишь ли награду за чистоту? Видеть Бога, в какой мере доступно нам, — что может быть лучше сего? Посему и Давид просит сего, говоря: буди сердце мое непорочно во оправданиих Твоих, яко да не постыжуся (Псал. 118, 80); повелевает бояться постыднаго и отлагать оное как оскверненную одежду. Еще говорит: тогда не постыжуся, внегда призрети ми на вся заповеди Твоя (Псал. 118, 4); ибо в исполнении заповедей Дух полагает дерзновение. И опять: сердце чисто созижди во мне Боже, и: духом владычним утверди мя (Псал. 50, 12. 14). А в другом месте спрашивает: кто взыдет на гору Господню? За тем отвечает: неповинен рукама и чист сердцем (Псал. 23, 3-4). Желающему сблизиться с кем нибудь, должно подражать его нраву; так и душе желающей быть невестою Христа необходимо уподобляться по возможности красоте Христовой. Душа, намеревающаяся возлететь к Божеству и прилепиться Христу, должна изгнать из себя всякий грех, — разумею кражу и хищничество, прелюбодеяние и корыстолюбие и блуд и болезнь языка и все роды прегрешений, как явных так и тайных, каковы например: зависть, неверие, злонравие, обман и весь потаенный рой пороков, которые как и явный род грехов равно ненавидит Писание и гнушается ими. Чьи кости разсыпа Господь? не человекоугодников ли (Псал. 52, 6)? Кем гнушается Господь, как преступником и убийцею? не мужем ли лживым и коварным? Ибо мужа кровей и лстива гнушается Господь (Псал. 5, 7). Не явно ли Давид предает проклятию глаголющих мир с ближними своими, злая же в сердцах своих (Псал. 27, 3)? Посему и заповедано нам не

гоняться за похвалами людей и не стыдиться безчестия от нах: ибо всех делающих какое либо доброе дело напоказ Писание лишает награды на небесах, как получающих хвалу здесь, от людей (Матф. 6, 1).

Но скажешь: как же Господь говорит: тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, иже на небесех (Матф. 5, 16)? На это отвечу тебе: слово Божие повелевает последующему заповедям Божиим все, что бы он ни делал, делать имея в виду Его одного и Ему единому угождать, не гоняясь ни за какою славою от людей, но бегая похвал от них и тщеславия, всего себя являть жизнию и делами, дабы зрители их, — не сказал Господь: подивились старающемуся выказать себя, но — прославили Отца вашего, иже на небесех. Ибо к Тому повелевает относить всякую славу, и по Того воле совершать всякое дело, у котораго отложена и награда за добрыя дела. Стремись к горним похвалам, говоря с Давидом: от Тебе похвала моя (Псал. 21, 26), и: о Господе похвалится душа тоя (Псал. 33, 3). Желающаго чести здесь, Господь причисляет к неверным: како, говорит, вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единаго Бога не ищете (Иоан. 5, 44).

К неявным грехам принадлежит и ненависть. Послушай Господа, который говорит: ненавидяй брата своего человекоубийца есть; и: весте, яко всяк человекоубийца не имать живота вечнаго (1 Иоан. 3, 15). Итак того, кто ненавидит брата, извергает из жизни, как человекоубийцу. А о том, что нет никакого различия между внутрь сокрытыми и явными пороками, послушай апостола, который говорит: якоже не искусиша имети Бога в разуме, предаде их Бог в неискусен ум, творити неподобная, исполненных всякия неправды, блужения, лукавства, лихоимания, злобы: исполненных зависти, убийства, рвения, лсти, злонравия: шепотники, клеветники, богомерзки, досадители, величавы, горды, обретатели злых, родителем непокоривы, неразумны, непримирительны, нелюбовны, неклятвохранительны, немилостивы. Нецыи же и оправдание Божие разумевше, яко таковая творящии достойни смерти суть... (Рим. 1, 28-32). Видишь, как злонравие и самохвальство и обман и прочие тайные пороки апостол поставил на ряду с убийством и корыстолюбием и тому подобным. Сокрытые в душе пороки столь злы и неудобоисцелимы, что одним человеческим старанием и добродетелью, без приятия на помощь силы Духа, увичтожить и изгнать их невозможно. Посему и Давид говорит: от тайных моих очисти мя, и от чуждих пощади раба Твоего (Псал. 18, 13-14). Ибо из двух частей состоит единый человек, из души и тела; тело вне его, а жизнь души есть внутренняя. Итак человеку нужно бодрствовать над тем, что вне его, наблюдая, чтобы какое либо опасное прегрешение прившедши в душу, не поколебало и не растлило ея. Таковому угрожает и апостол, говоря: аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог (1 Кор. 3, 5). Внутренняго же человека должно охранять со всею бдительностию, чтобы какая нибудь злая мысль, возникнув откуда-то из

глубины и растлив помысл благочестия, не поработила душу, исполнив оную тайно расторгающими ее страстями. Не сопрягай, говорит блаженный Моисей, на гумне твоем животных разнородных вместе, как-то вола и осла, и не соединяй в ткани одежды шерсти со льном (Втор. 22, 10-11); не возделывай на поле земли твоей двух родов хлеба вместе и дважды в тот же год (Лев. 19, 19); не совокупляй инородное животное с другим для приплода (Втор. 22, 9).

Что значат сии загадочныя речения? Что не должно в той же душе насаждать вместе порока и добродетели. Какая дружба может быть между целомудрием и невоздержанием? Какое единомыслие между правдою и неправдою? Одно всегда должно уступать другому. И так мудрый земледелец должен, как бы из годнаго для питья и благаго источника, источать чистыя струи жизни, зная одно земледелание Божие, и над ним трудясь всю жизнь, дабы, если и прорастет в тайнике добродетели какой либо чуждый помысл, Всевидящий видя твои труды, своею силою в скорости истребил сокрытый корень помыслов прежде произрастания. Ибо не может обмануться в надежде или остаться без отмщения тот, кто постоянно прибегает к Богу. Если евангельская вдовица, которую привела к нечеловеколюбивому судье великость обиды, посредством великаго труда и постоянства в прошении победив нрав судьи, вызвала отмщение обидевшему ее (Лук. 18, 2-9); то и ты молясь, не получишь отказа. Если ея неотступность в прошении, склонила немилостиваго начальника, то как можем мы отказываться от жизни по Боге, коего милость, как знаешь, часто предваряет прошение. Ревнуйте, говорит апостол, дарований больших; и еще по превосхождению путь вам показую. Аще языки человеческими глаголю и ангельскими, любве же не имам, бых яко медь звенящи, или кимвал звяцаяй (1 Кор. 12, 31; 13, 1). А в чем состоит преимущество любви, объясняет так: любы не завидит: любы не превозносится, не гордится, не безчинствует, не ищет своих си, не раздражается, не мыслит зла, не радуется о неправде, радуется же о истине: вся покрывает, всему веру емлет, вся уповает, вся терпит; любы николиже отпадает (1 Кор. 13, 4-9). Что это значит? Если кто, хотя и получил другия дарования, которыя сообщает Дух (говорю о иностранных языках, пророчестве, знании и дарованиях исцелений), но еще не освободился чисто, помощию Духа, от внутренних удручающих его страстей, тот еще не принял окончательнаго врачевства спасения; он находится еще в опасности падения, не имея любви укрепляющей и утверждающей в постоянстве добродетели. Итак, когда низойдет к тебе оное богатство просимаго, тогда будь нищ мыслию, всегда припадая и ожидая для души блага любви, как бы какого украшения сокровищу благодати, и подвизаясь против всякой страсти, пока не достигнешь цели благочестия. Опять апостол говорит: аще кто во Христе нова тварь: древняя мимоидоша (2 Кор. 5, 17). Новою тварию называет вселение Святаго Духа в чистом и непорочном сердце, свободном от всякаго зла, лукавства и всего постыднаго. Ибо как скоро душа возненавидит грех, усвоит себе по

возможности добродетельный образ жизни и приимет в себя благодать Духа, претворив оную в жизнь, то она станет всецело новою и возсозданною. И слова апостола: очистите ветхий квас, да будете ново смешение; и: да празднуем не в квасе ветсе, но в безквасиих чистоты и истины (1 Кор. 5, 7-8), согласны с сказанным о новой твари. Много сетей ставит душе искуситель; человеческая же природа сама по себе слаба для победы над ним. Посему апостол и повелевает нам вооружать члены небесным оружием, бронею правды, говоря: облекитеся и обуйте нозе во уготование мира и препояшьте чресла истиною; над всеми же восприимите щит веры, в нем же возможете вся стрелы лукаваго разженныя (то есть необузданныя страсти) угасити (Ефес. 6, 13-17). Повелевает также восприять и шлем спасения и святый мечь Духа (Ефес. 6, 18); мечем именует слово в силе Божией, коим вооружив десницу души, должно сокрушать козни врага. Видишь, сколько способов спасения, направленных к одному предмету и к одной цели, указал тебе апостол; при помощи их удобно совершается течение жизни к вершине заповедей Божиих.

Такова цель благочестия. Посвятившим себя любомудрию должно точно знать ее, чтобы всем огвергнуть высокомерие и не думать много о своих успехах, но отвергшись своей души с жизнию, взирать на единое богатство, которое как награду за любовь во Христе даровал Бог любящим, как говорит тот же апостол: терпением да течем на предлежащий нам подвиг: взирающе на начальника веры и совершителя Иисуса (Евр. 12, 1). Итак не станем превозвоситься дарованиями Духа и какой либо успех в добродетели делать поводом к самомнению и гордости, прежде достижения конца уповаемаго, дабы не лишиться того, к чему стремимся, высокомерием сделав безполезным для себя предыдущий труд и оказавшись недостойными того совершенства, к которому влекла нас благодать Духа. В том состоит великое совершенство любомудрия, чтобы будучи великим... смиряться... [1] сердцем и осуждать свою жизнь, не полагая в своей совести, будто соделали что либо достойное Бога.

Думаю, что для решившихся жить по правилам любомудрия, в надежде достижения цели, сказано достаточно. К сказанному наконец должно присовокупить наставление и о том, как таковым должно жить вместе друг с другом, как вместе стремиться, пока не достигнут горняго града. Итак искренно презревший все ценимое в сей жизни и отвергшийся всякой дольней славы должен вместе с жизнию отвергнуться и собственной души. Отвержение же души состоит в том, чтобы никак не искать своей воли, но воли Божией, и подчиняться ей как благому кормчему, который общую совокупность братства с единомыслием направляет к пристани божественной воли, и не иметь никакой собственности кроме общей, исключая одежды покрывающей тело. Ибо при этом будет больше готовности, усердно с удовольствием и надеждою исполнять приказания предстоятелей, как следует рабу

Христову и искупленному для служения всем братиям. Сего хочет и Господь, говоря: кто хочет быть между вами первым и великим, да будет всем меньший и всем раб (Марк. 9, 34). Рабство же это должно быть безмездным у людей, и таковый должен подчиняться всем и служить братии как заложивший себя должник. А предстоятели сего духовнаго лика, имея в виду величие лежащей на них заботы и силу зла, замышляющаго ковы против веры, должны достойно нести подвиг настоятельства и не надмеваться властию. Ибо в настоятельстве предстоятели должны трудиться больше других, начальники думать о себе смиреннее других, и представлять свою жизнь как образец служения другим, почитая вверенных им залогом Божиим. Итак, предстоятели должны пещись о братиях как способные воспитатели нежных детей, вверенных их отцами. Те, наблюдая нравы детей, на одного действуют ударами, на другаго увещанием, на инаго похвалою, на инаго чем либо иным тому подобным, не делая ничего, что им по нраву, или не нравится; так должны поступать и духовные предстоятели. Если в таком отношении будете друг к другу, ученики и наставники, первые с радостию доверяя приказаниям, а последние с удовольствием руководствуя братий к совершенству, и если в почтительности станете предупреждать друг друга (Рим. 12, 10), то на земле будете жить жизнию ангельскою. Пусть каждый убедит себя, что он ничтожнее не только брата живущаго с ним, но и всякаго человека; ибо сознавая сие, он будет подлинно учеником Христовым. Итак зная плоды смирения и вред гордости, подражайте Владыке и единым телом и одною душею теките к горнему званию, любя Бога и друг друга. Ибо любовь и страх к Господу есть первое исполнение закона. Только любовь к Богу обыкновенно возникает в нас не просто и самопроизвольно, но посредством многих трудов и великих забот и при содействии Христовом, как говорит премудрость: аще взыщеши ея яко сребра и якоже сокровища испытаеши ю: тогда уразумееши страх Господень и познание Божие обрящеши (Прит. 2, 4-5). А обретши познание Божие, с тем вместе удобно уразумеешь и страх, и успеешь в следующем за тем, — говорю о любви к ближнему. Ибо когда трудом приобретено первое и великое, второе, как меньшее, менее трудно. Поелику не возлюбивший Бога всем сердцем и всею мыслию может ли искренно и без обмана заботиться о том, чтобы любить братий?

А виновник зла нашедши кого либо не всецело отдавшим душу Богу и не вполне отверзшим ее для любви к Нему, овладевает им, удобно обольщая лукавыми помыслами, то представляя трудными заповеди писания и тягостным служение братиям, то посредством самаго служения сослужителям надмевая высокомерием и гордостию, как бы внушая искать славы у людей и требовать чести от братий, и таким образом поступать и действовать подобно неверным. Ибо кто гонится за человеческими почестями, вместо небесных, тот есть неверный, как говорит негде сам Господь: како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единаго Бога не ищуще (Иоан. 5, 44)?

Итак если нам присуща любовь Божия, то необходимо, чтобы за нею следовало и прочее: и братолюбие, кротость, нелицемерие, постоянство и тщание в молитвах и, вообще, все добродетели. Так как сокровище велико, то велики должны быть и труды для приобретения его, предпринимаемые не напоказ людям, но для угождения Богу, ведущему тайное. Для любящих же Бога, труд исполнения заповедей удобен и приятен, поелику любовь к Нему делает для нас подвиг нетрудным и любезным. Посему и лукавый, всеми способами усиливается изгнать из наших душ страх Господень и преступными удовольствиями разрушить любовь к Нему. Ибо он обладает большим искусством, как скоро найдет стражей безпечными, улучить время и вторгнуться в труды добродетели и всеять в пшеницу свои плевелы: — разумею злословие, гордость, тщеславие, желание почести и прочия произведения зла. Итак нужно бодрствовать и отвсюду наблюдать за врагом, дабы, если по своему безстыдству и устроит какой-либо ков, сокрушить его, прежде чем коснется души. Помните также постоянно и то, что Авель принес Богу жертву от первородных овец и от тука, а Каин от плодов земных, но не от овец: и призре Бог на жертвы Авеля, на дары же Каина не внят (Быт. 4, 4-5). Из сего повествования можно видеть, что Богу благоугодно все совершаемое со страхом и верою, а не то, что хотя и многоценно, но без любви. Ибо и Авраам не иначе приял благословение от Мельхиседека, как принесши священнику Божию начатки и лучшее (Быт. 14, 19-20). Первою же и лучшею частию добычи называет самую душу и ум, повелевая нам не скупо приносить Богу в жертву хвалы и молитвы, и не предлагать Владыке что ни случится, но посвящать Ему что ни есть лучшаго в душе, или лучше сказать всю ее всецело. А какую из частных добродетелей почитать совершеннейшею и достойною заботы прежде прочих, и какую за сим второю, и какия остальными дальнейшими, — сказать нельзя. Ибо оне одинаково зависят одна от другой и обладающих ими, одна посредством другой ведут на высоту совершенства, ибо простота отсылает к послушанию, послушание к вере, вера к надежде, а надежда к правде; последняя к служению, а это к смирению; смирением обемлется кротость, которая ведет к радости; радость же к любви, любовь к молитве; и таким образом взаимно завися и воставляя в зависимость от себя обладающаго ими, возводят его на самую вершину желаемаго; также наоборот и зло своих друзей, свойственными себе мерами, низводит до крайней порочности. Но более всего должно вам прилежать к молитве; ибо она есть как бы некий предводитель лика добродетелей, и посредством таинственной святости и духовнаго действия и неизреченнаго расположения, прилежнаго в молитве вводит в единение с Богом. Кто пламенеет любовию, никогда не находит насыщения в молитве, но всегда сгарает желанием блага, по написанному: ядущии мя еще взалчут, и пиющии мя еще вжаждутся (Сир. 24, 23); и в другом месте: дал еси веселие в сердце моем (Псал. 4, 8); и Господь говорит: Царствие Божие внутрь вас есть (Лук. 17, 21). Царствием же назвал раждаемую в душах Духом радость, коею будут наслаждаться тогда души святых.

Итак, поелику показано, в чем состоит цель благочестия, которую должны предположить себе избравшие боголюбивую жизнь, — что она есть очищение души и вселение Духа чрез преуспеяние в добрых делах, то каждый из вас, устроив душу указанным способом и исполнив ее божественной любви, пусть посвятит себя молитвам и постам, помня увещание непрестанно (1 Сол. 5, 16) молитися и не стужати си (Лук. 18, 1). Ибо тщательность в молитве много нам дарует; только каждый пусть делает это с внимательною и правою совестию, никак не блуждая мыслию по произволу и не воздавая молитву как бы необходимый, невольный долг, но исполняя ею любовь и желание души. Но и сам Господь внушит просящим как молиться, по сказанному: даяй молитву молящемуся.

Итак, прилежный к молитве должен просить оной и знать, что в столь важном деле он со многим старанием и усилием должен выдержать тяжкую борьбу. Поелику с особенною силою нападает на таковых злоба, отовсюду стараясь ниспровергнуть наше старание. Там ослабление тела и души, здесь изнеженность, беззаботность, нерадение, и все прочее, что губит душу, терзаемую по частям и предающуюся врагу своему. Итак должно, чтобы душею, как бы мудрый кормчий, управлял разум, указывая прямой путь к горней пристани и предавая душу неповрежденною вверившему оную Богу. И настоятели должны также приходить на помощь к таковому, и при помощи всякой старательности и увещания, питать в молящемся любовь к предлежащему ему делу. Ибо плод добродетелей у истинно молящихся, явный для разумеющих, приносит пользу не одному только преуспевающему, но и младенцам еще и нуждающимся в наставлении, возбуждая их к подражанию тому, что видят. Плоды же искренней молитвы: простота, любовь, смиренномудрие, терпение, незлобие и тому подобное; все это, и прежде принесения вечных плодов, здесь произращает плод в жизни старательнаго. Таковы плоды украшающие молитву; если недостает их, то напрасен ея труд. И не одна только молитва, но и вся жизнь любомудрия, возрастая таким образом, есть подлинно путь правды и ведет к прямой цели; лишенный же сего остается при одном пустом имени. Какая польза от насажденной с трудом виноградной лозы, если нет на ней плодов, ради которых земледелец понес труд? Какая выгода от поста и молитвы и бодрствования, если нет мира и радости и любви и прочих плодов благодати Духа? Итак должно, чтобы труды поста и молитвы и прочих дел сопровождались большим удовольствием и радостию; цветы же и плоды трудов происходят, как следует веровать, от действия Духа.

Если же кто припишет их самому себе и отнесет все к своим трудам, то у таковаго, вместо оных нетленных плодов, раждается высокомерный образ мыслей. Посему, подвиги добродетели должно нести с удовольствием, а освобождение души от страстей относить к Богу, дабы

таким образом душа, став превыше самой себя и сильнейшей злобы врага, представила себя благим жилищем покланяемому и Святому Духу, прияв от котораго безсмертный мир Христов, чрез оный соединяется с Господом и прилепляется Ему. Если же некоторые, еще не имея ни напряженности совершенной молитвы, ни приличной этому делу старательности и силы, лишены этой добродетели; то пусть исполняют послушание в ином роде, по силе служат другим, усердно делая, работая тщательно с удовольствием, не за какую-либо награду и не ради славы человеческой, служа другим не как чужим телам и душам, но как рабам Христовым, как нашим родным, чтобы наше дело явилось пред Господом чистым и без обмана. И никто пусть не извиняет себя безсилием для подвига добродетели; ибо Господь не повелевает ничего невозможнаго; иже аще, говорит, напоит чашею студены воды, во имя ученика, аминь глаголю вам, не погубит мзды своея (Матф. 10, 42). Что удобоисполнимее сей заповеди? А награда за удобоисполнимое дело — небесная. И опять: что единому сих сотвористе, Мне сотвористе (Матф. 25, 40). Заповедь мала; а польза от послушания велика. Таким образом ничего не требует сверх силы, но малое ли, великое ли сделаешь, последует тебе награда, какую пожелаешь избрать. Ибо если станешь творить добрыя дела во имя Божие и по страху Божию, получишь неотемлемый дар; а если напоказ, то послушай Господа, с клятвою утверждающаго: аминь, глаголю вам, восприимет мзду свою (Матф. 6, 2). А чтобы кто не испытал сего, заповедует ученикам, а чрез них нам: внемлите, не творите милостыни вашей, или молитвы или поста пред человеки; аще ли же ни, мзды не имате от Отца вашего, иже есть на небесех (Матф. 6, 1-9); Ему слава во веки. Аминь.